

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИ
СБОРНИК

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ 92

(МАТЕРИАЛЫ II ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗВАИГЗНЕ»
РИГА 1968

44/5716

4 К
М 341

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Кандидат филологических наук, доцент *Л. И. Немцева*
Кандидат филологических наук *Н. П. Раздорова*
Кандидат филологических наук, доцент *М. Ф. Семенова*

Редактор Л. Марауска. Худ. редактор А. Озолиня. Техн. редактор В. Микельсон. Корректор З. Дарзнице
Сдано в набор 29 августа 1967 г. Подписано к печати 28 февраля 1968 г. Формат бумаги 60×84/16. 12,0 физ. печ. л. 12,0 усл. печ. л. 11,01 уч. изд. л. Тираж 1000 экз. ЯТ 09573. Цена 73 коп. Издательство «Звайгзне», г. Рига, ул. Горького, 105. Изд. зак. № 578/63. Отпечатано в Рижской Образцовой типографии Управления полиграфической промышленности Комитета по печати при Совете Министров Латвийской ССР, ул. Пушкина, 12.
Заказ № 1984-А.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Ф. Семенова.</i> О региональном атласе русских старожильческих говоров Прибалтики	5
<i>Х. Хейгер.</i> Диалектный русско-эстонский билингвизм на территории Эстонской ССР	14
<i>А. И. Симица.</i> О словаре Вышек и Московской	24
<i>В. Н. Немченко.</i> Диалектная лексика русских старожильческих говоров Литвы, общая с лексикой литовского языка. (К вопросу о корневых диалектизмах).	36
<i>Е. З. Марченко.</i> Названия некоторых хозяйственных построек в русских говорах Зарасайского района Литовской ССР	73
<i>Л. И. Немцева.</i> Слова-дублиеты в русских старожильческих говорах на территории Латвийской ССР	82
<i>В. Н. Немченко.</i> Отсубстантивные прилагательные с суффиксом <i>-н-</i> в говорах русских старожилков Прибалтики	96
<i>М. К. Сивицкене.</i> Об особенностях проявления некоторых морфологических черт в русских говорах Литвы	112
<i>О. Н. Шулене.</i> Некоторые особенности отрицательных предложений в русских говорах Прибалтики (по материалам русского говора Зарасайского района Литовской ССР).	117
<i>А. Ф. Манаенкова.</i> Белорусская лексика в говоре русского села Леонтьева Гомельской области	131
<i>Е. И. Самохвалова.</i> Среднерусские говоры в украинском окружении	155
<i>Л. Ф. Ципцюра.</i> К характеристике системы консонантизма русского говора с. Красиловка Иванковского района Киевской области	174
<i>Е. А. Некрасова.</i> Существительные женского рода на <i>-а-</i> , образованные от существительных женского и мужского рода с безударным или нулевым окончанием в говоре д. Деулино Рязанской области	186

Сборник печатается по решению Второй межвузовской диалектологической конференции по изучению русских говоров в Прибалтике, которая состоялась в Латвийском государственном университете имени Петра Стучки в феврале 1966 г. с участием представителей высших учебных заведений Латвии, Литвы, Эстонии, а также Ленинграда, Новгорода, Великих Лук, Минска и Киева, сотрудников Академий наук СССР, БССР, УССР.

В настоящем сборнике печатаются в основном доклады, прочитанные на конференции.

О РЕГИОНАЛЬНОМ АТЛАСЕ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ ПРИБАЛТИКИ

Вопрос о региональных атласах изучен мало. И. О. Дзензелевский в своей брошюре «Засады укладання региональных атласив слов'янських мов» (Киев, 1965), посвященной V международному съезду славистов в Софии, пишет, что региональный атлас — это часть национального атласа, областной атлас небольших территорий, квадратов, где можно отразить те узколокальные явления, которые не входят в национальный атлас. Осуществить это удастся при наличии более густой сетки обследуемых мест. При составлении регионального атласа могут быть выдвинуты те или иные проблемы, которые и охарактеризуют основной профиль такого атласа.

На X диалектологическом совещании в Москве в 1965 году Л. И. Баранникова в своем докладе на тему «К вопросу об изучении диалектов на территории позднего заселения» выдвигает предложение о создании другого типа регионального атласа, а именно на территории сплошного, хотя и позднего русского заселения, и называет такой тип атласа микроатласом.

В журнале «Славия» за 1965 год (№ 2) Э. Эйхлер в статье «К включению прежних славянских языковых территорий в славянский лингвистический атлас» пишет о картографировании славянских языковых территорий в иноязычном окружении. Автор указывает, что Р. И. Аванесов предлагает считать такие материалы дополнительными картами или атласами к общеславянскому атласу, ограничиваясь территориями, соседними со славянскими.

Еще необходимо отметить статью Э. Врабие в журнале «Романославика» за 1963 год (№ 9) на тему «Место славянских говоров на территории РНР в системе славянских языков и их значение для славянской диалектологии». Правда, здесь не говорится о лингвистическом атласе, но речь идет о таких

же русских старообрядческих говорах в иноязычном окружении, какие имеют место у нас в Прибалтике. Автор отмечает, что в таких говорах сохраняются архаичные черты (например, наличие слов *сусед*, *атоса*), что позволяет установить хронологию некоторых языковых явлений, так как эти говоры не испытывают влияния литературного языка.

Региональный атлас русских говоров Прибалтики имеет свои особые задачи и ставит перед собой иные проблемы, чем региональные, или областные, атласы небольших исконно русских территорий или районов сплошного позднего заселения. Это объясняется внелингвистическими факторами и связано с условиями жизни самих носителей этих говоров. При этом учитывается и административное деление территорий — современные республики: Латвийская, Литовская и Эстонская, — бывшие губернии — Витебская, Ковенская (еще раньше Царство Польское) и Эстляндская, где в течение длительного времени складывались определенные экономические, политические и языковые отношения. Русские говоры Прибалтики занимают островное положение в иноязычном окружении, среди родственного балтийского языкового массива, латышского в Латвии и литовского в Литве, иногда по соседству с близкородственными белорусскими (или польскими) языковыми островками. Вся эта разноязычная территория на востоке соприкасается с северо-западной языковой зоной РСФСР (Псковские говоры), а на юге с Белоруссией.

Несколько выпадают из общего плана русские говоры Эстонской ССР, которые представляют особый изолированный остров среди неродственного эстонского населения.

Правда, и каждая из трех прибалтийских республик имеет также свою специфику, в связи с чем возникает вопрос, нужен ли региональный атлас русских говоров Прибалтики в целом или можно ограничиться созданием отдельных атласов по каждой республике. Такой вопрос стоял и при подготовке «Материалов для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики». Как отмечается в рецензиях, некоторые склоняются в пользу словарей по отдельным республикам. Но каждый из возможных вариантов имеет свои положительные и отрицательные стороны. Изучение отдельной территории даст более детальный материал и установит более мелкие языковые явления, а общий атлас позволит сделать более широ-

кие обобщения, как на это указывает В. Руке-Дравиня в своей статье «Die Untersuchungen der russischen Mundarten im Baltikum und ihre Bedeutung für die Allgemeine Dialektologie» (Scando-Slavica, XI).

Региональный атлас русских говоров Прибалтики продолжит с востока изоглоссы северо-западного атласа русских говоров, то есть укажет на связи с основной территорией, так как, по воспоминаниям местных старожилов, их предки пришли от Пскова, Новгорода, Старой Руссы. Во-вторых, с юга могут быть продолжены некоторые изоглоссы белорусского атласа. Ср., например, такие слова, как *рей*, *сушарня*, *авин* или *белка*, *векша*, *вавёрка*, или *бульба*, *картошка*, или *брюква*, *грыжына*, *калика*, *калевка* и др.

Атлас покажет также связь с изоглоссами основных говоров территорий, то есть латышских, литовских или эстонских. Таким образом, основной принцип картографирования — это межъязыковое и междialeктное контактирование. Примером таких общих славяно-балтийских изоглосс может служить употребление слов *рей*, *сябр*, *пуня* и др., что позволит установить границы распространения того или иного явления.

Некоторые языковые явления дают возможность установить большую близость, например, латышского языка с белорусским, а не с русским, как это обычно указывалось в литературе. Ср., например, высказывания самих старожилов, что многие слова, являющиеся белорусскими, называются латышскими, так как они встречаются в речи латышей и русским не известны, например: *став*, а по-латышски *кросны*, *шерсть* — *волна*, *сундук* — *скрыня*, *рожь* — *жито*, *баня* — *лазня*, *фронтон* — *евель*, *картошка* — *бульба*, *сосед* — *сябра* и др. Это связано с установлением западного языкового ареала, в который входят не только, как указывал в свое время Т. Лер-Сплавинский, западно- и восточнославянские языки, образуя особо близкую группу, но и балтийские. В состав такого ареала, возможно, входили, как показывает наш материал, польский, белорусский, русские говоры Прибалтики, латышский и литовский языки.

Так как русские говоры Латвии расположены в Латгалии, то есть на юго-востоке республики, где довольно хорошо изучены латышские говоры, то сбор материала и картографирование проводится по тем же территориям. И здесь можно проводить сравнение по русским и латышским говорам. Это

позволяет отчетливее представить общие явления и языковые взаимодействия.

Мы располагаем русским диалектным материалом по территориям 25 латышских говоров.

Программа-вопросник составлена на основании программ русской, белорусской, латышской и литовской с учетом тех материалов и наблюдений, которые уже накопились. Отбор соответствующих явлений обусловлен особенностями изучаемых говоров. Всего намечается около 100 вопросов, половину которых составляет лексика. Количество карт предполагается небольшое. Следовательно, имеется в виду составление не общего, полного атласа, а специального, тематического, проблемного, то есть предполагается представить соотносительные данные местных русских говоров с другими славянскими и балтийскими языками и говорами на данной территории на современном этапе их существования, провести локальные изоглоссы более позднего времени.

Самыми интересными и наиболее разработанными разделами оказались в программе лексика и синтаксис, так что, возможно, ими и ограничится картографирование¹. Труднее в намеченном направлении разработка разделов фонетики, морфологии и словообразования. Правда, некоторые карты, возможно, не дадут изоглосс. Так, повсеместно встречается на данной территории только одно слово, например: *шершень*, *копать* (картошку), *грабить* (сено), но это даст материал для более широких обобщений.

Материал, в первую очередь, отбирается из предыдущих экспедиций, которые проводились в различное время в течение последних 15 лет и имели разнообразные цели: 1) сбор материала для атласа русских говоров, 2) сбор материала для русского регионального словаря. Поэтому собранный материал может быть использован для атласа только отчасти. Он неполон, и еще потребуются повторные экспедиции в одни и те же места, а также сбор материала на новых, до сих пор еще совершенно не обследованных территориях русских говоров республики. Работа эта трудоемкая и может быть выполнена диалектологами Прибалтики только общими усилиями, коллективно и при поддержке местного руководства.

Сетка населенных мест должна быть особенно густой, так

¹ См. приложенный к статье вопросник.

как русские говоры в Прибалтике разбросаны между говорами основной национальности республики, образуя чересполосицу.

Карты должны сопровождаться комментариями и примерами, которые могут быть учтены не только русистами, но и балтистами при изучении диалектного контактирования и взаимодействия. Так, например, очень интересная и ценная диссертация А. Рекены «О говоре Калупе» не всегда содержит правильный анализ происхождения диалектной лексики, так как в ней не учитываются данные местных русских говоров. Например: как литовские трактуются слова *обоз, агрест, алей, арфа, бубны, каравай, кашель, прас, жвир* и др., как польские — *абалонка, кварта, кватера* и др., как немецкое — *вика*, а некоторые слова даются вообще без помет, то есть как исконно латышские слова, например: *справный, швагер, трапак* и др. Русские заимствования в некоторых случаях сравниваются не с местными русскими говорами, а с литературным языком, например: *бриткий, булаука, будзиць, часнакс, дакод* и др.

В результате составления и комментирования карт устанавливаются различные языковые процессы и соответствия. Так, например, лексическое влияние может быть не только односторонним, но и взаимным, причем устанавливается явление параллелизма, ср., например, латышское диалектное *goška* и *višņa* (гостья) или русское повсеместное *рункуль* (кормовая свекла). Наблюдаются случаи многозначности слов, например *сябра* — сосед, друг, товарищ. Устанавливаются случаи семантического соответствия, например: *журавина* — *dzērgvenes*, *сикляхи* — *mizenes*, *жигучка* — *dzeltene*, *пьяница* — *girtine*, *звоночки* — *zvanīņi* (цветок), *молочник* — *piēpene* (цветок) *решётка* — *sietiņš* (созвездие).

Материалы такого рода указывают не только на взаимодействие говоров, но и на то, что при таких языковых контактах степень языкового родства еще увеличивается и языки сближаются между собой.

ВОПРОСНИК

для составления регионального атласа русских старожильческих говоров Прибалтики²

1. Лексика

Как у вас называется?

1. Земельный участок (*участок, склип, пляц...*).
2. Строение для хранения необмолоченных хлебов и кормов (*сарай, гумно, гувно, пуня...*).
3. Строение для хранения зерна, кормов (*амбар, клеть, свиран, пелушник...*).
4. Помещение для содержания лошадей (*конюшня, стойло, стайня, хлев, ахлев...*).
5. Помещение для повозок с лошадьми при постоялом дворе (*стодола...*).
6. Пристройка к хозяйственному строению для хранения повозок, сельскохозяйственного инвентаря, кормов и др. (*возовня, поветь, поветка, припунк, хабунька, пашура, пашурка...*).
7. Строение для сушки снопов (*рига, рей...*).
8. Пристройка для входа в дом или выхода из него (*крыльцо, крылец, сени, ганок...*).
9. Яма с крытым верхом или подпольное помещение для хранения съестных припасов (*погреб, подпол, подвал, подмостье, склеп...*).
10. Соединенные верхними концами два бревна, служащие для устройства кровли (*стропила, шпары, крёквы...*).
11. Ящик с крышкой для хранения разных вещей (*сундук, скрыня...*).
12. Большой металлический сосуд для нагревания воды, варки пищи (*котёл, кубел, кубёл...*).
13. Нагайка, плеть, кнут (*нагайка, плётка, канчик, бизун...*).
14. Курительная трубка (*трубка, люлька, пипка, цибук...*).
15. Топленое баранье или говяжье сало (*лой...*).

² Вопросы по лексике подготовил В. Н. Немченко, по синтаксису — М. Ф. Семенова.

16. Растительное масло (*масло, постное масло, алей...*).
17. Суп из свекольной ботвы (*бурачки, ботвинья, ботвинка, ботвинник...*).
18. Полотенце (*полотенце, полотенец, ручник...*).
19. Пашня, оставленная на лето без посева с целью улучшения земли для озимых (*пар, папар...*).
20. Запущенная пахотная земля, оставленная без обработки (*залежь, перелог, целина, дерван...*).
21. Прорез земли при пахоте, борозда (*борозда, борозна, вага, леха...*).
22. Картофель (*картофель, картошка, бульба, гульба...*).
23. Кормовая свекла (*свёкла, бурак, скотской бурак, рункуль, рунколь, рункулина...*).
24. Брюква (*брюква, калика, калевка, крючка...*).
25. Лук (*лук, цыбуля...*).
26. Морковь (*морковь, морковка, боркан...*).
27. Крыжовник (*крыжовник, кружевник, агрест, агрест, агрест...*).
28. Земледельческое орудие для рыхления почвы, пружинная борона (*драпак, пружинка...*). (Дать рисунок.)
29. Цеп и его части (*цеп, привязь, кевина...*). (Дать рисунок.)
30. Машина для очистки обмолоченных хлебов от мякины (*веялка, арфа...*). (Дать рисунок.)
31. Приспособление для просушки скошенных кормов (*вешало, редели...*). (Дать рисунок.)
32. Большая связка соломы для кровли (*куль...*).
33. Большая укладка снопов в поле (*жепер, жебер, жегини...*).
34. Кузнец (*кузнец, коваль...*).
35. Каменщик (*каменщик, мурник, мурицк...*).
36. Ткацкий станок (*став, ставы, кросны...*).
37. Белка (*белка, векша, вавёрка...*).
38. Хорек (*хорёк, шешок...*).
39. Аист (*аист, батьян, бусел...*).
40. Скворец (*скворец, шпак...*).
41. Жаба (*жаба, рапуха, рапуга...*).
42. Муравей (*муравей, мураш, стикляха, сикляха...*).
43. Клюква (*клюква, журавина...*).
44. Брат жены (*шурин, швагер, швагра...*).
45. Сосед (*сосед, сусед, сябр, сябра...*).

46. Губа у человека (*губа, гриб, луна, лунна...*).
47. Паутина (*паутина, павучина, тенёта...*).
48. Шершень (*шёршень, шершёнь...*).
49. Убирать урожай картофеля (*копать, рыть... картошку*).
50. Строить дом (*рубить, ставить, строить... избу*).
51. Убирать урожай льна (*дергать, тягать, таскать, брать, теревить... лен*).
52. Сгрести сено (*сгрести, грабить... сено*).

2. Синтаксис

1. Употребляется ли деепричастие в роли сказуемого?
а) *отец заболевши, отец был заболевши*, б) *волк тёлку был зарезавши*).
2. Употребляется ли связка *есть*? (*это есть стол, он есть больной*).
3. Употребляется ли отрицание *нет* с местоимениями и наречиями? (*нет когда беседовать, нет где посидеть, нет куда сходить, нет откуда взять, нет с чего варить*).
4. Употребляется ли конструкция с одним отрицанием вместо двойного? (*ни он работает, ни он что*).
5. Какой падеж имени употребляется в оборотах с **надо, нужно**? (*мне ее надо, мне она надо*).
6. Употребляется ли существительное в именительном падеже вместо винительного при инфинитиве переходного глагола? (*надо картошка копать*).
7. Употребляется ли творительный или именительный падеж в конструкции типа **меня звать Иваном** или **Иван**?
8. Употребляется ли предлог с (**з**) вместо **из**? (*приехать з города, кисель с овса, хоть одна с семьи учится*).
9. Употребляются ли наречные предлоги **перво, ровно** (=до), **круг** (=вокруг), **близко** (=недалеко)? (*коровы ровно земли выедают траву, садиться круг стола, лет десять перво меня были, жить близко озера*).
10. Употребляется ли предлог **для** в значениях «ради»; «около»? (*для тебя я опоздала; дерево растёт для дома*).
11. Каким предлогом выражается цель движения? (*идти по ягоды, в ягоды, за ягодами; к соседу, до соседа*).
12. Какой предлог или союз употребляется при формах

сравнительной степени прилагательного, наречия? (*старше меня, старше за меня; старше, чем я; старше, как я*).

13. Употребляется ли творительный предикативный или другой падеж с тем же значением с предлогом или без предлога? (*работать учителем, за учителя, как учитель*).
14. Употребляется ли творительный орудия действия с предлогом с? (*писать с карандашом*).
15. Употребляются ли беспредложные конструкции вместо предложных а) для передачи временных отношений (*прошлого года*), б) для передачи пространственных отношений (*не доехали Двинска*)?
16. Употребляется ли дательный принадлежности вместо родительного с предлогом? (*мне болит голова, мне есть брат, у меня есть брат, я имею брата*).
17. Какие случаи глагольного управления известны при глаголах смеяться, жениться, говорить, браниться, нуждаться, купить, благодарить, радоваться, преследовать, дивиться? (например: *смеяться над кем? кому? с кого? около кого?; говорить на его, браниться на мамку, жениться с кем, нуждаться чем*).
18. Какое место занимает несогласованное определение в предложении? (*дочка сестры, сестры дочка*).
19. Употребляется ли местоимение кого вместо что, чего, когда говорят о неодушевленных предметах? (*кого мы будем делать*).
20. Употребляются ли 1) союзные слова, что, где вместо который, куда? (*Где ты пойдёшь; ученик, что заболел...*) 2) предложный падеж вместо винительного (*пойдём в лесу*).
21. Не выражается ли значение цели и причины одними и теми же наречиями? (*зачем он не пришёл*).

Примечание. Правила пользования вопросником те же, что и «Программой собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», то есть следует вести беседы на определенные темы и записывать ответы на вопросы в контексте, применяя условную (упрощенную) транскрипцию с обязательным указанием места ударения.

При отсутствии слов, указанных в вопроснике, необходимо отметить, какие слова употребляются с тем же значением или с каким значением употребляются слова, приведенные в вопроснике.

ДИАЛЕКТНЫЙ РУССКО-ЭСТОНСКИЙ БИЛИНГВИЗМ НА ТЕРРИТОРИИ ЭССР

В окрестностях Ийзаку на территории ЭССР в течение столетий проживает русское население в самом тесном лингвоэтническом, экономическом и культурном контакте с коренными жителями — эстонцами. Заселение этой местности русскими происходило из разных местностей. По утверждению Х. и А. Моора, в XII—XIII вв. в нынешнюю восточную Эстонию проникла волна поселенцев северо-западного водского племени, которая распространилась главным образом в северное Причудье, в окрестности нынешнего Ийзаку. Эта поселенческая волна в значительной части состояла из ослабяившейся води¹. Также полагают, что в этой поселенческой волне более значительным оказался славянский элемент². О том, что среди этой волны встречалась и водь, свидетельствуют топонимические названия, которые сохранились и носят явный прибалтийско-финский характер. По данным археологии, в XII—XV вв. в окрестностях Ийзаку жило славяно-водское смешанное население.

Условиями существования смешанного населения в этой местности можно объяснить сохранившееся до сих пор топонимическое название Tärevege. В письменном источнике от 1330 г. это название написано в виде Therpeueege. Корнем этого слова, очевидно, является русское слово **терев**, к которому присоединяется эстонское окончание (Therpeueege > Terpeueege > Tärevege)³.

Позднее в северное Причудье приходили поселенцы с юга, из Гдовской и Псковской земель и из других местностей. К XVI—XVII векам остатки води в Северном Причудье слились с русскими, оставив следы в языке и культуре местного

¹ Х. А. и А. Х. Моора. Из этнической истории води и ижоры. В сб.: «Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений». Таллин, 1965.

² А. Моора. Peipsimaa etnilisest ajaloost, Tallinn, 1964, стр. 32.

³ А. Моора, там же, стр. 41.

населения. В окрестностях Ийзаку среди лютеранского по вероисповеданию эстонского населения начался обратный процесс ассимиляции с окружающим эстонским населением. Как отмечает Ю. Трусман⁴, в 80-е годы прошлого века русская речь в домашнем обиходе была общепринята, в некоторых деревнях женщины по-эстонски вообще еще не говорили. В настоящее время в этой местности преобладает уже эстонский язык. Некоторые деревни (Вайкла, Лийвакюла, Сялику, Поотсику, Куру) характеризуются своеобразным эстонско-русским двуязычием, где старшее поколение охотно говорит еще на русском диалекте, среднее и младшее поколение знает русскую речь или очень плохо, или совсем не владеет ею.

Летом 1965 года были обследованы деревни бывшего Ийзакского прихода. Данное сообщение основывается на материалах, записанных в двух деревнях — в Вайкла и Лийвакюла, так как именно здесь представлена более яркая и типичная для этой местности диалектная речь.

При первом же ознакомлении с русской речью жителей этой местности бросается в глаза следующее: диалект Ийзаку, создававшийся в течение продолжительного времени, является продуктом сложных межъязыковых контактов, испытавшим влияние языков разной степени родства. С одной стороны, на него оказывал и оказывает в настоящее время влияние близкий древней води эстонский язык; с другой стороны, в нем продолжает сохраняться севернорусская основа (диалект древних словен), в которой первоначально и растворился язык води, но на эту основу оказали известное влияние — в более позднее время — и русские говоры Северного Причудья, Принаровья и Гдовщины. Поэтому в Ийзаку мы имеем дело, по-видимому, с своеобразным русским диалектом с коренными северными диалектными особенностями и целым рядом субстратных финно-угорских черт.

Сначала рассмотрим специфические особенности изучаемого диалекта, имеющие субстратный характер прибалтийско-финских языков, или возникшие под более поздним влиянием эстонского языка, или являющиеся архаизмами в фонетическом и морфологическом отношении, дошедшими до нас из древнерусского языка.

⁴ Ю. Трусман. Исацкие полуверцы в Эстляндской губернии. Временник Эстляндской губернии, № 11, Ревель, 1895, стр. 3—38.

1. Специфические особенности русского говора Ийзаку.

Диалекту Ийзаку свойственны некоторые весьма редкие диалектные черты, которые придают ему своеобразный характер и составляют его языковую специфику.

1. К числу таких особенностей относится прежде всего **отсутствие** в нашем говоре гласного **ы** после твердых согласных и совпадение его с фонемой **и**:

1) под ударением: *т'и* (ты), *м'и* (мы), *в'и* (вы), *с'ин* (сын), *два с'йна*, *йаз'йк*, *трав'й скóл'к'и*, *в'йшла*, *в'ййехат'*, *пóсл'е байн'й*, *н'е сл'йшу*;

2) в безударном положении:

óт'их (отдых), *п'рав'им йхам н'а сл'йху*, *канáв'и капáл*, *3 карóв'и*, *гóд'и в'исóк'и*, *б'ез рабóт'и*.

Возможно, что причина такого произношения кроется в следующем. В эстонском языке имеются гласные **и** (**i**) и **ы** (**õ**), но эстонское **õ** является разновидностью основного гласного **e**⁵. Эстонский звук **õ** (**е**), будучи разновидностью **e**, относится к среднему подъему по образованию, он ниже русского звука **ы**. В водском языке имеется два варианта **ы**: один звук среднего образования, т. е. вариант **e** (**е**), и другой звук, близкий русскому **ы**, но этот звук встречается преимущественно в заимствованных из русского языка словах⁶.

Если учитывать, что среди первоначального смешанного населения территории Ийзаку значительное место занимала вода, то можно предположить, что русский звук **ы** казался ей ближе к **и**, чем водскому (финно-угорскому) **e**-образному **õ**. Такому произношению способствовало, видимо, и позднейшее эстонское окружение. Интересно отметить, что подобное явление отмечено и в некоторых русских говорах на территории Дальне-Константиновского района Горьковской области с иноязычной (мордовской) подосновой⁷.

2. В Ийзакуском диалекте совпадение гласного **ы** в звуке и не наблюдается в словах с корнем **бы-**: *забыл*, *был*. Вместо **ы** произносится **у**: *бул*, *булá*, *бул'и*, *бувал*, *забул*, *забувайу*.

⁵ P. Ariste, Eesti keele foneetika, Tallinn, 1953, стр. 63.

⁶ P. Ariste, Vadja keele grammatika, Tartu, 1948, стр. 5.

⁷ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Ч. I. Москва, 1949, стр. 51.

Такое произношение у на месте **ы** после губных обнаружено проф. П. С. Кузнецовым в севернорусских говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы⁸ и Н. Дурново в говорах, переходных от украинского языка к белорусскому и в карпато-угорской подгруппе⁹. П. С. Кузнецов полагает, что переход звука среднего ряда **ы** в звук заднего ряда **у** может быть связан с лабиализацией, так как вся группа безударных **а, о, ы** в соседстве с губными согласными может подвергаться лабиализации или же ассимилироваться со следующим гласным звуком¹⁰.

3. Своеобразное явление представляет **палатализация согласных**. Для данного диалекта типично **отверждение конечного согласного** (иногда в целых грамматических категориях):

а) инфинитива:

д'ержáт, náда ит'йт, йéхат, стал кр'ичáт, как сказáт, н'е па-н'áт, б'уду дава́т, náда н'éст, ткáт, ваз'йт, памага́т, што тут д'éлат, б'уд'е тр'аст, вз'аст, náда пр'ит'йт и бумáг'и падава́т;

б) существительных II и III скл.:

мат, доч, см'ерт, пóмоч, д'ен, óс'ен, бал'éст, (болезнь), ка-м'ен;

в) числительных и наречий:

п'ат, ш'ест, с'ем, с'емна́цат, два́цат, т'ен'éр, ап'áт, зд'ес
и проч.

Палатализация утрачивается нередко и перед **и, е**:

рабо́таэтэ, мнэ, т'ебэ, в Е́вэ (город Йыхви (Еве), н'е б'удэ, т'ен'эр, нонэ, ад'ин, в'ид'итэ, д'умаэтэ.

Нет смягчения согласных в середине слова в соответствии с **ь** в литературном языке:

бална́, балн'и́ца, палто́, даво́лна, ра́нше, то́лка, сва́дба, уса́дба.

Такому отверждению способствовал, видимо, и финно-угорский субстрат рассматриваемого диалекта, а также позднейшее эстонское окружение, так как в финно-угорских, и в частности в эстонском, языках палатализация по сравнению с

⁸ П. С. Кузнецов. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. АН СССР. Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.—Л., 1949, стр. 5—45.

⁹ Н. Дурново. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915, стр. 74.

¹⁰ П. С. Кузнецов, указ. соч., стр. 23.

русским языком выражена довольно слабо¹¹, причем в водском языке она наблюдается лишь в словах, заимствованных из русского языка¹². Тем самым объясняется широкое употребление средневропейского *l* в середине слова: *balná, dávbóna*.

4. Из морфологических и синтаксических особенностей могут быть отмечены **смешение рода, выравнивание падежей, нарушения согласования и норм управления:**

ад'йн дачкá, мат пом'ер, ад'йн св'ин'йá, од'йн год, п'ат год, тр'йцат два год, с'ёмд'есат два л'ет, тр'и с'астрá, хачу г дачкú; п'ат д'ер'евн'еф, многа скат'йна, скóл'ка дн'ов, раш'ир'ённе л'окоф, н'эскол'ка кр'ест'анъф; в ётам д'ер'евн'е, стáрам чела-в'ёку тр'удна, нáда памагáт йавó.

Смешение родов и нарушения согласования в роде появились в диалекте Ййзаку, по всей вероятности, под воздействием прибалтийско-финских языков, где нет грамматической категории рода. Обособленное положение от других живых русских говоров и намечающийся переход к эстонскому языку приводили к беспорядочному употреблению падежных окончаний.

5. Речь представителей русского диалекта этой местности отличается **обилием заимствованных из эстонского языка слов**. Это объясняется тем, что говорящим просто не хватает своих русских слов для выражения тех или иных понятий. Чаще эстонское слово сохраняет свою форму. Встречаются случаи, когда эстонское слово употребляется соответственно правилам русского языка:

па вс'ák'им мýст'ерам (узорам) ткáл'и.

6. В русской речи ййзакусского двуязычного населения встречаются некоторые своеобразные **архаизмы** в фонетическом и морфологическом отношениях.

Интерес представляет произношение *к* в слове *палукáйу, палукáл, палукали* и *х* в словах *спрáх'ивал, спрáх'ивал'и, я сл'иху*. Такое же произношение *к* и *х* вместо шипящих встречается в некоторых псковских говорах, в особенности в западной и центральной части Псковской области¹³. Появление не-

¹¹ Р. Ariste. Eesti keele foneetika, стр. 77.

¹² Р. Ariste. Vadjä keele grammatika, стр. 15.

¹³ С. М. Глушкина. Морфонологические наблюдения над звуком *ch* в Псковских говорах. Сб.: «Псковские говоры». Псков, 1962, стр. 44.

смягченного к С. М. Глушкина рассматривает как вторичное явление по отношению к смягченному; оно как бы является восстановленным из смягченного. Звук **к** мог здесь появиться только из **ч** (**č**) как результат своеобразной обратной деривации: $k + j > č$; $č - j > k$. С. М. Глушкина полагает, что псковским говорам свойственно явное предпочтение несмягченных основ на **-ать** смягченным.

Появление незакономерного **х** (**ch**) вместо общеславянского **ш** (**š**) из индоевропейского **s*** в псковских говорах объясняется С. М. Глушкиной как результат неразличения свистящих и шипящих, одного из характерных древнейших явлений псковского диалекта¹⁴. Неразличение свистящих и шипящих наблюдается еще теперь в некоторых псковских говорах, в особенности в Печорском районе в русской речи эстонцев. Такое шепелявое произношение — результат двуязычия, скрещения языка, знающего только свистящие (эстонского), с языком, различающим свистящие и шипящие (русским)¹⁵. Такое же скрещение русского и эстонского языков произошло, видимо, и на территории Ийзаку, способствовавшей сохранению подобных реликтовых черт в языке жителей этой местности.

В диалекте Ийзаку не наблюдается перехода **к > ц** в слове **месяц** и поэтому говорят: *м'эс'ак, два м'эс'ака, за стар'и м'эс'ак, скол'к'и мес'акф*. Реже встречается произношение **кв** вместо **ц** в слове *квет* (*квет'и, кв'ат'и, кв'ет'о, кв'ету~кв'ату*). Сохранение таких черт именно на этой небольшой территории ЭССР объясняется 1) обособленностью территории, культурной и материальной жизни от других русских говоров, 2) постоянным иноязычным (эстонским) окружением, 3) отсутствием влияния русского литературного языка.

II. Северновеликорусская основа диалекта Ийзаку.

1. В области вокализма речь населения территории Ийзаку характеризует недиссимилятивный тип **аканья**. Из-за недостаточной обработки фактического материала пока еще трудно установить первоначальный и исходный вид вокализма, но в материалах встречаются и несомненные случаи произношения **о** в безударных слогах: *получ'ал, полук'айем, дал'око, по*

¹⁴ С. М. Глушкина, указ. соч., стр. 33.

¹⁵ С. М. Глушкина, указ. соч., стр. 39.

мор'у, гóрод, с зтова, кан'ешно. Думается, что аканье этой местности представляет собой вторичное явление, возникшее на основе оканья в сравнительно недавнем прошлом.

2. В первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема произносят повсеместно а: 1) под ударением у, и:

на р'ак'у, п'ат'ун, п'ак'у, б'ад'и н'е б'ула, б'аж'и, ув'ал'и;

2) под ударением а:

р'аб'ата, с'астра, в л'асах, р'акá, пад'аржál'и, пр'ин'асла, б'ер'агла, з'амл'а, пáкл'а;

3) под ударением о, е:

в'аснóй, п'асóк, п'ахóта, п'ашкóм, н'едал'акó, т'ап'ер, л'а-т'ел'и, д'ат'ей, с'аб'е, н'ед'ели тр'и, на р'ак'е.

Нередко в I предударном слоге перед ударенными е, о слышится е:

т'еп'ер'а, пот т'ел'егу, т'ел'онак, дал'екó, т'аж'елó, п'ер'ешóл, д'ер'евн'и, с'ар'ебрó, с'еб'е, т'ебэ, фс'ер'óтку, н'ед'ел'а, д'ефчóнка.

Совпадение гласных неверхнего подъема в I предударном слоге после мягких согласных перед гласными верхнего и нижнего подъема в одном варианте а и различие е и а перед гласными среднего подъема приближает данный тип вокализма к прилегающему с восточной стороны гдовскому типу яканья. Этот тип яканья типичен для территории с переходом от оканья к аканью.

3. Для диалекта Ийзаку характерно чередование средне-европейского I в конце слова или слога с губно-губным согласным w:

знáла—н'е знаw, хат'ела—хат'еw, рабóтала—рабóтаw, заб'ула—заб'уw, гавар'иw, п'ет'ун н'еw, тóвста хазйáйка, б'уwка, пáwка.

4. Речи этой местности свойственна мена в—w:

с лáwк'и, прáwда, д'еwка, лáwка, галаwá, дров.

5. Диалект Ийзаку характеризуется своеобразной системой шипящих: наличием парных по мягкости—твердости ж, ш, ж', ш' и различием твердых ч и ц:

ж'ив'у, ж'ил, харóш'и, б'аж'и, маш'ина, ж'ир, ж'ита; хач'у; дачкá, д'ефчóнка, ноч, в'ечер, п'еч, проч, чат'ире, нафстр'ечу, чарн'иц мнóга.

Такое различие ц и ч твердых характерно особенно для северо-западных говоров. Твердая аффриката ч возникла,

как полагают ¹⁶, на основе твердого цоканья в процессе перехода к различению ц и ч. Твердое цоканье сохранилось в словах типа *ушбцы*.

Наряду с ц и ч твердыми в некоторых словах произносится ц':

бл'иц'а, бл'иц'и, в ац'а, ац'у, ац'ов'и, ац'и, афц'а, кур'иц'а.

По всей вероятности, в исследуемом нами говоре звук ц', который употребляется здесь в соответствии с ц твердым, представляет своего рода архаизм, реликт мягкого цоканья. Как полагают, более древним типом на территории северо-западных говоров было мягкое цоканье. Об этом свидетельствуют и памятники Новгородской земли. Как уже было указано выше, территория Ийзакусского прихода заселилась именно из северо-западных владений Новгорода. Таким образом, здесь, на оторванном от материка острове русских говоров, сохраняется древнее состояние некоторых языковых черт.

6. Из морфологических, северных по происхождению, особенностей представляет интерес утрата интервокального j и стяжение гласных в формах прилагательных и глаголов:

халóдна л'эта, такá красна бл'иц'а, так'и йадав'и бл'иц'и; маладú д'эвушку, афс'ану мукú; н'е см'эши, знáши, работáши, н'е знáэ.

Видно, что стяженные формы являются доминирующими в именах прилагательных, особенно устойчиво стяжение в формах именительного и винительного падежей единственного числа женского рода и именительного и винительного падежей множественного числа всех родов. В глагольных формах утрату наблюдаем прежде всего во 2-м лице единственного и множественного числа и в 1-м лице множественного числа. Только единичные примеры связаны с утратой j в других спрягаемых формах:

кто знáэ, н'е знáэ, бувáэ.

Вообще стяжение гласных в глаголах происходит в том случае, когда ударение падает на слог, предшествующий j; если же ударение падает после j, то стяжения обычно не бывает (*дайóш, дайó, дайóм, дайú*).

Что касается 2-го лица множественного числа, то утрата j, по мнению Т. С. Коготковой, возможна лишь тогда, когда со-

¹⁶ В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием народных говоров. М., 1959, стр. 58, 80.

гласный **т** не имеет мягкости. Вообще стяжение во 2-м лице множественного числа в русских говорах редкое явление. В Ийзакусском диалекте наблюдается утрата **ј** во 2-ом лице множественного числа:

д'элаэтэ, знáэтэ, рабóтаэтэ, пакупáэтэ.

Она объясняется, по-видимому, общей тенденцией отвердения конечных согласных.

7. Широко распространено употребление глагольных форм **3-го лица** настоящего времени единственного и множественного числа **без окончания т**, независимо от спряжения глагола:

н'е раст'ó, мат ж'ив'ó, свайей рабóт'и хвát'и, мат знáэ, ид'ó, н'е дайú, глáz'и бал'á, скóл'к'и дадú, нóг'и бал'á.

8. Встречается форма **йе** для обозначения 3-го лица единственного числа настоящего времени от глагола **быть**: *йон ат-тúдава и йе.*

9. Из северо-западных языковых черт, свойственных диалекту Ийзаку, можно отметить еще совпадение форм родительного, дательного и предложного падежей единственного числа слов женского рода в одной форме **-и**:

род. п.: *ат Нарóв'и, б'ез рабóт'и, аст'ер'егáйса ат прастьúд'и, н'ет рас'ú, 3 карóв'и;*

дат. п.: *мáчех'и рубáху падар'úла, бáб'и бúла 21 год;*

предл. п. *на вайн'ú бул, йа ф пóл'и бул, на том канцú, ж'ил ф Пóл'ш'и, в з'емл'ú.*

Параллельно с **и** в предложном и дательном падежах можно услышать у одних и тех же людей **е**: *в л'эс'е, св'екрóв'е, в д'ер'эвн'е, в бал'н'úце.*

10. Из синтаксических особенностей широкое распространение получило употребление **деепричастных форм** в качестве **сказуемого**, отличающегося по значению от прошедшего времени глагола, которое также используется в этом говоре. Сказуемое, выраженное деепричастием, обозначает такое прошедшее действие, результат которого продолжается и в момент высказывания, т. е. имеет значение, близкое древнему перфекту. Только употребляется оно в данном говоре без вспомогательного глагола:

мнóга их нарбш'и, с'естрá úм'ерш'и, 3 дóма развал'úфш'и, дом остáфш'и, ж'енá ушóтц'и, с'ин ушóтц'и, малбд'и ушóтц'и, пр'ийéхафш'и, с'ин спуст'úфш'и, в Ев'е уйéхацш'и, йон астáфш'и, рад'úфш'и, нашóцш'и, глас папóрт'ифш'и.

Деепричастие может сочетаться и с прошедшим временем вспомогательного глагола **быть**:

йан'и бул'и ушбтц'и, бул'и пр'ишбци'и.

Такое сочетание близко к древнему плюсквамперфекту.

Настоящая статья является попыткой обобщения и выявления некоторых наиболее ярких языковых особенностей, встречающихся в диалекте Ийзаку. Для более глубокого анализа необходимо более основательное изучение имеющегося в нашем распоряжении материала.

О СЛОВАРЕ ВЫШЕК И МОСКОВСКОЙ

Территорией обследования и собирания материала для словаря мы избрали Вышки — одно из самых старых русских поселений среди латышей, а также деревню Московскую, находящуюся в полутора километрах от Вышек.

Словарь будет охватывать 1) собственно словарные диалектизмы.

Например: *посóm* — фронто́н, *наизба́* — чердак, *жи́чка* — ячмень на глазу, *ми́галки* — ресницы, *волхвйт* — знахарь, *грэзить* — пакостить, *замудóхаться* — устать, *гомони́ть* — говорить, *зуби́на* — сильный человек, *марскля́тый* — морщинистый, *кургу́зый* — курносый, *карше́ть* — существовать, *очму-ре́ть* — угореть, *па́мжа* — беда, *пéйсы* — волосы, *со́чить* — искать, *толока́* — коллективная помощь и др;

2) слова, образованные от общенародных корней, но имеющие другие аффиксы и диалектные значения.

Например: *хле́бины* — угощение, *жа́лостник* — тот, кто жалеет; *срабо́тать* — сделать, *вы́легчить*, *вы́класть* — кастрировать, *ледóвка* — сорт пшеницы, *мо́стни́чина* — одна доска в полу, *пото́ло́чина* — одна доска в потолке, *ка́менка* — печь в бане, *бокóвка* — чулан и др;

3) слова, имеющие те же корни и значения, что и в литературном языке, но с иным аффиксальным оформлением.

Например: *коро́мысел*, *черни́ца*, *брусни́ца*, *земляни́ца*, *ве́тлый* — приветливый, *дракса*, *драксун*, *жени́ла* — человек, который собирается жениться; *зря́ночка* — зрачок, *забо́чий* — заботливый, *зя́блый* — озябший, *поло́ум*, *роди́ха*, *сносли́вый* — выносливый, *со́ньша* — тот, кто много спит; *моло́тьби́т* --- молотильщик и др;

4) слова, отличающиеся местом ударения.

Например: *моло́дый*, *толсто́й*, *дочка́*, *сме́шно* и др;

5) семантические диалектизмы. Например: *беречь* — угощать, *гриб* — губа, *выбрать* — получить, *отказать* — ответить, *посмертный* — бледный (*л'ажыт такой пасм'ертный, как пакойн'ик*), *работать* — делать что-нибудь, *санки* — челюсти, *убить(ся)* — ушибить(ся), *ходовый* — смелый, бойкий и др;

6) фразеологические диалектизмы. Например: *в ухо вдет'* — послушный, смиренный (*чытыый йон харбыый, хош в ухо вден'*), *сойти на память* — прийти в сознание, *войти в веру* — получить доверие, *сыстари лет* — издавна, *дать гул* — откликнуться, *дать здравствуй* — поздороваться, *дать спасибо* — поблагодарить, *выгылить глаза* — вытаращить глаза, *ходу давать* — убежать, *рятунку кричать*, *гвалту кричать* — звать на помощь и др;

7) заимствованные слова. На русские говоры Латвии оказали влияние соседние языки — латышский, белорусский, польский и их диалекты. Иноязычное влияние, прежде всего, сказывается на лексике островного говора¹. Латышский язык незначительно повлиял на изучаемый говор, так как русские старообрядцы в Латгалии селились компактно, длительное время запрещались смешанные браки: *латышэчку рўск'ии н'а бра́л'и, н'е, такóва н'е была*.

Замкнутый образ жизни и особая религия препятствовали латышскому влиянию и развитию двуязычия².

Гораздо сильнее повлияли близкородственные языки и диалекты — белорусский и польский.

Островные говоры, находящиеся в разноязычной среде, большему влиянию подвергаются обычно со стороны родственного языка или диалекта. На это указывает ряд работ по изучению островных русских говоров³.

В говоре Вышек и Московской употребляется довольно большое количество слов, заимствованных из белорусского и польского языков или из польского через белорусский и отме-

¹ М. К. Сивецкене. Некоторые вопросы изучения островных говоров. Уч. записки высших учебных заведений ЛитССР. Языковедение, VIII. Вильнюс, 1963, стр. 11.

² М. Ф. Семенова. Славяно-латышские этнолингвистические отношения. Уч. записки Даугавпилсского педагогического института, т. 10, в. 6. Даугавпилс, 1964, стр. 37.

³ В. И. Столбунова. Говор русских поселений на Буковине. Автореферат. Днепропетровск, 1960, стр. 17—18. С. Б. Тошьян. Русские говоры в Армянской ССР. Автореферат. М., 1954, стр. 15.

ченных в белорусских и польских словарях⁴. Некоторые слова заимствованы из немецкого и французского языков через польский и белорусский языки.

Такие заимствования имеются во всех областях лексики. Приведем некоторые примеры.

Названия построек:

Возóвня — помещение для сельскохозяйственного инвентаря.

В вазóвн'у хъмуты клал'и. Кагда́ был пажар, вазóвн'а зга-р'эла. В вазóвн'у плугу ставил'и.

Белор., в сл. Даля⁵ без помет. *Возóвня* у белорусов отмечено Б. Э. Бломквистом⁶.

Гарба́рня — помещение для обработки кожи.

Гарба́рн'а, гд'е выд'элыв'яют ко́жу. В гарба́рн'и ко́жу выбра́тывал'и.

Белор. *гарба́рня* — кожевенный завод. В сл. Даля не отмечено.

Склéп — погреб.

Ф скл'апú стайт капúста, фхот свóнку. Скл'эп, гд'е хран'ят агурцы, картóшку.

Белор., польск., в сл. Даля без помет (IV, 198).

Стадо́бла — 1) конюшня при постоялом дворе.

Стадо́бла — йéта н'и прóста кан'у́шн'а, там, гд'е сйажжа́-йуца гóст'и, ан'и ста́в'ут лъшад'эй, йéта стайа́нка дл'и лъша-д'эй.

2) Переносно: пустой дом, большой сарай.

Пр'ид'о́ш как ф стадо́блу, как сара́й како́й, н'и стúла, н'и сталá. Ту, рэз'в'алá как стадо́блу, стайт как стадо́бла пу́стáйа, парóзнайа.

Белор., польск., в сл. Даля с пометой *зап.*

⁴ Польско-русский словарь. Под ред. М. Ф. Розвадовской. М., 1955. В дальнейшем — польск. Белорусско-русский словарь под ред. ак. АН БССР К. К. Крапивы, М., 1962. В дальнейшем — белор.

⁵ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1960. В дальнейшем сл. Даля.

⁶ Б. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев, белорусов. «Востоочнославянский этнографический сборник», т. XXXI, изд. АН СССР. М., 1956, стр. 440.

Названия огородных культур, ягод:

Агрис — крыжовник.

Л'этыс' гарас многа была навар'ина смарбды и агр'исту.
Крупный агр'ист.

Белор., польск., Бернекер; из ит. *agresto*.

Бульба — картофель.

Давн'ей гвар'ул'и бул'ба, тап'ер' картошка. Шмат з'амл'и зас'еул'и бул'бай.

Белор., пск. твр. (Опыт), пск. (сл. Даля, Филин), донск. (Миртов), латышское *bulbys* заимствовано из соседних русских говоров⁷.

Гарбуза́ — тыква. **Гарбуза́нка** — каша из тыквы.

Грбуза́ гвар'ул'и, а тап'ер' тыква. В нас грбуза́ расла́.
Баркан с'еим, грбузы. Кашу вар'ул'и, грбуза́нка нзыва́ица.

Цыбу́ля — лук.

Цыбу́л'у сад'ул'и. Цыбу́л'а крупна́я. Цыбу́л'а то лук, грүзд'ьн' — гало́фка лу́ка.

Белор., польск., укр., в сл. Даля с пометой юж. зап.

Сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода:

Арфа — веялка. **Арфовать** — веять.

В нас арфа была, арфавал'и, хл'еп ачышчал'и. Вон там арфа стайала. И тап'ер' арфы йе́ста, там с'иты так'иу.

Польск., в сл. Даля без помет — приспособление для просевки земли. *Арфа, арфовать* употребляются в д. Кислухе и Лидексне Лудзенского района, в Преильском, Краславском районах ЛатвССР, в ЛитССР⁸.

Бизу́н — кнут.

Кан'а бизуно́м пэган'айут. Ваз'м'ом с сабо́й бизу́н. Мужы́к ча́ста бизуно́м бил'яну́.

Белор., польск., в сл. Даля с пометой пск. вор. польск. Употребляется *бизу́н* также и в д. Янчишки, Маркитанты,

⁷ М. Ф. Семенова. Сопоставительная грамматика русского и латышского языков. Ученые записки Латвийского государственного университета им. П. Стучки, т. 43. Рига, 1961, стр. 178.

⁸ В. Н. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Уч. записки Латвийского государственного университета им. П. Стучки, т. 51, в. 8А. Рига, 1963. В дальнейшем — Мат. Прибалт.

Н. Поречье Даугавпилсского района, в Прейльском районе ЛатвССР.

Газóвка — керогаз.

Вáр'им на газóфк'и, йéта ш к'ирагáс. Пэкуп'ыл'и газóфку.
Белор., газóвка — керосинка. В сл. Даля не отмечено.

Жёрны — ручная мельница.

Жóрны бýл'и, малóл'и з'арнó. Жóрны бýл'и дл'ь ручнóва м'ёл'ива. Ф кажýн'тва бýл'и жóрны, рука́м малóл'и.

Белор., пск., (Опыт, Доп. к Опыту), белор. (Гр. и Чаг⁹).

Кнот — фитиль в осветительных приборах.

В ла́мпы к'ирас'и́н, кнот ф к'ирас'и́н'и катóрый. Кнот пэ́д-н'имáйут.

Белор., польск., ЛитССР (Мат. Прибалт.), в сл. Даля не отмечено.

Кóлдра — одеяло.

Ста́в'ил'и шы́рст'ан'и́и н'у́тк'и с ав'е́ч'к, а патóм кра́с'ут, цв'атáм выб'ивáйут, нэ́ ставáх д'ёл'з'и́ут кóлдру.

Польск., в сл. Даля не отмечено.

Патéльня — сковорода с ручкой.

Нэ́ патéл'н'и дру́гóй рас гатóв'и́и. Бл'и́ны нэ́ патéл'н'и ра-бóтайут.

Белор., польск.

Трапа́к, драпа́к — пружинная борона.

На́да трапа́к налад'ит'. В дрэ́пакá зу́б'и́а слама́л'ис'. Трэ́пакóм мóжна трэ́п'кава́т' ага́рóт.

Белор., польск.

Фи́ра́нка — гардина.

Ф'и́ра́нк'и в'ис'áт на во́кн'эх. Ф'и́ра́нку парва́ла, и́и во́л'-н'и́ца.

Белор., польск., в сл. Даля не отмечено.

Цыбу́к — курительная трубка.

Ай, ку́р'ит цыбу́ка, н'у́нку д'е́ржыт ва рту́. Па́пка гэ́вар'и́т: гд'е мой цыбу́к?

Белор., в сл. Даля не отмечено.

Шу́фля — совок.

По́н'ил вы́гр'абáйут кэ́чаргóй, патóм дэ́стайу́т шу́фл'ы́,

⁹ Н. П. Гринкова и В. И. Чагишева. Практические занятия по диалектологии. Л., Учпедгиз, 1957, стр. 189. В дальнейшем — Гр. и Чаг.

анá из жéсти зд'элъна. Мълат'ыл'и, патóm шўфл'ам'и к'идáл'и з'арнó. Шўфл'а и савóк, нъ справ'идл'йвъст'и — шўфл'а.

Польск., в сл. Даля **шувель** нем. род сквороды, **шўфля** — совок.

Названия диких животных и птиц:

Батъян — анст.

Фчарáс' бът'аны́ мнок л'атáл'и. Дáл'и нам съмагóнку, а нъ закўску бът'анóф вáр'иных. Вот бът'аны́ бал'шы́и. Бат'án аб'и-райт л'агўх, гад'ўкѣф, бйóт кл'ўвѣм аб д'эр'ива.

Белор., польск., луж, басон, кашуб. klobocian (Брюкнер), в сл. Даля без помет.

Шешóк — хорек.

Шашóк такóй, кур'ей таскаит. Хар'óк, а бóл'шэй част'йу— шашóк, йёта пр'амóйь назвáн'йь.

Белор., в белорусских говорах (Сцяшкевич), в сл. Даля с пометой зап.

Шпак — скворец.

Ат шпакóф н'а збáв'ицца. В'йшн'и т'в'алó гарáс мнóга, и шпак'ў н'и дайўт, как стáнут бур'ёт', так шпак'ў л'ат'áт стáдѣм. Как пр'ил'ат'áт, то гъвар'áт: скварцý пр'ил'ат'ёл'и, а как кл'уйўт, то: о, шпак'ў кл'уйўт.

Белор., пск. (Мжельская)¹⁰, смол. (Добровольский), кур. (Опыт), донск. (Миртов). Преображенский: юж. зап. укр., белорус., заимствовано из польск., вероятно, из нем. Spatz — воробей. В сл. Даля юж. зап.

В говоре особенно много слов, употребляющихся в белорусском и польском языках, в лексике, обозначающей действие, состояние человека, дающей характеристику человеку.

Вечерить — ужинать. **Вечеря** — ужин.

В'ачэр'ит дóма, тáмъка (у бабушки) ужé йис'т' н'а хóча, ид'ó спат'. Нъ в'ачэр'у гърбуз'áнк'и свар'ўла, йиш.

Белор., в сл. Даля **вечеря** — нвг., нврс., **вечерять** нвг., нврс., вор.

Выбачать — извинять.

¹⁰ О. С. Мжельская. Из наблюдений над лексикой некоторых говоров Архангельской области. Уч. записки ЛГУ, серия филол. наук, в. 18. Л., 1952, стр. 148.

*Выбача́йт'и, д'эвэ́чк'и, выбача́йт'и, н'и магу́ бо́л'шэ рэ́ска-
за́т', вы ужо́ выбача́йт'и м'ин'а́.*

Белор., польск., укр., в сл. Даля смл., млрс., белрс.

Жва́вый — резвый, бойкий.

*Сын'и́шка у т'иб'а́ тако́й жва́вый, н'и м'ину́тк'и н'и пэ́с'и-
д'и́т. Пу́бл'у́ йа́ жва́вых л'уд'е́й.*

Белор., польск., в сл. Даля с пометой юж. зап. Отмечено
и в дер. Межаны Браславского района БССР.

Жебровáть — нищенствовать, **жебра́к, жебра́чка** — нищий,
нишая.

*Йон фс'у жы́зн'у свайу́ жабру́ит, л'ан'и́цца рабо́тэ́т'.
Ра́н'шэ́ мно́га жэ́брако́ф и жэ́брачэ́к бы́ла. А йа́ дум'я́у, хто
жабру́ит, тот л'ан'и́цца.*

Белор., польск., в сл. Даля **жабровать** кал., смл. жрать,
пожирать; **жабровать** — жалеть. Калуж. (Опыт.)

Лайда́к — бездельник, лентяй.

*Ну и лайда́к мужы́к у т'иб'а́, жо́нка са́ма дро́вы ру́б'ит, а
йон ста́йт. Как йана́ с так'и́м лэ́йдако́м и в'ек пра́жы́ла.*

Белор., польск. В дер. Межаны Браславского района
БССР: *н'е ма́л'иц, а лайда́к. Ты ужо́ у нас как лайда́к.*

В сл. Даля с пом. юж. зап.

Ласы́й, ласу́н — лакомка, сластена.

*Йон ласу́н, н'ичаво́ н'а йист, то́л'к'и канф'е́ты. Сын был
ласу́н, куды́ што н'и пэ́лажы́, фс'у́ду найд'о́т, Д'афчо́нка та-
ка́йа ш ласэ́йа.*

Белор.

В дер. Межаны Браславского района БССР: *што ты йа-
во́ лэ́сунá ус'о́ канфэ́тами ко́рм'иш?*

В сл. Даля с пом. смл. пск.

Миркова́ть — обдумать, рассчитать. Производные **вы́мир-
ковать, помиркова́ть**.

*Вы́мир'кэ́вала дачка́ на йу́пку. Как н'и м'ир'ку́й, фс'о́ д'е-
н'ик н'и хвата́ит. Мы пэ́м'ирку́имс'а, а памо́г'им йой. Ты уш
пэ́м'ирку́й са́ма.*

Польск.

Мару́дно — медленно, вяло. **Мару́дный** — медлительный,
вялый.

*Мару́дна э́ту рабо́ту рабо́тэ́т'. Дачка́ мару́дна рабо́тэ́ит.
С'и́л'на уш йон мару́дный.*

Белор., польск., в сл. Даля с пометой зап. юж. пск. в зна-
чении «шаловливый». **Марудить** — дурачиться. Псков. (Доп.

к Опыту), **марода** — скверное лицо. Тобол. (Опыт). **Моруда** — медлительность. Смл. (Добровольский). Брюкнер *maguder* от франц. *maguideur* отсюда *maguda, magudzie', magudny*.

Несграбный — некрасивый, уродливый.

Сафс'им д'эфка н'азграбнай. Замуш вышла н'адавна, а такайа н'азграбнай. Фс'о в н'ей н'а так, фс'о с рук вал'ицца, такайа н'азграбнай. У ту ты, н'азграбнайа рожа, што ты тол'ка д'ел'иш, так г'лад'ет' худа.

Белор., польск., в сл. Даля с пометой *польск.*, в обороте *несграбные руки* — напоминающие грабли, употребляется и в нижг. смб.

Рупливый — заботливый.

Йон в нас такой рупл'ивый, рупл'ивый ч'лав'ек. И хаз'айка рупл'ив'яйа.

Белор., латышское *gures* — забота. В сл. Даля с пом. *зап.*

Сграбный — красивый.

Сам такой зграбный, а жонка н'икуды н'а гож'яйа. Чыйа эта д'ев'чка такайа зграбн'яйа.

Белор., польск., в дер. Межаны Браславского района БССР. В сл. Даля не отмечено.

Здатный — способный, годный.

Внук мой здатный да навук'и. Стар'ик мой л'уб'ит п'хва-л'ицца, што д'ет'и гар'зд здатныи.

Белор., польск., в дер. Межаны Браславского района БССР. В сл. Даля не отмечено.

Фанаберный — спесивый, кичливый.

Йон так ф'наб'ерный, з йим нада вм'ет' апхад'ицца. Ф'наб'ернайа д'эфка, чут' што и аб'ид'ицца.

Белор., **фанаберисты** с пом. *разг.* — кичливый, спесивый. В дер. Межаны Браславского района БССР: *и вучаныйа н'е усягды фанаб'ерныйа*. В сл. Даля **фанаберия** без помет.

Цикавый — любопытный, интересный.

Внучок мой с'ил'на уш цыкавый. Сас'етка наша такайа и цыкавайа.

Белор., укр., в сл. Даля с пом. *зап.*

Чепуриться, сов. вид. **начепуриться** — наряжаться.

Целый д'ен' п'ир'ид з'еркэл'эм ч'пур'ицца, н'ичаво н'а д'ел'ит. Ну во, ч'пур'ил'эс', ч'пур'ил'эс', а н'икуды н'и пайд'ош. Н'и пр'ишол' йон, зр'а ч'пур'ил'эс'. Н'ч'пур'ицца, т'эк и стар'уха н'ичаво.

Белор., укр., в сл. Даля с пом. *кур. вор. тул.*

В прочей лексике:

Бэс — сирень.

А пѣд акнѣм бэс рас'т'ѣт. В йих кѣла бѣйн'и бэс рас'т'ѣ.

Белор., польск.

Вапѣнный — известковый, сделанный из извести.

Нам'ѣл'иш и в вап'ѣнныш канны сѣп'иш. Нѣ палѣ вап'ѣнныш п'ѣтна.

Белор., польск., в сл. Даля **вапна** — известь, нврс., **ваповый, вапный** без помет.

Дѣсыть — хватит, довольно.

Дѣсыт' палѣт', пашил'ѣ. Вот нар'ѣжу хл'ѣба и дѣсыт'.

Белор., польск., в сл. Даля с пом. *вор смл. твр.*

Дѣубка — клюв.

В нас индѣк йѣст'а, д'ѣпка в йавѣ гарѣст крас'иваѣа. У ку-р'ѣй зоп, д'ѣпка, д'ѣпка — то кл'уф.

Белор., польск.; **дѣубка** смл. (Добровольский), **дѣубать** донск. (Миртов).

Канѣпка, канѣпа — деревянный диван со спинкой.

Рѣн'шѣ купл'ѣл'и канѣпку. Дивѣн нѣзывал'и канѣпай. Нѣ канѣпы как ус'ѣд'имс'а, ну и давѣй раскѣзывѣт'.

Белор., польск., в сл. Даля с пом. *франц.* «Деревянные диваны начали появляться с XIX в. в великорусской деревне, напр.: *канапка* на севере, *конопель* на южном Алтае, *канапа* в Белоруссии. Все эти названия от франц. *сапарѣ*» (Бломквист).

Квѣдра — фаза луны.

П'ѣрваѣа квѣдра — мѣлад'ѣк. Мѣлад'ѣк нѣрад'ѣлс'а — п'ѣрваѣа квѣдра.

Белор., польск.

Кирмѣш — ярмарка, гулянье.

Рѣн'шѣ к'ирмѣшѣ бѣл'и. На к'ирмѣшѣ сѣб'ирѣлѣс' многа нарѣду. К'ирмѣшѣ в Вѣшкѣх бѣл'и. К'ирмѣш д'ѣфкѣм и мѣл'ѣцѣм. К'ирмѣшѣ бѣл'и п'ир'ит П'ѣтрѣм.

Белор., польск.

Ковѣль — кузнец.

Ф кѣзн'ицу пр'ийѣхѣл кавѣл' пѣткѣвѣт' кан'ѣ. Кавѣл' час-т'ѣй гѣвар'ѣл'и. Йѣд'ит кавѣл' са Стрѣпу.

Белор., польск., в сл. Даля с пом. *юж.*

Крѣмный — покупной, ситцевый.

Крѣмный н'и л'н'анѣй, а с'ѣт'ѣц, с крѣмнѣй ткѣн'и шѣл'и

*плáт'иь, йу́нк'и б'ьс праймо́ф. Чулк'и з'и́мн'ии над'эла, а кра́м-
ныи вн'ис.*

Белор., укр., в сл. Даля **крамница** зап., мелочная лавка.
Кра́марь нем. юж. пск. кстр. лавочник. Ср. нем. Kram —
мелочной товар.

Му́рник — каменщик.

*Пе́чы ста́в'ил' п'ачн'и́к, му́рн'ик д'эл'эл' у́же пастро́йк'и,
сте́ны, а в го́рѣд'и ка́м'ьнишык.*

Белор., польск., в сл. Даля **муровать** юж. зап., (нем.
Mauer) — строить из камня.

Нема́ — нет.

А йон жа шол г дачк'и, н'амá йаво́, йон в го́рѣт пайе́хэл.

Белор., польск., укр., в сл. Даля с пом. малор. белор.

Отру́та — отрава.

Там атру́та дл'а ры́бы. На́дѣ атру́ту дл'а крыс.

Белор., польск., в сл. Даля не отмечено.

Приго́н — барщина.

*Тру́нна бы́ла жыт', кагда́ пр'иго́н был. Ба́бушка рѣд'и́лас'
ф пр'иго́н.*

Белор., в сл. Даля с пом. зап., Н. П. Гринкова и В. И. Ча-
гишева отмечают слово **пригон** как белорусское (Гр. и Чаг.,
191).

Пляц, пляцок — земельный участок.

*Пл'ац тап'э́рика гѣвар'а́т, а ра́н'шѣ — уса́д'ба. Пл'ацо́к
куп'и́л'и и дом па́ста́в'ил'и. Нѣ пл'ацк'у́ и дом па́ста́в'ил'и.*

Белор., польск., в сл. Даля с пом. нем. фрн.: ср. немецкое
Platz — место, площадь.

Хло́пец — парень, подросток.

*Нада́вна чурба́нко́м л'ажáл, а тап'э́р' тако́й хло́п'иц.
Сѣб'ару́цца хло́пцы. Ма́ла в нас хло́пцѣф.*

Белор., польск., укр., в сл. Даля с пом. юж.

Хма́рно, хма́рный — пасмурно, пасмурный.

Паго́да стаи́т хма́рна́я, нахма́рила. Хма́рна с'аво́н'н'и.

Белор., укр., в сл. Даля с пом. юж. зап., донск. (Миртов),
кал. орл. (Опыт), **хмара** — угрюмый человек. Пск. (Доп. к
Опыту).

Цукэ́рка — конфета.

*Йе́та цук'э́рка сла́ткайа. Цук'э́рк'и вон там л'ажáт. Внү́-
чтка л'у́бит цук'э́рк'и.*

Польск., в сл. Даля не отмечено. Ср. немецкое Zucker —
сахар.

Шва́гер, шва́гра — муж сестры или брат жены, шурин.
Швагрёва — сестра жены.

Брат жаны — йёта шва́г'ур. Шва́гра в гóст'и пр'ийёхъл. И гъвар'йт майм рад'йт'ёл'ём шва́гра, што на́да ажан'йт'. Майя́ швагрёва — спл'ётни́ца бал'шайа.

Белор., польск., в сл. Даля не отмечено.

Шко́да — жаль, вред.

Анна́ дачка́ пам'орла, вот шко́да бы́ла. Ку́р'и фс'о пькл'а-ва́л'и, вот шко́да.

Белор., польск.; кур. пск. (Опыт). В I Псковской летописи **шкота** (Лавровский). **Шкода** смл. (Добровольский), в донских гов. (Миртов), на юго-востоке Кубани (Шабалин). В сл. Ожегова с пом. *прост.* В сл. Даля с пом. *юж. зап.*, нем. Schaden. Укр. *шкодити*. **Шкодить** — древнерусское заимствование из польского (Шанский).

Шмат, шматок — кусок, участок земли.

Зд'ес' шмат бал'шой, а карто́шку н'и пас'ёил'и. Шмат з'амл'и́ был в нас. Был н'ибал'шой шматок. Шмат бал'шой аста́лс'а н'ипас'ёинный карто́шкэй.

Белор., польск., в сл. Даля с пом. *юж. зап. пск. твр. тмб.* Заимствовано из польского через укр. и белор.; из диалектного нем. Schnat — отрезок (Преображенский, Шанский).

В говоре имеются слова, заимствованные из латышского языка. Их сравнительно немного. Некоторые слова перешли из других языков через латышский. Например:

Ка́нна — бидон. Латышское *каппа*.

На́да ка́нну памы́т'. Ка́нку пькуп'ыл'и в мага́з'ин'и.

Ру́нкуль — кормовая свекла. Латышское — *runkulis*.

Ру́нкул' палол'и. Ру́нкул' раст'о дл'ь скат'и́ны.

Шпа́ры — стропила. **Шпарно́е** — выпивка в честь того, что поставили шпары.

Гд'е крýша крби́ца — шпа́ры, страп'ила то́жъ нъзыва́л'и, а бо́лшъ шпа́ры. Крýшу кладу́т на шпа́ры. Шпа́ры ста́в'ут, давн'и́шн'и шпа́ры прагн'ыл'и. Шпа́ра йёта йёс'т' над крýшэй каторэ́йа, на шпа́ру жёрд'и кладу́т. Шпарно́й пйут, д'ёлэйут кр'ест, на кр'ест кладу́т в'анок, шчыта́и́цца шпарно́й п'ыл'и.

Слово **шпары** заимствовано из немецкого языка через латышский. Ср. нем. Spargen.

Некоторые диалектные слова сохраняют следы древнейших звуковых процессов. Такие слова тоже включаются в словарь.

В изучаемом говоре группы согласных **ркн, лкн, вкн, мкн, ткн** подвергаются упрощению. Например: *отомнуть, чирнуть, замнуть, тьянуть, толнуть, щёлнуть и др.* Во всех случаях выпадает **к**.

Кроме того, наблюдается выпадение **п** перед **н**: *зачернуть воды; б* перед **н**: *похленуть* (от *хлеба́ть*), *захленуться* (*захлебнуться*). Ср. в литературном русском языке: *утопать* — *утонуть, сгибать* — *согнуть* и др.; **г** перед **н**: *янёнок, янить, яниться, суяная* и др.

Все вышеуказанные упрощения групп согласных в русских говорах Прибалтики распространены широко: не только в Даугавпилском районе, но и в Прейльском¹¹, Краславском (б. Дагдском)¹² районах ЛатвССР, а также в ЛитССР и ЭстССР (Мат. Прибалт.). Такое же явление наблюдается и в псковских говорах (по материалам картотеки Псковского областного словаря).

С. М. Глушкина предполагает, что упрощение группы согласных **гн** (*янилась, суяная* и под.) было диалектным псковско-новгородским явлением дописьменной поры¹³.

В соответствии с общеславянским [s] или [š] из [s] в ряде слов звучит [ch] в некоторых глаголах на *-ать, -ывать; опояхать(ся), опояхиваться, слухаться, ужахать(ся), плёхать, плёхнуть*. Гораздо шире, чем в русских говорах Прибалтики, наблюдается это явление в псковских говорах. С. М. Глушкина рассматривает это как фонетическое явление, остаточное и давно лексикализовавшееся, возникшее как результат древнейшего неразличения свистящих и шипящих в псковских говорах¹⁴.

Слова, имеющие лишь грамматические отличия от соответствующих слов литературного языка, в словарь не включаются. Например: *дрóвы, гла́зы, лесы́, о́кны, домы́, листьы́* (*листья*) и др.

¹¹ А. И. Синица. Лексика русского старожильческого населения Прейльского района ЛатвССР. Канд. дисс. М., 1964.

¹² М. А. Новгородов. Говор русского старожильческого населения Дагдского района ЛатвССР. Канд. дисс. Даугавпилс, 1958.

¹³ С. М. Глушкина. Доклад на I псковской диалектологической конференции 1960 г.

¹⁴ Там же. Морфологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах. Сб.: «Псковские говоры». Псков, 1962, стр. 40—41.

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ ЛИТВЫ, ОБЩАЯ С ЛЕКСИКОЙ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

(К вопросу о корневых диалектизмах.)

I.

Диалектные слова русских народных говоров принято делить на два основных типа: 1) **лексические**, или **словарные**, **диалектизмы**, т. е. слова говоров, отличающиеся от общерусских слов своим морфологическим и фонетическим составом, своим материальным оформлением; 2) **семантические диалектизмы**, т. е. слова, отличающиеся от соответствующих общерусских слов своими значениями¹. Кроме того, к диалектной лексике следует относить слова говоров, отличающиеся от общерусских слов своей стилистической принадлежностью². Такие слова можно выделить в особый, третий тип диалектизмов, условно назвав их **диалектизмами стилистическими**.

Наиболее значительный по своему объему слой диалектной лексики в русских народных говорах составляют лексические, или словарные, диалектизмы. Среди диалектизмов этого типа можно выделить следующие группы слов: 1) слова, отличающиеся от общерусских слов своими корнями, т. е. слова, корни которых отсутствуют в общенародном русском языке; 2) слова, образованные от основ общерусских слов при помощи иных аффиксов — суффиксов и приставок; 3) слова с тем же морфологическим составом, что и в общенародном русском языке, но с иным фонетическим составом, т. е. с частными звуковыми отличиями; 4) слова, характеризующиеся иным местом ударения; 5) слова с иной грамматической характеристикой.

¹ См. Ф. П. Филин. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961; Ф. П. Филин. Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов. Вопросы славянского языкознания, кн. I, Львов, 1948; Л. П. Жуковская. Типы лексических различий в диалектах русского языка. Вопросы языкознания, 1957, № 3 и др.

² См. В помощь собирателям областной лексики. Под ред. Б. А. Ларина. Л., 1958 (рукопись); Т. Ф. Мурникова. Из материалов диалектологических экспедиций на остров Пийрисаар (1955—1960 гг.). Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 104. Тарту, 1961.

Из перечисленных пяти групп словарных диалектизмов в говорах русских старожилов Литвы ярче всего выделяются диалектизмы первой группы, т. е. слова, которые отличаются от общерусских слов своими корнями. Их можно назвать **корневыми диалектизмами**. С точки зрения происхождения корневые диалектизмы русских старожильческих говоров Литвы образуют два основных лексических пласта: 1) слова, унаследованные от соответствующих материковых говоров русского языка, т. е. от говоров далеких предков русских старожилов Литвы; 2) слова, появившиеся в данных говорах во время их изолированного существования, т. е. заимствования из других языков — белорусского, польского, литовского³.

Данная статья посвящается рассмотрению лишь части корневых диалектизмов, встречающихся в русских старожильческих говорах Литвы, а именно: диалектных слов, употребляющихся в данных говорах и в литовском языке (как в литературном литовском языке, так и в литовских говорах). При этом следует иметь в виду, что далеко не все диалектные слова русских говоров Литвы, употребляющиеся в литовском языке, заимствованы этими говорами из литовского языка; часть таких слов известна также белорусскому и польскому языкам, которые могли послужить источником их заимствования. Учитывая известную общность словарного состава литовского языка (особенно его диалектов) с лексикой славянских языков (в частности — польского и белорусского), не всегда легко, а иногда и совершенно невозможно установить, из какого языка могло быть заимствовано русскими говорами то или иное слово. Это и не входит в задачу статьи.

Цель данной статьи следующая: 1) выявить употребляющуюся в литовском языке диалектную лексику русских старожильческих говоров обследованной территории Литвы, существующих в литовском окружении более двухсот лет, определить место этой лексики в словарном составе данных говоров и установить ее связь с лексикой других смежных языков, а также материковых говоров русского языка; 2) определить

³ См. В. Немченко. Словарный состав говора русского населения Йонавского района Литовской ССР. Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР, Языковедение, III. Вильнюс, 1961 (Данная статья преследовала иную цель — дать наиболее общую характеристику словарного состава одного из русских старожильческих говоров Литвы, однако в основу статьи положено описание корневых диалектизмов).

степень усвоения местными русскими говорами иноязычных лексических заимствований с учетом их морфологического и звукового оформления; 3) отметить некоторые особенности семантического использования в русских говорах рассматриваемых диалектных слов.

II.

В обследованных нами говорах русских старожилов Литвы зафиксировано несколько сот корневых диалектных слов, употребляющихся в литовском языке, не считая многочисленных аффиксальных образований от этих слов⁴. Некоторое количество слов, используемых в данной статье, включено в опубликованные недавно Материалы для словаря (*аблаўк, а́граст, алэй, а́рфа, бизу́н, бр́овар, б́усел, буч, ва́га, ви́тка, во́лока, гилева́тъ, гу́ня, дерва́н, жвир, каплю́к, капи́у́к, кит, кля́мка, ко́мборник, копа́, корт, ку́бел, куль, кумпя́к, лаза́нки, лайда́к, ливя́рка, лой, лю́бны, нит, пашу́ра, пе́цкель, прас, про́ява, рапу́га, рудый, руде́тъ, скры́ня, стодо́бла, фу́ктэль, шва́гер, шпак* и некоторые другие)⁵.

Для более точного понимания значений рассматриваемых в статье слов они снабжаются текстовыми примерами, которые приводятся в упрощенной фонетической транскрипции и располагаются по условно выделенным тематическим группам

Природа, ее растительный и животный мир:

Гі́ря — сосновый лес, бор.

Тут н'ьдал'о́ка ат нас г'у́р'а, л'эс сасно́вый. Гдз'э со́сны — г'у́р'а нзъыва́йьцца. Зъ бэ́рэв'ика́м на́да в г'у́р'у ицц'у́, тут йа́ни н'ь расту́т. (СЛЯ, ССЛЯ *girià*.)

Ройст — болотистая местность, поросшая кустарником.

⁴ В статье использованы в основном диалектные материалы, собранные в результате наблюдений над говорами русских старожилов дер. Сукиняй (Укмяргский район), Римкай, Сточкай, Гульбиньшкяй, Пасекай, Паскутишкяй II (Йонавский район), Дидейи Ибенай (Каунасский район), Паэжярай, Прунцишкяй, Бурбякляй (Аникшяйский район).

⁵ См. В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Ученые записки Латвийского гос. университета им. П. Стучки, т. 51. Рига, 1963.

Зъ бъл'шакѡм агрѡмный ройст был, а тап'эр' фс'о пѣзѣ-
рал'и. Ианѣ пас'л'и в балѡц'ь нѣ райстѹ. (ССЛЯ gaistas.)

Ліоны (только множ.) — зарастающие травой пруды.

В л'уи'нѣх бываѣйт многа рѣбы. Пашл'и в л'уны кѣрас'ѡф
лав'иц'. (ССЛЯ liūnas — трясина.)

Купст — бугорок земли, кочка.

Крот нарыл купстѡф. В балѡц'ь аднѣ купсты, как там
кас'иц'. Купсты — адд'эл'ныйи кѡч'к'и з д'эр'ивѣм. (СЛЯ,
ССЛЯ kūpstas.)

Бүсел — анст.

Бүс'ьл ай бац'иан — то же самѣя. Бүс'ьл, бүс'ьл дѣлга-
нѡгий, н'ь хадз'и майѡй дарѡгѣй. ... (СЛЯ būsilas слав.)

Шпак — скворец.

Шпак'и ран'шѣ фс'их птѹшѣк к нам пр'ил'атаѣют. Шпак —
ѣта ужѣ пѣ-простѡму сафс'ѡм. (ССЛЯ špōkas.)

Килбүк — пресноводная рыба, пескарь.

К'илбукѡф в р'ак'и хѣрашѡ лав'иц', ианѣ на днѹ плавѣют.
К'албүк хѡдз'ит ф стѣйи. (СЛЯ, КСЛЯ kilbūkas диал.)

Рапүга (рапүга) — жаба.

Гүс'и рапүх н'ь кл'уйүт, тѡл'ка л'агүх. Л'агүх н'ь байицѣа,
а рапүх'и здѣл'акѡ байицѣа. (ССЛЯ rūpūžē, КСЛЯ rapūke,
rapūga диал.)

Вапсвѡ — оса.

Н'ь пч'алѡ ал'и вапсвѡ кус'ила, анѡ адд'ал'айицѣа ат
пч'алѣ. (ССЛЯ vapsvā.)

Віксва — осока.

В'иксву иашч'ѡ нѣзыва'йѣм р'азүха, в балѡтѣх раст'ѡт, ѡб'ь
стѡртѣны ѡстрыйѣ. (ССЛЯ viksvā.)

Вавѣрка — белка, белочка.

Вав'ѡрка иашч'ѡ нѣзыва'йицѣа на-рүс'к'и в'ѣкша. (ССЛЯ
voveris, voverūtē.)

Шешѡк — хорь, хорек.

Шашк'и гарѡст вр'ѣднѣйѣ, ианѣ и иайиц'к'и пѣют, и ц'ип-
л'ѡт крадүт. В гувн'ѣ ап'ѡц' шашк'и зѣв'ал'ис', спѡсу н'ѣт.
Шашкѡф в гувн'ѣ пѡсткѣм лав'ил'и. (ССЛЯ šēškas).

Пац — крыса.

Паймѡл вот такѡва пѡца. Такѡва пѡца и кѡшка н'ь ваз'м'ѡ.
(КСЛЯ pacas, pācas.)

Пацүк — то же, что пац.

Кѡшка ѡс'ьн'йү здѡхла, гѣк тап'эр' н'ѡ тѡл'ка мышѣй, а и
пѣцукѡф фс'үду пѡлна. Тут ат аднѣх пѣцукѡф н'икѡк н'ь ад-

барон'исса. Ф хл'аву пѣцук'и рѣз'ал'ис'. (КСЛЯ расukas, расukas.)

Медатка — ноготок.

Настурцы и мадатк'и — ц'в'аты йэс'т'. М'адатк'и жолта ц'в'ат'т. (КСЛЯ medatka, medatkas, medetka, medetkos, medetka, ССЛЯ medetka.)

Шалбабон — вьющееся однолетнее растение наподобие фасоли.

Шалбабон аш да крышы рас'ц'о. Пайдз'ош в л'эс, пр'и-н'ас'у палѣк нѣ шалбабон. Фасол' — шалбабон тот жа. (КСЛЯ šabalbonas.)

Усадьба, хозяйственные постройки, жилой дом и их составные части:

Склип — земельный участок, на котором расположена усадьба.

Скл'ип — м'эста, гд'э дом. Скл'ип — гд'э пастройк'и и гр'атк'и колѣ н'эво. Дом стр'ойат на скл'ип'э. Кагда вышл'и нѣ кал'он'ийу, тѣк ф'и пѣлуч'ыл'и скл'ипы. (ССЛЯ sklīpas — земельный участок.)

Куметина — усадьба батраков.

Кум'ац'ина — йэта как ран'шѣ жыл'и паны; в йаво ра-ботѣл'и л'удз'и и н'ичаво на м'эл'и. Ф кум'ац'ины кум'эц'и жыв'ут, п'ац'-шэс'ц' ч'ывав'эк, дама в йих выстр'эйн, и жы-в'ут. Брат жыл в другой кум'ац'ины. (ССЛЯ kumetūnas устар., СЛЯ kumetūnas, kumetūnē.)

Пашура — навес для сельскохозяйственного инвентаря, дров, кормов и для других целей.

Пашура пр'истройён кѣлѣ сарайу дл'а др'оф. Ф пашуры с'эна дз'эржут. Пашура — гд'э т'ал'эг'и стайат. Пашурѣ н'ѣ пр'истройёна к изб'э, ана как пр'ил'эпуш. (ССЛЯ pašūgē.)

Шулы (только множ.) — столбы между отдельными звеньями деревянного строения.

С этых бал'ѣк б'удут харошый шулы. В'эс' ахл'эф на др'овы рѣзабрал'и, тол'ка шулы стайат. Ф сарай, в ахл'эф шулы фставл'айут. (ССЛЯ šūlas.)

Гребязд (гребяст), **гребязда**, **гребяста** — решетина.

Ч'уц' н'ѣ свал'ыл'са с крышы, рукой зѣ гр'аб'аст зѣца-п'ыл'са. Ужэ кр'оквы пастав'ил'и, гр'аб'азды пр'иб'ивайут.

Крыша рэзар'улэс', гр'аб'асты тарч'ат. (СЛЯ grebézda, grebézdas, grebéstas, ССЛЯ grebēstas.)

Салька — мансарда.

(КСЛЯ salka, sálka, sálkè, sálkos, salkos.)

Дом с сáл'кэй. Этэ там сáл'ка дла свэйэго выгóды.

Гáнок — крыльцо.

Ианы фстр'эц'ил'ис' в гáнк'ь. С'ц'акл'áнный гáнк'ь. Апиш'ытый гáнк'ь. Кала хáты пр'устр'ойин хáнк'ь. (СЛЯ gonkà, gōpkas, gōpkai, gōpkos польск., нем.)

Кóмен — печная труба, дымоход.

В нас давн'эй н'ал'з'á была ф н'эч'к'и кóм'ьн стáв'иц'. Кóм'ин náда прач'и́с'т'ит'. Кóм'ин ужэ б'ал'йт' náда. Закр'ой кóм'ьн. (СЛЯ, ССЛЯ kāminas.)

Лióфта, лióхта — канал в отопительной печи.

Ф пл'йтк'и тр'и йл'и н'ат' л'уфт, мóжна рáзна пастáв'ит'. Пастáв'ил'и н'эч'ку на н'áц' л'у́хт'ф. Ст'энка на н'áт' л'у́хт. (КСЛЯ liúktas, liúktaj.)

Фаёрка — чугунный кружок, служащий для закрытия отверстия в плите, конфорка.

Файёрка ф пл'иты ввал'улэс'. Файёрк'и н'ьр'ьгар'эл'и. (СЛЯ fajierkà.)

Тынк — штукатурка.

Вытынк'эвэл'и избý, фс'ь аднó хóлэдна, и тынк н'а гр'эйа. Тынк апс'и́пэлс'а. (ССЛЯ tinkas.)

Аблитýра — косяки у окна.

Нáда хоц' абл'итýру пакрác'иц', фс'ó кр'эс'ив'эй бýдз'а. (СЛЯ abletūgas, abletūgà слав.)

Кл'я́мка — дверная щеколда.

Кл'áмка — на штó дв'эр' зэк'ривáйут. Н'а бр'áзгэй кл'áмкэй. (СЛЯ klémka польск.)

Предметы домашнего обихода и другие принадлежности домашнего хозяйства:

Скрýня — ящик, сундук.

Ф с'ан'áх стайáла бал'шáя скрýн'а в мукóй. Ф скрýн'у ад'óжу лóжут. А от сундýк, тэк скрýн'а рáн'шэ нэзывáлс'а. (ССЛЯ skrynjà.)

Кубел — куб, чан.

Кубъл стайит на кр'эс'л'ьцы. Нънас'ила куб'ил вады. Куб'ил — ну даш'ч'ан, эта то самъйа. (СЛЯ, ССЛЯ kùbilas.)

Шулка — дощечка для бочки, кадки и т. п., клепка.

Шулк'и ф цэбр'и и с'ьл'адз'офк'и, и в боч'к'и. Шулк'и став'ил в боч'ку. Боч'ка рассохлэс', шулк'и рассыпэл'ис'. (ССЛЯ šūlas.)

Прас — утюг.

Прас долга н'а гр'эйьцца, угл'у плах'ийь. (ССЛЯ prōsas.)

Кнот — фитиль в осветительных приборах (лампах, фонарях).

Кнот в л'ампы п'ьр'ьгар'эл. Кнот сафс'ом згар'эл, нада нов'ый фстав'иц'. Машынка кнот пэдн'имайит. (СЛЯ, ССЛЯ knātas.)

Резговины — приспособление из двух деревянных дужек, переплетенных веревочками, используемое для переноски соломы, сена и других кормов.

Р'эзгэв'инэм с'эна, салому в ахл'эф нос'ут. Пр'ин'ос кан'у цэлийь р'эзгэв'ины кл'эв'ьру. (ССЛЯ rēzginēs.)

Брункла — деревянная дощечка с отверстиями в обонх концах, применяемая для привязывания коров в хлеву.

Брункл'у прив'азывэйут, штоп н'ь закрус'ивэлэс' карова. Кароф прив'азывэйут с брункл'ьм, а ц'ал'ат баз брункл'ьф. (СЛЯ brunklūs, brunklis.)

Ланцуг — хозяйственная цепь.

Карова нэ лэнцугу в'эс' дз'эн', и нэпай'иц' н'экэму. Ланц'ук эта цэп, и карову нав'азывэйут, и сабаку. (КСЛЯ lanciu-gas, lanciu-gas, lenciu-gas, lenciu-gas, lencu-gas.)

Дрот — проволока.

Дрот — эта провэлэка на изгэрэд'и, кал'уч'ий дрот нэзыв'айут. В'адро ф калоццэ дротэм была прив'азэна. (СЛЯ drātas слав., drōta, drōtas герм., drōte, drōtis.)

Шруб — винт, шуруп.

Шруп ат ц'ал'эг'и. Дышл'и (в молотилке) шрубам пр'икрус'ивэйуцца. Цымбанты (часть телеги) са шрубэм сэйидз'ин'айут наклатку и ос'. (Сер. sriūbas варв., КСЛЯ sriūbas, šriūbas, šriūbas.)

Гриф — шип, ввинчиваемый в подкову на зиму.

Гр'ифы фкрус'ивэйут, штоп кон' н'ь с'л'изгал'а. (СЛЯ grīfas.)

Ухналь — подковный гвоздь.

Паткóвы пр'иб'ивáйут ухнал'ám. Ухнал'ú, ÿих инáч'э н'э нэзывáйут. (КСЛЯ uknolis, uknólis, uknólis.)

Лив'ярка — прибор для смазки разных машин и приборов жидкими смазочными материалами.

Как жэ ш ты памáжэш б'эз л'ив'áрк'и? (КСЛЯ liverka.)

Алива — смазочное масло.

Машынку (швейную) ал'ивэï мáжут. Ал'úва кóн'ч'ил'эс', н'эч'им машынку памáжэц'. (СЛЯ, ССЛЯ alyvà.)

Гúма — резина.

Дастáл гúму нэ падм'óтк'и. Гúма ат калóша. (СЛЯ, ССЛЯ gumà.)

Пакúла — пакля.

З'имóй óкны пакúлэï зэтыкайэм. (ССЛЯ pākulos.)

Папéра — бумага.

Рáн'шэ бумáг'и н'а знáл'и, гэвар'úл'и тóл'ка пап'эра. (ССЛЯ pōriēgius.)

Жабары, жабáры — отпавшие ветви деревьев или кустарника, хворост.

Как'úй там дрóвы, адны жэбары. Тóнк'ий жабáры. (ССЛЯ žābaras.)

Шакáли — сухие ветви деревьев, палки.

Тóл'ка шакáл'и в нáшэм л'асú астáл'ис'. Шакáл'и — úэта сук'ú, сýч'úа. (ССЛЯ šakalys.)

Обувь, одежда, украшения и т. п.

Клúмпнi — грубая обувь на деревянной подошве.

Тап'эр' клúмп'и н'а нóс'ут, а úа úаш'ч'ó в уч'úл'иш'ч'а ф клумп'áх хадз'úл. Клúмп'и бывáйут с хал'áвэм и б'эс хал'áф. (СЛЯ, ССЛЯ klūmpè.)

Шлúры — комнатная обувь, тапочки.

Пр'ихóдз'иши дамóй, абувáй шл'úры. Шл'úры этэ тóкэ нóну фсúнут'. (ССЛЯ šliūgè.)

Нáгини — кожаные лапти.

Нáг'ин'и с кóжы дз'элэïут; ÿих úаш'ч'ó нэзывáйут хэдак'ú. и рыч'к'ú нэзывáйут. (ССЛЯ nāginè.)

Андарáк — вид женского платья.

Ши'úла саб'э андарáк и стыдз'úцца адз'эц'. Ну и ши'úла плáц'úа, как андарáк какóй. (СЛЯ andarōkas, anderōkas, anderēkas слав.)

Райтúзы — плохая одежда; широкие брюки.

В ётых райтўзэх йаво и н'а взнайыш н'икак. В райтўзэх н'ар'ах'и ходз'ут. (КСЛЯ raĩtũzēs, rajtũzes.)

Трант — старая, негодная одежда, тряпье; неодобрительное название одежды.

Ц'отка шйо разныйѣ транты: г'имнас'ц'орку, рубáху и дру-г'ийѣ бáпс'к'ийѣ транты. Зач'ум купл'ац' транты, свайй н'э-куда дз'авáц'. Камў йон нўжэи, старый трант. (КСЛЯ trantas, trántas, traĩntas.)

Кавнёр — воротник.

П'ин'дж'ак съ стайáч'им кэвн'арóm. Нач'ал'н'ик йаво зѣ кавн'эр и ф халóднууу. (СЛЯ kalniērius, kalnierius, kauniē-rius.)

Гра́фка — английская булавка.

П'ришп'ил'й шáл'ку гра́фкэй. Карман гра́фкэй зэшп'ил'йл, штоп дз'эн'г'и н'а вьц'ьнул'и. (КСЛЯ grāfka.)

Каплюк — крючок для застегивания одежды.

Капл'ук пэц'ар'ал, тэк хоц' пўгэфкэй зэшп'ил'й. Капл'ук ат штано́ф. (СЛЯ kapliukas.)

Капшук — мешочек.

Капшук з дз'ан'гам фс'о вр'эм'а за пáзухэй нас'ула. В йаво дз'эн'ьк пóлный капшук. (СЛЯ kāršas, kapšys, kapšukas, ССЛЯ kāršas, kapšiukas разг.)

Тáша — женская сумочка.

Ты дз'эн'г'и ф тáшы н'ь дз'аржы, вьц'ьнуц' мóгут. (КСЛЯ tašė, tàšė, tašė.)

Кáпа — покрывало для постели.

Кáпэй крава́ц' пэкрывáют. Давн'эй кáпы сáмы зд'элэл'и, а тап'эр' гатóвыйѣ прэдайўца. (СЛЯ kapà.)

Дывáн — домашняя ткань из грубой пряжи и тряпья, используемая для половиков, постельных покрывал и т. д.

Н'йтк'и нэ дывáны. Стр'иглá тр'áпк'и нэ дывáны. Дывáны пэ в'ар'хóвйу ткáл'и. Крава́ц' заслáна дывáнэм. Вьтр'ьхнула дывáны. (СЛЯ divonas слав., ССЛЯ divonas.)

Гўня — кусок цветной домашней ткани из грубой пряжи.

Паслáла гўн'у на пóжэнк'и и л'ажыт, зэгарáйьт. Акно гўн'ый зав'эс'ил'и ат мўх. Гун'ый мóжна лóшэц' ай с'ижэн'йа накрыв'ц'. (СЛЯ gūnià белор., ССЛЯ gūnià.)

Фирáнка — занавеска.

На óкнэх ф'ирáнк'и ч'истыйэ. Ф'ирáнк'и п'эр'ьт икóнэй, штоп н'ь пыл'улас'. Праст'ыйи — так ф'ирáнк'и, а дл'инныйи — так гард'ины. Зэнав'эск'и, а бóл'шэ ф'ирáнк'и гэвар'ат.

К прáз'н'ику ф'иránк'и náда пэс'ц'иráц'. (СЛЯ fégánka, fégankas слав.)

Корт — плотная хлопчатобумажная ткань.

С кóрту штаны́ шйут. Рубáх'и ис кóрта в нас. (СЛЯ kòrtas.)

Бай — плотная ворсистая ткань, байка.

С báйу рубáх'и на з'иму шýл'и. Куп'ýла ч'атыр'ь м'этра báйу, тэк фс'ýх дз'ац'эй адз'эну. (СЛЯ bājus, слав., ССЛЯ bājus.)

Дáчка — бязь.

Б'элы́й м'ашóк с дáчк'и. Куп'ýла дáчк'и нэ б'ал'йó. (Лемх. dačkè.)

Бавэ́лна — хлопчатобумажная пряжа, обычно используемая в качестве основы для изготовления домашних тканей.

Л'он нэ бавэ́льны ткут. (СЛЯ bōvelna слав.)

Пища и продукты питания:

Лазáнки, лáзанки — кушанье из мучного теста, раскатанного и порезанного квадратиками или ромбиками.

Лазáнк'и с пшан'ýшнэй мук'ý дз'эл'ýют. Лáзэнк'и бóл'шэ в'эч'эрэм йадýт. (КСЛЯ lazánka, lazánkos.)

Цепел'ины — кушанье в виде продолговатых шаров из тертого сырого картофеля, начиненных мясом или творогом.

Цэп'эл'ýны мы р'этка дз'эл'ýём, кэла йýх рабóты гарáст мнóга. Цэп'ал'ýны нэч'ин'áйут м'áсэм ýл'и твóрэгэм. (КСЛЯ serelupas.)

Кумп'як — окорок, ветчина.

Ф субóту сабрáл'ис' кумп'ак'ý в'ан'дз'ýц'. Йа тóл'ка ус'п'эла схвац'ýц' адз'ýн кумп'ак' в'ýк'инуц', и бóл'шэ н'ичавó. С'ал'óтк'и йон н'а хóч'эт, кумп'акá хóч'эт. (СЛЯ, ССЛЯ kumpris.)

Кинд'юк — свиной желудок, начиненный рубленным мясом, сычуг.

К'ин'дз'ýк к прáз'н'ику пр'игатóв'ил'и. К'инд'ýк — э́та ка́дá нэб'ивáйицца м'áса рýбл'эньйá в жалýдэ́к и кап'áт. (СЛЯ kindzas, kiñdzius, kiñdzius, kindzùkas, kindziùkas белор., КСЛЯ kindiukas.)

Лой — топленое говяжье или баранье сало.

Зар'эзэ́л'и барáна, тэк цэл'ýя в'адрó лóйу нэтан'ýл'и. Сáла кан'ч'áйыцца, бýдз'эц'ь с лóйэм бл'ины́ йис'ц'. (ССЛЯ lājus.)

Алѣй — растительное масло.

Ф пост гѹл'бѹч'к'и валѹжут ал'ѣйм. Ал'ѣйу нѣ бл'ины нѣ астѹлѣс'. Л'ак — ѣта пасѹда нѣ кѣрас'ѹну, мѹсла, ал'ѣй. (СЛЯ aliējus слав., ССЛЯ aliējus.)

Сельскохозяйственное производство:

Драпѹк — конный культиватор.

Здѹл'и ф калхѹс драпѹк, плук, ц'ал'ѣгу, а йѣты сѹнк'и астѹвил'и. В дрѣпак'ѣ шѣс'ц', вѹс'им зубѹф. К дрѣпакѹ прицѣпывѹют вѹрч'ик'и и стал'вѹгу. (СЛЯ drapākas, drāpakas, drapōkas слав.)

Манѣж — конный привод к молотилке.

Ман'ѣш нѣ ч'атѹр'ѣ дѣшл'и. Зѣпр'агл'ѹ в ман'ѣш ч'ѣц'в'ѣра кан'ѣй. Камѹда в гумн'ѣ, а ман'ѣш на ѹл'ицы. (КСЛЯ maniežas, maniežas, māniežas, maniežius, māniežius, ССЛЯ maniežas.)

Арфа — зерноочистительная машина, веялка.

Арфѣй арфѹйут, з'ар'н'ѹты ч'ѹс'ц'ут, кагда вѣмѣлѣц'ут. В арф'и с'ѹты ѣс'т'. Тап'ѣр' в'ѣйѣлкѣм н'ѹ в'ѣйут з'арнѹ, арфѣм арфѹйут. (ССЛЯ afras, СЛЯ afras, афра герм.)

Фѹктѣль — машина для сортировки зерна, сортировка.

Фѹктѣл'ѹ в нас н'ѣт, фуктѣл'ѹвѹц' (зерно) в гѹрѣт в'ѹзѹт. З'ар'н'ѹты на фѹктѣл' прѣпускѹл'и. (ССЛЯ fūchtelis, СЛЯ fūktelis.)

Кѹпла — мотыга.

Картѹшку капѹл'и кѹплѣй, б'ѣс кан'ѣй, б'ѣз н'ич'ѹвѹ. Кѹплѣй з'амл'ѹ кѣплавѹл'и, а патѹм с'ѣйѣл'и. Кѹпла жал'ѣзнѣйѹ, ѣѣй травѹ з'б'ивѹйут, капѹйут гд'ѣ травѹ. (СЛЯ karlys.)

Дервѹн, дирвѹн — залежь, перелог.

В нас ужѣ и дз'ѣрванѣй фс'и п'ѣр'ѣпахѹл'и. Фс'ѹ пѹл'ѹ стѹйѹла дз'ѣрванѹм. Карѹф пасѹт нѣ дз'ѣрванѹм. Д'ирвѹн — ѣѣта н'ѹва зарѹшч'ѣйѹ. Бѣфшы н'ѹва, а патѹм зѣраслѹ — д'ирвѹн. (СЛЯ, ССЛЯ dirvonas.)

Вѹга — борозда.

Пѹшут гр'ѹдѹм в двѹцѣт' вак. Прагѹн'ѣт дз'в'ѣ вѹг'и и аддыхѹйѣт. Кагда вѹга канч'ѹйица, то л'игул'ѹтѣр (регулятор плуга) пѣварѹч'ивѹйут. (ССЛЯ vagà.)

Лѣсва — гряда.

З'амл'у пашут в л'усвы. Пашут вóс'ем вак в л'усву. (ССЛЯ l'ysvè.)

Матэ́йка — тимофеевка.

Кэ́н'ушыны нон'ич', мóжна сказа́ц', н'эт, адна́ матэ́йка вв'ёрэсла. Н'в пускáй каро́ф нэ́ матэ́йку. Крóm'э кл'эв'бру с'эйут матэ́йку. (КСЛЯ motéika, motéikos, moteikos, ССЛЯ motiejukas.)

Жалю́ка — сорт картофеля.

Жал'у́ку кагда́ ужэ́ пэса́дз'ыл'и, и то́ йаш'ч'о́ н'в абаши́л. Б'э́лэ́йа жал'у́ка — празра́чнэ́йа б'э́лэ́йа карто́шка. (ССЛЯ žaliukas — все то, что зелено.)

Ру́нколь — свекла.

Са́дз'ут прасты́йи ру́нкл'и и быдло́выйи. В нас ф калхóз'в ру́нкл'и йаш'ч'о́ н'а выкэ́пэны. (ССЛЯ ruñkalis, КСЛЯ runkelis, ruñkelis, runkulis, ruñkulis, ruñklis.)

Крjúчка — брюква.

Кр'júч'ка — тэ́к э́та кáл'ика, адно́ и то́ жа. Кр'júч'ка бы-ва́йа жо́лтэ́йа и б'э́лэ́йа, скацка́йа. (СЛЯ kriiðkas.)

Цибúля — лук.

Йэ́л'и с'ал'о́тку с цыбúл'э́й, бо́л'шэ́ н'ич'аво́ н'э́ была. Мн'э́ и б'э́с цыбúл'и фкúсна. (СЛЯ cibulè, cibulè, cibulis слав.)

Ба́рбара — ревенъ.

Э́ ба́рбэ́ры ва́р'ут кампóт, а дз'э́ц'и йаво́ и та́к йаду́т. (СЛЯ barbaras слав., ССЛЯ gabárbaras.)

Аграст, агрист, яграст — крыжовник.

Агрэ́ст и з'ал'о́ный йаду́т. Агрэ́ст крыжо́вн'икам нэ́зы-ва́йут. Агр'ист тап'э́р'ика крыжо́вн'ик нэ́зыва́йэца, ал'и кры-жо́вн'ик. Ку́сто́к йагрэ́стэ́ф. (ССЛЯ, agrāstas, СЛЯ agrāstas, āgrastas, āgrostas, āgrestas, āgresta.)

Зúпер, сúпер — химическое удобрение, суперфосфат.

Да́стáл два м'ашкá зúп'э́ру, нэ́ карто́шку хва́ца. Гдз'э́ сúп'э́р пас'э́йль'и, там и урожа́й харо́шый. (ССЛЯ zuperis.)

Калидрúска — калийное удобрение, калийная соль.

В нас фс'о́ и б'э́с кэ́л'идру́ск'и хэ́рашо́ рас'ц'о́. (СЛЯ, ССЛЯ káliadruskè.)

Амар — мелкие насекомые, известные как вредители растений.

Амэ́р идз'о́т как тумáн како́й, па фс'о́му пóл'у. Ч'уц' ма-л'э́н'ка амэ́рэм хва́ца, и карто́шка пэ́ч'ар'н'э́йа, и пэм'и-до́ры. В э́там гаду́ йа́блэ́к н'эт, а́мар м'иша́йит. (СЛЯ, ССЛЯ amaras.)

Предметы, связанные с ремеслами и промыслами:

Васарва́га — уровень, ватерпас.

Стал'ар свайу́ вѣсарва́гу забыл. Б'ѣз вѣсарва́г'и рѡвна н'а з'дз'элъйш. (КСЛЯ *vasarvogè, vasarvógè.*)

Ды́ля — деревянный брус, толстая доска.

Пасѡмы задз'элъл'и дыл'ѡм. С этъй дыл'и мѡжна была скам'эйьч'ку з'дз'элъл'ц'. (СЛЯ *dilè герм.*)

Бры́ли — горбыли.

Апѡлк'и и брыл'ѡм и гърбыл'ѡм нъзыва́йут. (СЛЯ *brilà слав.*)

Дѡ́лба — рычаг, лом.

Дѡлбъй бѡл'к'и пѡдыма́йут. Гѣвар'ѡт и с'ц'ѡк, и дѡлба. (СЛЯ, ССЛЯ *dálba.*)

Вѣ́тка — древесная ветка, прут.

Лѡты дрѡтѡм и в'ѣткѡм пр'ив'ѡзывѣйут, кагда́ крѣшу кро́йут. В'ѣткѡм плуты́ с'в'ѡзывѣл'и. С в'ѣтѡк и кѡрфы пл'атѣт. ССЛЯ *vutis, vyinè, vytèlè.*)

Ку́ль — большая связка соломы для кровли.

Н'ѣскѡл'ка кул'ѡф н'ѡ хвац'ѣла крѣшу пакрѣц'. Вот глѣнай ты, глѣнай, идз'ѣ са мно́йу, ѣа ц'иб'ѡ фкруч'ѣ ф кул' салѡм'ѡнный, ѣа ц'иб'ѡ пастѡвл'у вазл'ѡ парѡгу. (ССЛЯ *kulÿs.*)

Покѡ́ст — олифа.

Пакѡсту́ н'ѡ хвац'ѣла гѡнѡк пакрѡс'иц'. (Лемх., КСЛЯ *rokostas.*)

Кит — замазка для окон.

К'ѣтѡм ѡкны к'ѣтѣйут. Харѡшѣва к'ѣту н'ал'з'ѡ дастѡц'. ѡкны зѡк'ѣтавац'. ѣа и сѡм з'дз'элъл ба к'ѣт, ѡл'и пакѡсту́ н'ѣту. (СЛЯ, ССЛЯ *kitas.*)

Нит — заклепка.

З'б'иц' абрѣч' н'ѣтѡм. Вэ'ѡц' на н'ѣт. (ССЛЯ *nitas.*)

Цин — мягкий металл, используемый для паяния.

Цы́нѡм гаршк'ѣ зѡл'ивѡйут, фс'ѡкуйу пасѣду, и фс'ѡ, што цы́н пр'ин'ѣма́йьт. (СЛЯ, ССЛЯ *cinas.*)

Шмѣ́ргель — прибор с диском из твердого минерала для точки ножей, топоров и т. п.

Тач'ѣц' тапѡр на шм'ѣрг'ѡл'ѡ. Пус'ц'ѣц' на шм'ѣрг'ѡл'. (КСЛЯ *šmìrgelis.*)

Буч — рыболовная снасть, плетенная из прутьев, сак, морда, верша.

За цѣлый дз'эн' н'и адна рыб'ина в буч' н'ь папала. Буч' в'асной с лазы пл'атут. Буч став'ат, кагда рыба н'эр'астуйит, а вяржа — кагда в гору ид'от. (СЛЯ būčas, būcias слав., ССЛЯ būcius.)

Шрот — охотничья дробь.

Зайцоф стр'ал'айут шротъм, а валкоф шрапнэл'ъм. (ССЛЯ šgātas.)

Кнот — горючий шнур для воспламенения зарядов, фитиль.

Кнот тѣк в л'ампы, и гд'э камн'и ирвут, тѣжэ кнот. Масты ирвут тѣжа с кнатом. (СЛЯ knātas.)

Пути сообщения и средства передвижения:

Плянт — шоссейная дорога.

Бал'шой пл'ант Кѣц'ар'уна фтарайа прѣв'ала ат Масквы ъ Б'ар'л'уна. К в'эч'ьру вѣй'ьхэл'и на пл'ант. И тот пл'ант н'игараст дал'ока. (ССЛЯ plēntas.)

Брук — мостовая, покрытая булыжником.

Да гѣрѣду так-с'ак дай'эхэл, а в гѣрѣдз'ь на брук как за-й'эхэл, ср'азу кѣл'асѡ пѣл'ац'эла. (СЛЯ brūkas слав.)

Жвир — гравий.

Бац'ка жв'ир к масту ваз'ыл дарѡгу жв'иравац'. Па жв'иру ит'ит' н'а мѡжѣт. (ССЛЯ žvūgas.)

Шлаи — пароконные сани для возки дров, бревен и т. п.

На шлай'ьх бал'к'и вѡз'ут. Шлайи з дуду. (ССЛЯ šlājos.)

Шлайки — легкие сани для выезда.

Наш пр'ѣтс'адац'ьл' и б'ьс наб'ѣды апхѡдз'ицца: л'ѣтъм — на брѣч'к'и, з'имѡй — на шлайкѣх. (ССЛЯ šlajūkēs, šlajikēs.)

Кары — прицеп к саням для возки бревен.

Дл'инныйь бал'к'и с каръм вѡз'ут. (КСЛЯ kārai.)

Карюки — то же, что «кары».

Кар'ук'и к сан'ам пр'ив'азывѣют, кагда бал'к'и вѡз'ут. Дз'ѣц'и санк'и пѣламал'и, тѣк нѣ кар'укѣх з гары катал'ис'. (СЛЯ, КСЛЯ karūkai.)

Кампы — части саней, при помощи которых соединяются полозья.

Кампы с'идз'ат нѣ кѣпылах, катѡрыйь вб'ивайуцца ф полѣс. Кампы бывайут б'ар'ѡзѣвыйь. (СЛЯ, ССЛЯ kāmra.)

Кара — большая повозка с высокими грядками для возки сена.

Кара с высóк'им драб'янкъм, в йэй с'эна вóз'ут. (СЛЯ, ССЛЯ kāgai.)

Курлянка — легкая телега для выезда.

Курл'анка — как прастáяа ц'ал'эга, тóлка крýлушк'и йэс'ц' ат гр'аз'и. Курл'анка — тóлка на л'óккый прайэст. Так'ийь ц'ал'эшк'и нъзывáйуцца курл'анк'и. (КСЛЯ kurlénka.)

Ламбон, лáмбон — шест у телеги, соединяющий переднюю и заднюю ее части.

Ламбон, жэрц' — рас'ц'áгывыйут вос, дз'элъйт дл'инный и карóчший. Ламбон п'ьр'ьдз'в'игáйут, и ц'ал'эга дз'элъйьцца дл'инн'эй. (КСЛЯ lámbonas, lámbomas, lembomas.)

Бўкса — втулка.

Куп'ыл нóвыйь бўксы дл'ь ц'ал'эг'и. Ф къл'асó фставл'áйьцца бўкса. (СЛЯ bũksas, buksà, buksvà, слав., ССЛЯ buksvà.)

Спрýка, шпрýха — спица.

Спрýка ф къл'асý сламáлъс'. В л'исап'эдз'и спрýк'и стал'óвыйь. В зáдн'ьм къл'асý фс'и шпрýх'и пасыпъл'ис'. Шпрýх'и вб'ивáйуцца, и обът над'эн'эцца и фс'ó. (КСЛЯ šprikis.)

Шрóты — шарики для подшипников.

Къл'асó нъ шратáх. Л'исап'эт нъ шратáх хóдз'ут. В л'исап'эдз'и йэс'ц' м'элк'ийь шрóты и крупныйь, йа сáма пъмагáла йих фставл'áц'. (ССЛЯ šgātas.)

Пáданга — резиновая шина у велосипеда, мотоцикла и т. п.

В л'исап'эдз'и пáдънг'и сафс'óм с'ц'óр'л'ис'. Ч'óрнъйя гýма ат пáдънг'и. (ССЛЯ padangà.)

Термины метрологии и единицы счета:

Воло́ка — мера земли, равная примерно 20 га.

Ф хаз'áйина бы́ла валóка з'амл'й. Йон за йэту валóку н'и с'п'ыл, н'и с'йэл. (КСЛЯ valākas, valakà, ССЛЯ valākas.)

Цаль — дюйм.

Рáмы нъ адз'йн цал' н'а схóдз'уцца. (СЛЯ colas, cólis герм., ССЛЯ cólis.)

Кéтмэтр, кекмэтра — плотный кубометр.

Куп'ыл к'этмэтр дасóк. К'экм'этра бóл'шъ, как м'этра. (СЛЯ, ССЛЯ kietmetris.)

Эрдмэтр, эрдмэтр — складочный кубометр.

*Эрдм'этър дроф. Нада была дз'эс'ьц эрдм'этр'ф дроф
вьв'ьс'ц'.* (КСЛЯ erdmétris, Лемх., erdvèmetris.)

Копá — единица счета, 60 штук.

Пшан'йцу ваз'йл'и пъ пултары капы (т. е. клали на воз по 90 снопов). *Пъсал'йл'и шэс'ц' коп агур'ц'ф.* (СЛЯ, ССЛЯ карà.)

Түзина — дюжина.

Куп'ила түзину ц'атр'ад'к. (ССЛЯ tüzinas.)

Названия учреждений, предприятий, помещений разного назначения:

Вальд'йба — правление; управление.

*Опи'ч'ийь сабр'ан'ийа калх'оз'н'ик'ф съб'ирай'уцца на
Стар'й Дар'ог'и в уч'йл'иш'ч'ь, а ф кан'торы тол'ка сабр'ан'ийа
вал'д'йбы. На пай'эх'л ф пл'анту вал'д'йба.* (ССЛЯ valdyba.)

Тар'йба — совет (орган власти).

*В Виш'ынт'гх была зэс'адан'ийа тар'йбы. Тар'йба — эта
пъ-лит'офс'к'и, а как жэ ш тут па-р'ус'к'и б'уд'ьт — и н'ь
скаж'у.* (ССЛЯ tarýba.)

Пл'итиня — кирпичный завод.

Ка'ц'ина ма'ма там за пл'ит'ин'ьй жив'б. (ССЛЯ plytinè.)

Алек'три'на — электростанция.

Ал'актр'йна — гд'э ал'эктра. (ССЛЯ elektrinë.)

Гир'нин'к'йя, гир'ник'йя, гир'ин'ик'йя — управление, ведающее
определенным участком леса.

Гир'н'инк'ййа — эта кан'тора л'асно'ва дз'ьпарт'ам'ьнту.
(СЛЯ, ССЛЯ girininkijà.)

Пе'ни'ня, пе'ни'на, п'е'ни'на — молокоприемный пункт.

*Пъ утр'ам м'ялак' ф п'эн'ин'у нас'йла. В нас в дз'ар'эвн'и
свай'а п'эн'ин'а была, ка'жд'ьйа у'тра м'ялак' нас'йл'и. Ф п'а-
н'йну д'ьл'ак'о хадз'йц' была, к'ил'ом'ьтра пултар'а. Там (в Ма-
лых Иб'янах) то'жа йэс'ц'а п'ан'йна. М'ялак' ф п'ан'йны пр'и-
н'им'айут.* (ССЛЯ pieninë.)

Медел'йн — плодopитомник.

Пол'ный баз'ар ш'ч'апо'ф с м'ьдз'ал'йна н'эв'аз'л'й. (ССЛЯ medelynas.)

Тарт'ак — лесопильный завод, лесопилка.

*Л'ьсап'йлку в нас н'эзыв'айут тарт'ак. Пр'ив'аз'л'й с т'ьртака
вос апо'лк'ф на др'овы.* (КСЛЯ tartokas, tartokas, tartokas,
tärtokas, tařtokas.)

Брѡвар — спиртзавод; пивоваренный завод.

За брѡгъѣ на брѡвѣр ѣз'дз'ил'и. Брѡгу з брѡвѣра ваз'ѣл'и и карѡф кар'м'ѣл'и. (СЛЯ brāvaras, brāvoras слав., ССЛЯ brāvoras.)

Стадѡла — сарай или навес для повозок с лошадьми при постоялом дворе.

Кан'ѡ астѡв'ил'и ф стадѡлы, а ѣѡгъды нѣ саб'ѣ нѣ базѡр с'н'ас'л'ѣ. (КСЛЯ stadala, stadālè.)

Дабѡкля — арестантская.

Цѣлый дз'эн' в дабѡкл'и прѣс'идз'ѣл'и. (СЛЯ dabōklè., неол., ССЛЯ dabōklè устар.)

Бункер — землянка, устроенная для военных целей.

Тут ѣаш'ч'ѡ салдѡты зѣ вайнѣ как з'дз'ѣлѣл'и бѣнк'ѣр, тѣк и с'ич'ѡс стайѣт. (ССЛЯ bunkeris.)

Названия лиц по занимаемой должности, роду занятий, родственным отношениям, физическим и личным качествам и т. д.

Вѣршиник — начальник.

Ѣа был в р'адѣ пасл'ѣдн'ий, как хвац'ѣл за шѣѣу крым'инал'ѣста, в'ѣршын'ика ѣхныва, и кр'ичѣу: н'ив'инѡв'ин ѣа, н'ив'инѡв'ин! Ф салдѡтѣх в'ѣршын'ик, а тѡк тѣк бѡл'шѣ нач'ѡл'ник гѣвар'ѡт. (ССЛЯ viřšininkas.)

Пѣрминик — председатель.

Наш п'ѣрм'ин'ик сабрѡл фс'их бр'игадз'ѣрѣф и фс'ѡ нач'ѡл'ства. Св'ѣжый п'ѣрм'ин'ик хац'ѣл, в'ѣс' кл'ѣв'ѣр сваз'ѣл'и бы штѡбы. (ССЛЯ pirmininkas.)

Вядѣяс — заведующий.

Ѣон в Масквѣ в'адз'ѣѣм был в мѣгаз'ѣнѣх. Ѣон там в'адз'ѣѣм рабѡтѣл. Рѡн'шѣ ѣон пр'ѣтс'адѡц'ѣл'ѣм был, патѡм ф'ѣрмы в'адз'ѣѣм. (ССЛЯ vedėjas.)

Вядѣя — заведующая.

В магаз'ин'ѣ ѣс'т'ѡ в'ад'ѣѡа, в инт'арнѡт'ѣ, вафс'ѣдѣх. В'ад'ѣѡа на ф'ѣрмы кѣлѣ скатѡ хѡд'ит ѡл'и ѣаш'ч'ѡ гд'ѣ. В'ад'ѣѡа и ѣс'т'ѡ ш ѣанѡ (ССЛЯ vedėja.)

Сяніѡнас — староста.

Ѣон с'ан'ѣнѣсѣм там был, балб'ѣс ѣѣтѣт. Зѣ С'м'атѡнѣѣ ѣон был наш с'ан'ѣнѣс. (ССЛЯ seniūnas.)

Нѡвадас — начальник полицейского участка.

Новѣдѣс был гараст вр'эдный, йаво фс'и байáл'ис'. (Сер. puovada — полицейский участок.)

Комóрник — землемер.

Камóр'н'ик'и з гор'ѣду пр'ийажд'ж'áл'и з'амл'у м'эр'иц'. Рáн'шѣ з'амл'и н'икáк пѣдз'ал'иц' н'ь магл'и: и ругáл'ис', и камóр'н'икѣф вызывáл'и, а с'ич'áс фс'им хватáйа, тóл'ка рабóтѣй. (СЛЯ kamárnikas.)

Гірник, гирнинк — лесничий, заведующий лесничеством.

Л'ьс'н'икá тѣк н'ь байáл'ис', свой ч'ьлав'эк был, áл'и ат г'ир'н'ика тѣк фхадз'ул'и. (СЛЯ girininkas, girninkas, girnykas, ССЛЯ girininkas.)

Битник — пчеловод; лицо, содержащее пчел совместно с другим лицом, дающее пчел другим.

Б'итн'ик — хто пч'ол дз'эржа. Б'итн'ик'и — што пч'ол лóв'ут. Б'ир'и лукно, и пайд'ом в л'эс, б'уд'им б'итн'ик'и. Б'итн'ик'и пч'ол в'ад'ут (т. е. разводят), м'ан'áйуца пч'олэм, дай'ут друг д'ругу рой пч'ол ф падáрѣк. Б'итн'ик'эм нѣзывáйут тавó, кто дал пч'ол д'ругóму. (СЛЯ bitininkas, bitninkas, ССЛЯ bitininkas.)

Бичель — то же, что «битник».

Друк д'рушку йэс'л'и дал рой пч'ол, нѣзывáй'ьца б'итн'ик'и, б'ич'ол'и. (ССЛЯ bicüulis.)

Скердь — старший пастух.

Бывáла, с сáмѣва утрá с'к'эр'ц' затр'уб'ит ф труб'у, и фс'и гóн'ут свай'их карóф. Пастухá назывáйут ск'эрдз'ьм. (ССЛЯ skeřdzius.)

Кумѣти (зафиксировано только в форме множественного числа) — батраки у помещика.

Кум'эц'и жыл'и ф пам'эш'ч'ика. Нѣзывáйуца хаз'áйины, х'утн'ик'и, кум'эц'и. (СЛЯ kumetis, слав., ССЛЯ kumetis устар.)

Господыня (хозяйка) — хозяйка в доме.

Фс'и давнó ф пóл'а ушл'и, а нѣспад'ын'а йаш'ч'ó с'н'ит. (СЛЯ gaspadinē белор.)

Аматóкас — учащийся ремесленного училища.

Л'эт'эм в ѣпш'ч'ажыц'ийи н'и аднóва аматóка н'ь аста'йóцца. И аматóк'и к нам пр'ийажд'ж'áл'и бурак'и капáц'. К нам тóжа йэт'ят аматóк'эс пр'ихадз'ул'. (КСЛЯ amatókas.)

Шкаплёрник — продавец «шкаплёров» (т. е. четок и иных принадлежностей, связанных с церковным бытом католиков).

Эты шкапл'эр'н'ик'и тѣк тол'ка дз'эн'г'и вымушайут.
(КСЛЯ škaplerninkas, škaplierninkas.)

Швагер, швагра — муж сестры или брат жены, шурин.

В Масквы шваг'ер был. Зайцѣф мой швагра бывшый,
с'астрá была вышэдшы замуш зѣ йаво. С'аводн'а с'обстры и
швагрѣ сѣбрал'ис'. (КСЛЯ švogeris, švोगrius, švōgrius.)

Швагерка — сестра жены, свояченица.

Шваг'ерка стала вѣображác' — муш бал'шбѣй нач'ал'н'ик.
(КСЛЯ švogerka, švogierka.)

Ужкүрь — мужчина, после женитьбы поселившийся в
доме родителей невесты.

Ушкүр' тот, катöрый н'ѣ к саб'э пр'ивод'ит жанү, а ид'от к
жаны жыт'. Ажан'ыл'са и пашол в ушкур'и. (ССЛЯ užkurys.)

Банкарт — внебрачный ребенок.

Рас'ц'от йейный банкарт б'вз аццá, как з'вар'ок какой.
(СЛЯ beñkartas слав.)

Бахүр — подросток (неодобр.).

Бѣхурѣ так'ийь пр'ишл'и и вуб'ил'и (бабу) за тр'иццѣц
рубл'эй. Иа тагда йаш'ч'о сафс'ом бахүр был. (СЛЯ bakūras
слав.)

Аблаүк, аблаүк — разиня, растяпа.

Кудá н'и пашл'ош этѣва аблѣукá, адны хлапöты. Йон та-
кой аблаүк, ч'йстѣяа гөр'а мн'э с йим. (СЛЯ ablaūkas, abla-
vūkas, ablavūkas, ablamūkas, ablamūkas слав.)

Ляпшүк — вялый, нерасторопный человек, мямля.

Кудá ты пашл'ош такова л'ьпшукá! Л'апшүк, н'ѣ па-
в'эр'н'ѣцца. (ССЛЯ lēpšis, lēpšē.)

Кярэпла — неповоротливый, неуклюжий человек, увалень.

Такöва к'ар'эплу лүчч'ь сафс'ом н'икудá н'ѣ пускác'и.
(СЛЯ, ССЛЯ kerēpla.)

Рёгла — то же, что «кярэпла».

Уйдз'и з дарöг'и, р'огла. (ССЛЯ rióglà, КСЛЯ rioglà.)

Люрба — неопрятный, неряшливый человек, неряха.

Иавон'ѣяа бáба такáяа л'үрба, стыдна в л'үдз'и пѣказáцца.
Дѣ кудá ты пайдз'ош с так'им л'үрбѣй, как йон. (ССЛЯ liūg-
bis неодобр.)

Лайдák — мот, расточитель; бездельник, лентяй.

Вышла замуш зѣ лѣйдакá и хөдз'а абарвáфшы, как н'иш'-
ч'ѣяа. Лайдák ты, вöт хто ты такой. Лайдák — катöрый ра-
бöтѣц' л'ан'иццá, л'анц'áй. (КСЛЯ laidōkas.)

Лөтра — пьяница.

Ион такой лóтра — скóл'ка зэрабóт'яа, стóл'ка прап'ю.
Н'а жыз'н'а, а аднó муч'эн'яа, кагда мужык лóтра. (ССЛЯ
lātras parag.)

Проява — чучело, пугало, привидение.

Адз'эн'ят дл'йнн'яа плац'яа и хóдз'ит, как прап'яа. Идз'ó,
как прап'яа как'яа. (КСЛЯ prajovas, prajovas.)

Мурза — замарашка, грязнуля.

Ты, мурза, нав'эрна дз'в'э н'адз'эл'и н'а мыл'а. (ССЛЯ
murga, miŕzius.)

Пецкель, пэцкель — пачкун.

Ч'авó ты там п'эцк'яьсс'а, п'эцк'ьл'? Эта н'а мас'ц'ьр, а
пэцк'ьл' какóй-та, фтарóй дз'эн' пэцк'яьцца, а рабóты н'ь в'и-
дац'. (КСЛЯ peckelis, pèckelis, péckelis.)

Шмүхлер — обманщик.

Иа йэт'тва шмүхл'ьра знáйу, в йавó н'икагда здáч'и н'ь па-
лүч'иш. (КСЛЯ šmükleris.)

Качества людей и свойства предметов:

Шырый — старательный, усердный, трудолюбивый.

Ион ч'ьлав'эк ш'ч'ырый, фс'агда старáй'ьцца как дл'ь
с'иб'á. Ш'ч'ыр'яа баба. Ш'ч'ырыйь дз'эц'и. (КСЛЯ ščiras, ščy-
gas, ščýgas, ščýgas.)

Шкарадный, ашкарадный — вредный, скверный.

Ну и шкарадныйь дз'эц'и. Ашкарадный р'аб'он'к. Н'а б'уц'
такой ашкарадный. (КСЛЯ škarādnas.)

Файный — хороший, замечательный, прекрасный.

Ион файный ч'ьлав'эк. Уч'иц'ьл'ка г'ьаграф'иш была га-
раст файн'яа. Файн'яа р'уч'ка. (СЛЯ fáinas slav.)

Рудый — рыжий, коричневый, карий.

Куп'ыл рудый м'эц'ьр'ял н'э кас'ц'ум. В Нас'ц'и рудыйь
г'лазы. (ССЛЯ rūdas.)

Брудный — нечистый, грязный.

Брудн'яа б'ал'йó. С'ьпаг'и брудныйь. Ушы брудныйь.
(СЛЯ brūdnas, brūdnas slav.)

Действия людей и животных:

Ретовать — спасать, выручать.

Как з'ьбал'эла дач'ка, послá йа к эт'му ст'ьр'ик'у, што тра-
вам л'эч'ит, и г'ьвар'у: как н'иб'уц', дз'адз'а, р'ат'у. Нада кар-

Вайдѣнимас — представление, спектакль.

*Дз'эц'и вайд'ѣн'имас справл'аѣут. Вн'иман'иѣа н'ь б'арѣ,
н'и н'ь как'иѣй вайд'ѣн'имас н'ь хажѣ. Пашѣл н'ь вайд'ѣн'и-
мас. Пришѣл с вайд'ѣн'има пѣзна. (ССЛЯ vaidinimas.)*

Икуртѣви — новоселье.

*Дамá кагда стрѣѣут, икуртѣви дз'элѣѣут, спл'атаѣут и
стаѣут на крыѣшы тѣчку. (ССЛЯ įkurtùvės.)*

Кирмáш — народное гулянье, ярмарка.

*В нас, бывáла, давн'ѣй з'дз'эс' н'ьхадз'ѣл'эс' ѣармѣлка,
к'ирмáш. Зáфтра фс'и пайѣдут н'ь к'ирмáш. Йон с к'ирмáшу
ѣаш'ч'ѣ н'ь в'арнѣл'с'а. (СЛЯ kermõšis, kermõšius.)*

Посáг, посáга — приданое.

*В м'ин'á пасáк н'ьбал'шѣѣ был, ал'и за сѣрѣк в'орст
жѣн'их'ѣ пр'ѣѣж'дѣж'ал'и. Йа и б'эс пасáг'и зáмуш вѣѣду.
Йѣта ѣа ф пасáгу пѣлчу'ѣла. (КСЛЯ pasogas, pasõgas, pasoga,
pasõga, pasõga, pãsoga, pasogà.)*

Креѣчи — приданое (одежда и ткани).

*Йанá дач'к'ѣ креѣч'и складáѣа. Н'ав'ѣста баһáт'ѣѣа бѣла,
на дз'в'ѣ падвѣды креѣч'и п'ьр'ьвас'ѣл'и. Фс'ѣ саб'ѣ на креѣч'и
б'ьр'аг'ѣ. (СЛЯ kraitis, kraite, ССЛЯ kraitis.)*

Рѣпка — деревянный диск, используемый для одноименной игры; название игры, бросание диска.

*Дз'эц'и з'ѣ гувнѣм р'ѣпку бѣѣут. Фч'арá в'эс' дз'эн' р'ѣпку
ган'ал'и. Дз'эц'и л'ѣб'ут в р'ѣпку игрáц'. (ССЛЯ rìpkà, КСЛЯ
rìpkà, rìpka.)*

Карасѣнка — название одной из карточных игр.

*Йа тѣжа н'ѣуч'ѣл'эс' игрáц' ф к'эрас'ѣнку. (КСЛЯ karasinka.
СЛЯ karasèlè, karasinka.)*

Йѣкер — игральная карта, которая по выбору играющего может обозначать либо одно, либо одиннадцать очков.

*Бывáѣа, што и йѣк'ьр праѣгрѣв'ѣѣа. Дай йѣк'ьр, бѣду б'ѣц'
в'эс' банк. (КСЛЯ jòkeris.)*

Бартѣк — валет.

*Хр'астѣвѣѣй бартѣк астáл'с'а. Б'ѣѣ дз'ас'áтку б'ьртуком.
(СЛЯ bartùkas слав.)*

Церковный быт и религиозные представления:

Рожáнцы — четки у католиков.

*В нас с л'эстѣфк'ѣѣй мол'уцца, а в ѣѣх с ражáнц'эм. (КСЛЯ
gožančius, gožančius.)*

Шкаплэры — четки и иные принадлежности, связанные с церковным бытом католиков.

Шкапл'эр'н'ик'и шкапл'эры вóз'ут прѣдайúт, крýжык'и л'итóфс'к'ийь. (КСЛЯ škaplierius, škaplieriai.)

Каплица — часовня.

Кълъ капл'ицы йавó дѣжыдál'и вдвайóх. (СЛЯ korpyčią, karpyčią, ССЛЯ korpyčią.)

Парáфия — католический церковный приход.

На трóйцу' фс'а ййхнѣя парáф'ийа съб'ирáлѣс'. Парáф'ийа — пр'ихóт. (ССЛЯ parąrija.)

Шлюб — венчание, венец (у католиков).

Тан'эр' кс'андзы за шл'уп'нóга н'ь б'арýт, штоп тóл'ка бóл'шѣ ишл'и к'им. Тан'эр' и л'итóфы н'а фс'и шл'уб б'арýт, как жэн'уца. (Сер. šliūbas ошиб., КСЛЯ šliūbas.)

Велики — католическая пасха.

Ййхныйь в'ал'и'к'и ч'ьр'аз дз'в'э н'адз'эл'и, а нáша пáска за тр'и н'адз'эл'и пóс'л'ь ййхнѣй. (ССЛЯ velýkos.)

Пáтери — католические молитвы.

Стáла нѣ кал'эн'к'и и ч'итáйа пáц'ьр'и. Кагда йа уч'и'лѣс', тѣк ф'шкóл'ь кáжн'ий дз'эн' два рáза пáц'ьр'и ч'итá'и. (ССЛЯ pōteriai.)

Жегнáться — креститься (о католиках).

А бáба п'ьр'ьпужáлѣс', стайт нѣ дарóг'и и жагнáйьца. (ССЛЯ žegnóti, Лемх. žegnotis.)

Бирмовáть — исполнять религиозный обряд, во время которого дети (католики) получают второе имя.

Дз'ац'э́й са шкóлы вадз'и'л'и ф'кас'ц'óлу б'ирмава́ц'. (СЛЯ birnavóti слав.)

Слова, связанные с бытом школьников:

Крэйда — мел.

Нѣ даск'и крэйдѣй п'исáл'и. Зач'им ты крэйду с уч'и'л'иш'ч'а пр'ин'óс? (СЛЯ, ССЛЯ kreidà.)

Пáркер, пáркель — авторучка.

Фч'арá куп'и'л нóвый пáрк'ьл'. Нанá пáрк'ьл'ьм йаш'ч'ó и п'исáц' н'а вм'эя. Ф'пáрк'ьру з'латóйа п'арó. (КСЛЯ paŕkegis.)

Спáлвы — цветные карандаши для рисования.

Ф'ч'ац'в'óртом клáс'ь спáлвѣм р'исавáл'и. (ССЛЯ spalvâ— цвет.)

Тринтук, тырантук — школьная, ученическая резинка.

Ваз'м'и тринтук и сатр'и, йэс'л'и н'а так нэп'ис'ала.
С'ц'орла тэртуком. (ССЛЯ trintukas.)

Сугеримас — промокательная бумага.

Твой суг'ер'ымэс н'э пр'имакайт, а тол'ка хужэ пач'кэйт.
(ССЛЯ geriamasis popierius, Сер. sugeriamasis popieris,
КСЛЯ sugeriamas.)

Скайтлюки — школьные, ученические счеты.

Их там уч'ут нэ скайтл'укэх ш'ч'итац'. (ССЛЯ skaitytuvai,
КСЛЯ skaitliukai.)

Скайчавимас — решение задач, урок по арифметике.

В'эра нэ скайч'ав'имэс апазд'ала. (ССЛЯ skaičiavimas.)

Дайлираштис — чистописание, урок чистописания.

Фтарой ур'ок дайл'ирашт'ис. (ССЛЯ dailýraštis.)

Пайшыба — рисование, урок рисования.

Нэ пайшыбы с'аводн'э кл'ановый лист р'исав'ал'и, хто н'а
к'ончил, в'ал'эл'и д'ома зак'онч'иц'. (ССЛЯ paįšýba.)

Носиня — знак, которым в литовском языке обозначается долгота гласных, являющихся носовыми по происхождению.

Былэ п п'ац'орка, ал'и нос'ин'у в адным м'эс'ц'э н'э паст'а-
в'ил. Нос'ин'у забыл паст'ав'иц'. (ССЛЯ nòsinis, nòsinė — но-
совой звук.)

Патайса — переэкзаменовка по какому-либо предмету неуспевающего учащегося в конце летних каникул.

В м'ин'а аст'алэс' дэ'в'э пат'эйсы. Йэс'л'и пат'эйсу н'а зд'аст,
фтарой гот аст'ан'эцца ф с'адмым кл'ас'э. (ССЛЯ pataisà.)

Прочие слова, не вошедшие ни в одну из приведенных тематических групп:

Отлига — оттепель.

Пак'а атл'ига, н'икуд'а н'э пайэдз'ыш, л'учч'э др'овы нэп'и-
л'уй. (ССЛЯ atlydys.)

Квадра — вторая фаза луны.

Пос'л'э мэ'лэдз'ика быв'аю квадра. Квадра — пэ'лав'ина
м'эс'эца, этэй луны. . . (СЛЯ kvadrà, kvādras, КСЛЯ kvādra —
фаза луны вообще.)

Крата — обыск.

В йих два р'аза кр'ату дэ'элэл'и, фс'о ар'ужыя иск'ал'и.
З'дэ'элэл'и кр'ату и н'ич'ав'о н'э нашл'и. (СЛЯ, ССЛЯ kratà.)

Нюрка — нырок.

Как дал н'урку, тѣк и н'а вѣл'ѣс с вады, тол'ка назафт-
р'ийа нѣ б'ѣр'аг'у нашл'и н'ѣжив'ова. (КСЛЯ piirka.)

Л'упа — губа.

Ходз'а ч'аво-та л'упу атв'ѣс'ифшы. Ф'ад'ул, ч'аво л'упы на-
д'ул? (ССЛЯ lura.)

Гуз — шишка на теле, желвак.

Иа как вдар'ил'с'а, тѣк ср'азу гус вѣскѣч'ил. Два гуз'а п'лу-
ч'ил. Гус ай с'ин'ина вѣскач'ил. (СЛЯ, ССЛЯ guzas.)

Пл'яма — пятно.

Нѣ адз'обжы пл'ама. Цѣл'ѣя ш'ч'ак'а ф пл'амѣх. Ф п'зра-
с'онка с'ин'ийѣ пл'амы, нав'ѣрна нѣ с'ин'афку зѣбал'ѣл.
(КСЛЯ plēmas, plēmas, plēmas, plēma, plēmā.)

Бруд — нечистота, грязь, мусор, барахло.

Вѣтр'ѣхн'и ты йѣтѣт брут с кар'з'инк'и. Набр'ал фс'ак'ѣва
бр'уду и н'ос'ит ф карман'ѣ. (СЛЯ brūdas, brūdas слав.)

Падла — труп животного, падала; худая, тощая, забитая
лошадь; ругательство.

На пр'ошл'ѣй н'адз'ѣл'и кон' здох, а падла и с'аводн'ѣ в
л'ас'у л'аж'ѣт. На йѣтѣй падлы р'аз'ѣ дайѣдз'ѣш. Н'ич'аво н'ѣ
раб'от'ѣя, тол'ка л'аж'ѣт, стар'ѣя падла. (КСЛЯ padla,
padlā.)

Шкапа, шкаба — худая, изнуренная лошадь, кляча.

Нѣ такой шкапы за тр'и ч'ас'а да Ковна н'ѣ дайѣдз'ѣш.
В'асно'й шкаба ч'уц' ходз'а. (КСЛЯ škāpa, škārā, škāpas, škā-
rapa, škāba.)

Рап'уга — бранное слово.

Рап'уна ты ш, дз'й'авѣл стар'ый! (КСЛЯ rapuga.)

Арм'ата — орудие, пушка.

С арм'ат стр'ал'айут. (СЛЯ aīmotā, armatā, armotā слав.,
(ССЛЯ armotā.)

Л'ина — трос, канат.

Ч'ѣр'ѣз р'ак'у л'ина нац'анута, в'идна б'удут пар'ом дз'ѣл'ѣц'.

(ССЛЯ lūnas.)

Биз'ун — нагайка, плетка.

Как дад'ут ф хр'ап'ѣлку, а пат'ом биз'ун'ом х'ѣраш'о вѣру-
б'ут, а пат'ом ты д'олжын им гѣвар'йц'. Атлун'ил'и как сл'ѣдуйѣт
б'из'ун'ом. (СЛЯ bizūnas, bizūnas, слав., ССЛЯ bizūnas.)

П'ипка — курительная трубка.

Наш сус'ѣт цѣл'ый дз'ѣн' п'ипку с р'оту н'ѣ выпуск'айѣт.
(ССЛЯ rūpkē.)

Циб'ук — то же, что «п'ипка».

Ходз'а с цыбуком, как с кофшыкэм. (СЛЯ sibukas — мундштук слав.)

Бурбуль — шарик.

Нъ картошк'и йзс'т' так'ийь бурбул'и, гъвар'ат, што дав-н'эй йих йэл'и. (СЛЯ buřbulas — пузырь.)

Титнагас — кремень.

Ц'йтнэггэс агон' дайот. (СЛЯ titnagas.)

Дарбаденя — трудовень.

За йэта мн'э аднү дарбад'ьн'у зьп'исал'и. Апшч'итывэйрт (т. е. начисляет) *дарбад'ьн'и, как ф калкбозь работэйут.* (СЛЯ darbādienis.)

Пажимэима — удостоверение.

Кон'чила школу, выдг'л'и пэжым'эйиму. Б'ьс пэжым'эйимы нъ работу н'ь пр'имайут. (СЛЯ pažumėjimas.)

Рушавимас — удостоверение о распределении земельных угодий по сортам.

В м'ин'а фс'акэй з'амл'и была, бол'шэ тр'эцц'ий сорт, вот йа вам пэкажү рушавимас. (СЛЯ rūšiāvimas — распределение по сортам.)

Балсавимас, бальсавимы — голосование.

Фс'и пашл'и нъ балсав'имэс. Пашол нъ бал'сав'имы. (СЛЯ balsāvimas.)

Поседис — заседание.

Ид'ом на пос'ьд'ис. С пос'ьд'иса в'арнүл'ис' позна в'эч'ьрэм. (СЛЯ pósėdis.)

Сусиринкimas — собрание.

Сус'ир'ин'к'имас йашч'о н'а кон'чилс'а. (СЛЯ susirinkimas.)

III.

Рассмотренные слова далеко не исчерпывают всей диалектной лексики русских старожильческих говоров обследованных населенных пунктов Литовской ССР, общей с лексикой литовского языка, однако приведенных в статье примеров вполне достаточно для того, чтобы ответить на вопросы, поставленные в вводной части статьи.

1. Диалектная лексика русских старожильческих говоров Литвы, общая с лексикой литовского языка, занимает значительное место в словарном составе данных говоров. Из при-

веденных примеров видно, что такая лексика относится к самым разнообразным сферам жизни и трудовой деятельности сельского русского населения республики. Это, прежде всего, слова, связанные с бытом крестьян (*прас, андарак, кана, дыван, гуня, кумпяк, киндюк* и др.), с их производственной деятельностью (*кары, шлаи, арфа, фуктэль, драпак, вага, лисва, калидруска, далба, дарбаденя* и др.), духовной жизнью (*гягу-жуня, вакарас, вайдунимас* и др.), новыми общественными и хозяйственными отношениями (*тариба, вальдиба, пирминик, поседис, сусиринкмас, балсавимас, бальсовать* и др.) и т. д.

Многие диалектные слова русских говоров Литвы, употребляющиеся в литовском языке, широко известны также за пределами литовского языка. Так, в обследованных русских говорах зафиксировано немало диалектных слов, общих с лексикой литовского языка, которые употребляются или ранее употреблялись в польском языке, особенно в его диалектах, например: *шлаи* (Карл. диал. szłaje), *шлайки* (Карл. диал. szłajki), *кара* (Карл. диал. kara), *васарвага* (Карл. waserwaga), *шмиргель* (Карл. szmergiel, szmirgiel, Грек. szmergiel), *дерван* (Карл. dyrwan), *битник* (Карл. диал. bitnik), *скердь* (Карл. диал. skierdz'), *матэйка* (Карл. диал. matejka), *барбара* (Карл. barbara), *шкаплэры* (Карл. szkapler, szkaplerz), *шкаплэрник* (Карл. szkaplernica, только женск.), *бирмовать* (Карл., Грек. biermowac'), *гилевать* (Карл. gilowac').

Большое количество слов описываемых говоров, употребляющихся в литовском языке, известно и в польском, и в белорусском языках, например: *драпак* (Грек. dgarak, Крап. драпак), *арфа* (Карл. arfa, harfa, Крап. арфа), *дыля* (Карл. dyl, Крап. дыля), *лазанки* (Карл. lazanek, множ. lazanki, Нос. лазанка), *киндюк* (Карл. kindziuk, Крап. киндзюк), *кумпяк* (Карл. kump, kumpie, Крап. кумпяк), *дыван* (Карл., Грек. dywan, Крап. дыван), *пакула* (Грек. pakuły), Нос., Крап. пакулле), *гума* (Карл., Грек. guma, Крап. гума), *покост* (Карл., Грек. pokost, Крап. пакост), *цибук* (Карл. cybuch, диал. cybuk, Грек. cybuch, Крап. цыбук), *фаэрка* (Грек. fajerka, Крап. фаэрка), *лина* (Грек. lina, Крап. ліна), *жвир* (Карл., Грек. żwir, Крап. жвір), *шрот* (Карл. szrot, Нос., Крап. шрот), *шруб* (Карл. диал. szrub, Нос. шруб, Крап. шруб), *цин* (Карл., супа, Нос. цын), *гуз* (Грек. guz, Крап. гуз), *патели* (Карл. pacierz, диал. pacieг, Грек. pacierz, Нос. пацер, Крап. пацеры), *жегнаться* (Карл., Грек. żegnac' się, Нос. жегнацьца).

пéцкель, пэ́цкель (Карл. *peckiel*, Нос., Крап. *pэ́цкаль*), пéц-
кать, пэ́цкать (Карл. *peckac'*, Нос., Крап. *pэ́цкаць*), пéцкаться,
пэ́цкаться (Карл. *peckac' się*, Нос. *pэ́цкацьца*, Крап. *pэ́ц-
кацца*).

Целый ряд анализируемых в статье слов, помимо поль-
ского и белорусского языков известен также некоторым ма-
териковым говорам русского языка, главным образом гово-
рам, расположенным в западной части России, например:
стодóла (Карл. *stodola*, Нос., Даль *зап. стодóла*, Крап. *устар.*
стадóла, Добр. *стадóл*, *стодóлушка*), шкáпа (Карл., Грек.
szkapa, Даль *южн., зап. шкáпа*), шўлы (Карл. *szulo*, *диал.*
szula, Нос. *шўла*, Крап. *шўла*, *шuló*, Даль *зап. шўло*, *смол.*
шўла, Опыт *смол. шўла*, Добр. *шўло*, *шўлье*), куль (Карл.
диал. kul, Нос., Крап., Даль *зап. куль*), буч (Карл. *диал.*
bucz, Крап. Даль *зап. буч*), бизўн (Грек. *устар. bizun*). Нос.
бизўн, Крап. *бизўн*, Даль *псков., ворон. бизун*), кнот (Карл.,
Грек. *knót*, Нос., Крап., Опыт *смол. кнот*) андарáк (Карл.
диал. andarak, Нос., Крап., Даль *зап.*, Опыт *смол.*, Добр. *ан-
дарáк*), рўнколь (Карл. *gunkla*, КПОС *рўнколь*), ци-
бўля (Карл. *sebula*, *реже subula*, Грек. *sebula*, Нос.,
Крап., Добр., КПОС *цыбўля*, Даль *южн., зап., твер., костр.*
цибўля, *цыбўля*, Опыт *костр. цибўля*, *смол. цибўля.*
цубўля), кит (Карл., Грек. *kit*, Крап. *кiт*, Нос., Даль
кит), шлюб (Карл. *s'lub*, *реже szlub*, Грек. *s'lub*, Нос., Крап.,
Даль *южн., зап. шлюб*, Добр. *шлюбá*), бруд (Карл., Грек.
brud, Нос., Крап., Добр. *бруд*), рўдый (Грек. *gudy*, Крап.
руды, Нос., Добр. *рўдый*, Даль *южн., зап.*, Опыт *кур., ССРЛЯ*
обл. рудой.)

Отдельные диалектные слова русских говоров Литвы, упо-
требляющиеся в литовском, а также в польском и белорус-
ском языках, в более раннее время относились к общерусской
лексике пример: бўсел (САР, СЦ-СИРЯ бўсел; ср. Карл. *диал.*
busiel, *busel*, Нос., Крап., Даль *зап. бўсел*), алéй (Преобр.
древнерусск. олей; ср. Грек. *olej*, Нос. *олéй*, Крап. *алéй*, Даль
южн., зап., Опыт. *смол.*, Добр. *алéй*), копá, (Срезн. *копа.*
СЦ-СИРЯ *копá*; ср. Карл., Грек. *кора*, Крап. *капá*, Нос., Добр.,
Даль *зап.*, ССРЛЯ *обл. копá*), волóка (Даль *стар. волóка*; ср.
Карл. *wlóka*, *реже wloka*, Грек. *wlóka*, Крап., Даль *зап.*, *новг.*
волóка.)

Некоторые из приведенных примеров диалектных слов

русских говоров Литвы, которые помимо литовского языка известны и в других (славянских) языках, являются исконно литовскими словами (*бiтник, скердь, пакiла* и др.), большинство же из них восходит к славянским языкам (*стодiла, алiй, волiка, шлюб, бирмовiть* и мн. др.). Однако это не значит, что такие слова заимствованы местными русскими говорами непосредственно из славянских языков. Вполне возможно, что многие из этих слов заимствованы данными говорами через литовский язык — язык непосредственного окружения. В этом отношении роль литовского языка в обогащении словаря говоров русских старожилов Литвы неоспорима.

К несомненным заимствованиям из литовского языка с уверенностью могут быть отнесены те слова исследуемых говоров, которые отсутствуют в соседних славянских языках (польском, белорусском). Сюда прежде всего относятся слова, связанные с бытом крестьян и их производственной деятельностью, например: *склип, роiст, лiоны, вiга, зiпер (сiпер), калидрiуска, плянт, ламбiн, карiюки, кiмпы, кiпла, дiлба, брiнкля, ливiрка, клiмпи, нiгини, шлiуры, дiчка, жалiюка, вiксва, вапсвi, жабiры, шакiли, пакiла, кiтмiтр (кiк-мiтра), эрдмiтр (эрдмiтр), бiтник, бичiль, скердь, ужкiурь, пiнина, крiйчи, гягужiня, икуртiви, дарбiдeня* и др. Такие слова могли быть заимствованы русскими говорами Литвы благодаря непосредственным контактам, широкому повседневному общению представителей данных говоров с окружающим литовским населением.

Многие слова, заимствованные из литовского языка, представляют собой разные официальные названия, например: *тариба, пiрминик, вiршиник, сянiюнас, вядeяс, вядeя, вальдiба, пiседис, сусиринкiмас, балсiвимас (бальсiвимы), бальсовiть, меделiн, гiрник, гирникiя, плiтиня, алектрiна, нiвадас, дабiкля, крiта* и др. Причиной заимствования такого рода слов являются деловые, официальные отношения носителей местных русских говоров с представителями государственных, хозяйственных и иных органов.

Немало литовских заимствований относится к быту школьников, например: *пiркер (пiркель), скайтлiюки, тринтiук, сiгеримас, спiлвы, пайшiйба, скайчiвимас, дайлираштитис, нiсиня, пiтайса* и др. Такие слова чаще всего встречаются в речи молодежи и, особенно в речи детей школьного возраста, хотя употребляются и представителями старших поколений.

Они проникают в русские говоры благодаря посещению русскими детьми литовских школ.

Влиянием литовской школы может быть объяснено также наличие в русских говорах Литвы таких слов, как например: *пажимэима, вайдѳнимас, вакарас, аматокас, тѳтнагас, рѳпка* и др.

2. Диалектная лексика говоров русских старожилов Литвы, употребляющаяся в литовском языке, не является однородной с точки зрения ее усвоения данными говорами.

Большинство рассматриваемых в статье лексических заимствований прочно вошло в словарный состав местных русских говоров. Такие слова обычно не имеют общерусских синонимов и воспринимаются основной массой говорящих как исконно русские слова. Сюда, прежде всего, относится значительная часть слов, общих с лексикой польского и белорусского языков, например: *дервѳн, драпѳк, ѳрфа, шлѳи, шлѳѳи, лазѳнки, фаѳрка, дывѳн, кнот, гѳма, шруб, шрот, шмѳргель, жвир, кит, буч, куль, копѳ, волѳка* и мн. др. Широко употребляются в русских говорах Литвы также многие диалектные слова, рассматриваемые в статье как несомненные заимствования из литовского языка, например: *лѳны, вѳксва, вага, кѳпла, дѳчка, клѳмпи, ужкѳрь, пѳркер (пѳркель)* и др.

С другой стороны, среди рассматриваемых в статье лексических заимствований имеются слова (прежде всего слова литовского происхождения), которые чаще всего употребляются в русских говорах Литвы наряду с однозначными общерусскими словами или же диалектными образованиями от основ общерусских слов и являются как бы дополнительным средством выражения соответствующих понятий, например: *тарѳба, вальдѳба, пѳседис, сусиринкѳмас, вакарас, вайдѳнимас, плѳтина, алектрѳна, пѳнина, меделѳн, склип, бѳтник, пѳрминик, вѳршиник, вядѳяс, вядѳя, сянѳюнас, нѳвадас, дабѳкля, крѳта, дарбѳдена, гягѳжиня, икуртѳви, крѳѳчи, нѳгини, шлѳоры, рѳпка, тѳтнагас, тринтѳк, скайтлѳюки, нѳсиня, пѳтайса* и др.

Подобные диалектизмы даже самими говорящими нередко рассматриваются как нерусские, иноязычные слова, о чем свидетельствуют такие высказывания представителей говоров, как например: *Тар'ѳба — ѳта пѳ-л'ѳтофс'к'ѳ, а кѳк жѳ ш тут па-рѳс'к'ѳ бѳд'ѳт — и н'ѳ скажѳ. Скл'ѳп — фугѳр, ѳта пѳ-л'ѳ-*

то́фс'ку. Гд'э т'ал'э́г'и стай́т — пашу́ра па-по́л'с'ку, вазо́вн'а и йэ́с'т' па-пра́в'ил'нэ́с'т'и.

Рассматриваемые в статье иноязычные заимствования подчиняются грамматической структуре русского языка. Так, в местных русских говорах зафиксировано большое количество производных слов, образованных от основ заимствованных слов при помощи суффиксов и приставок литературного русского языка.

От многих иноязычных имен существительных при помощи разных суффиксов образуются уменьшительно-ласкательные формы, например: *ва́жка* (небольшая борозда, бороздка), *склипо́к* (маленький земельный участок), *каплючо́к* (маленький крючок для застегивания одежды), *ко́ртик* (ласкательное название «корта»), *ка́мпочки* (уменьшительно-ласкательное название «кампов») и др.

При помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов от иноязычных имен существительных могут быть образованы новые слова с новыми значениями, например: *кулё́к* (связка фашинного топлива), *коме́нок* (стекло керосиновой лампы), *ланцужо́к* (цепочка для карманных часов), *гу́мка* (резинка для стирания написанного; растягивающаяся в длину тесьма для чулок, трусов и т. п.) и др.

В образовании новых имен существительных от заимствованных слов могут принимать участие суффиксы **-ин-а**, **-ник**, **-ств-о**, например: *дроти́на* (кусок проволоки), *а́грстина* (куст крыжовника), *а́грстник* (насаждения крыжовника), *битнико́вство* (взаимоотношения людей, основанные на совместном содержании пчел или передаче их по соседству) и др.

При помощи суффиксов **-н-**, **-ев-**, **-ов-**, **-ат-** и др. от заимствованных существительных в исследуемых говорах нередко образуются имена прилагательные, например: *кулево́й* (относящийся к «кулю»: *кул'авáйя салóма*), *па́ркельный* (относящийся к «па́ркеру», «па́ркелю»: *па́рк'э́л'нэ́йя ч'ар'н'у́ла*, *па́рк'э́л'нэ́йя п'аро́*), *дачкóвый* (сделанный из «дачки», бязевый: *дач'кóвэ́йя рубáха*), *кортóвый* (сделанный из корта»: *карто́выйь штаны́*) и др.

Особенно часто в данных говорах употребляются суффиксальные глагольные образования от заимствованных имен существительных, например: *дерванéть* (находиться под залежью; превращаться в залежь), *ваговáть* (продельывать борозды для стока воды), *драпаковáть* (культивировать конным

культиватором), *арфовать* (очищать зерно веялкой), *фуктэлевать* (сортировать зерно), *гребястить* (укреплять решетник, решетить), *дротовать* (продевать проволоку свинье в рыло, чтобы не рылась), *каплевать* (взрыхлять при помощи мотыги) и мн. др. От указанных глаголов в свою очередь могут быть образованы новые глаголы при помощи разных приставок, например: *задерванеть, задрапаковать, выарфовать, наарфовать, переарфовать, выфуктэлевать, перефуктэлевать, загребястить, задротовать, скаплевать* и т. д.

Заемствованная лексика изменяется в соответствии с правилами грамматики русского языка (с учетом диалектных особенностей говоров). Так, все имена существительные, заимствованные из литовского языка, склоняются по образцу русских имен существительных I и II склонения.

По I склонению изменяются имена существительные на -а(я), которым в литовском языке соответствуют существительные с окончаниями -а, -е в именительном падеже единственного числа (II склонение), а также некоторые существительные мужского рода, которым в литовском языке соответствуют существительные на -as, -is, -ys (I склонение), например: *тарйба* (tarýba), *вальдйба* (valdýba), *алйва* (alyvà), *паданга* (paðangà), *далба* (dálba), *вага* (vagà), *виксва* (viksvà), *крата* (kratà), *ведья* (vedėja), *гиря* (girià), *гирникя* (girininkijà), *лысва* (lýsvè) *дачка* (dačkè), *алектрина* (elektrinè), *плитня* (plýtinè), *пениня* (pieninè), *дабокля* (da-bòklè), *гягужиня* (gegužinè); *куметйна* (kumetýnas), *пажимеима* (pažumėjimas), *дарбаденя* (darbādienis), *капла* (kar-lýs), *брунка* (brunklýs) и др.

Основная масса литовских существительных мужского рода на -as, -is, -ys, а также существительные того же рода на -us (IV склонение), склоняются по II склонению, например: *пирминик* (pirmininkas), *виршиник* (viřšininkas), *битник* (bitininkas), *гирник* (girininkas), *меделин* (medelýnas), *купст* (kùpstas), *плян* (pléntas), *аграст* (agrāstas), *амар* (āmaras), *каплиок* (kapliukas), *паркер* (parkeris), *ужкурь* (užkurýs), *бурбуль* (buřbulas), *бай* (bājus), и др.

Некоторые литовские имена существительные мужского рода сохранили в русских говорах литовские окончания, например: *ведьяс* (vedėjas), *сянюнас* (seniūnas), *новадас* (novadas), *аматокас* (amatokas), *вакарас* (vākaras), *сусиринкимас* (susirinkimas), *титнагас* (titnagas), *сугеримас* (sūgeria-

mas), *дайліраштіс* (dailýraštis), *поседіс* (pósèdis). Однако это окончание, как правило, сохраняется только в форме именительного падежа единственного числа, а в формах других падежей отпадает, например: *Йон там в'ад'эйъм рабѳгъл. Л'этгъм в'эш'ч'ажыц'ийи н'и аднѳва аматѳка н'ь астайѳцца. И аматѳк'и к нам приажд'ѳж'ал'и бурак'и капѳц'.* Лишь в очень редких случаях указанные литовские окончания сохраняются в говорах в формах косвенных падежей, примыкая таким образом к основе слова, например: *Йон с'ан'унгсгъм там был, балб'эс йэтгът.*

Многие имена существительные, заимствованные из литовского языка, в местных говорах не имеют форм единственного числа, например: *веліки, икуртуви, кары, карюки, скайтлюки* (в литовском языке тоже употребляются только в формах множественного числа); *люны, шулы, жабары, шакали, крэйчи, кампы, клумпи, шлюры, нагини* (в литовском языке имеют формы и единственного и множественного числа). В некоторых случаях в качестве основной, исходной формы существительного, заимствованного из литовского языка, в русских говорах может быть употреблена как форма единственного числа, так и форма множественного числа, например: *балсавимас — бальсавимы.*

В форме родительного падежа (множественного числа) одни из указанных существительных имеют нулевое окончание, характерное для русских существительных I склонения и части существительных II склонения (*кары — кар, карюки — карюк, шулы — шул, люны — люн*), другие — окончания II склонения *-ов, -ев, -ей* (*кампы — кампов, скайтлюки — скайтлюков, крэйчи — крэйчев, клумпи — клумпѳй, нагини — нагиней*).

Примечание. Формы остальных падежей множественного числа существительных I и II склонения в данных говорах не различаются.

Произношение заимствованных слов в русских говорах Литвы подчиняется нормам произношения исконно русских слов. Например, шипящие согласные *ж* и *ш*, которые в литовском языке могут произноситься и твердо и мягко, в заимствованных литовских словах всегда произносятся твердо (*пажым'эйима, пайшыба, в'уришын'цк*). В русских говорах, характеризующихся дзеканьем и цеканьем, мягкие согласные *д* и *т* в литовских заимствованиях произносятся как соответствующи-

щие аффрикаты (*в'адз'эйьс, м'ьдз'ал'йн, ц'йтнэгэс*). Произношение литовского гласного *ė* (закрытого) и дифтонга *ie* в ударяемых слогах совпадает в данных говорах в одном звуке *e* (*в'адз'эйьс, к'ар'эпла; п'эн'ин'а, к'этмэтр*). Не различается в говорах также произношение литовских гласных по долготе (*б'йтн'ик, г'ырн'ик, ц'йтнэгэс, клумп'и, скайтл'ук'и; скл'ип, вал'д'уба, м'ьдз'ал'йн, л'упа, л'уны, с'ан'унгэс*). Произношение безударных гласных в заимствованных словах также соответствуют, в основном, диалектному произношению данных говоров.

Наряду с этим наблюдаются некоторые колебания в произношении заимствованных слов. Так, в соответствии с литовским гласным *e* (открытое) под ударением в говорах произносится в одних случаях *a* (*пл'ант, л'ив'арка*), в других случаях *э* (*крэйч'и, крэйда, бавэлна*). Ср. также произношение: *п'эцк'ьл', п'эцкэц', п'эцкэцца* и *пэцк'ьл', пэцкэц', пэцкэцца*. В литовских заимствованиях слабее проявляется редуциция безударных гласных, в частности не всегда редуцируется заударный гласный *a* в окончании существительных мужского рода *-as* (*сус'ир'ин'к'имас, вайд'ин'имас, рушав'имас*). Заимствованные из литовского языка имена существительные женского рода с ударением на окончании в русских говорах чаще всего произносятся с ударением на основе (*г'ыр'а, вага, в'иксва, ал'ува, р'ипка, п'аданга, крата, п'атайса*). Такое ударение характерно для многих народных говоров литовского языка.

3. В русских говорах Литвы наблюдаются некоторые особенности в семантическом использовании иноязычных слов, в том числе заимствований из литовского языка. Не всегда заимствованные слова в данных говорах употребляются в том же значении, в котором они употребляются в литовском, польском или белорусском языках. Например, слово *buřbulas* в литовском языке обычно употребляется в значении воздушного пузыря, образующегося в какой-либо жидкости (ССЛЯ), а в русских говорах это слово (*бурбуль*) зафиксировано в значении шарика: *Нэ картэшк'и йэс'т' так'ийь бурбул'и, г'вар'ат, што давн'эй йих йэл'и*. Литовское слово *liūnas* имеет значение, соответствующее значению русского слова «трясина» (ССЛЯ), в русских же говорах (употребляется только во множ. числе — *люны*) оно известно в значении зарастающего травой пруда: *В л'унгх бывайьт многа рыбы. Пашл'и в л'уны*

кврас'оф лав'иц'. Употребляемое в литовском языке слово kvadrà или kvādras и диал. kvādra (польск., kwadra, белор. квáдра) в современных литовском (СЛЯ, КСЛЯ), польском (Грек.) и белорусском (Крап.) языках имеет значение фазы луны вообще, в то время как в местных русских говорах это слово (квáдра) фиксируется в значении второй фазы луны: *Пос'л'ь мълэдз'ика бывáйа квáдра. Квáдра — пълав'ина м'эс'ьца, этэй луны...*

Одной из наиболее ярких особенностей семантического использования заимствованных слов является употребление их в переносном значении. Например, слово bitininkas в литовском языке обычно употребляется в двух значениях: 1) лицо, занимающееся пчеловодством, пчеловод; 2) разг., прост. лицо, содержащее пчел совместно с другим лицом (СЛЯ, ССЛЯ). В русских говорах Литвы это слово (имеет несколько упрощенную форму — бítник) также зафиксировано в обоих указанных значениях, однако чаще всего оно употребляется во втором, переносном значении: *Б'йтн'ик'и пч'ол в'ад'ут* (т. е. разводят), *м'ан'айуцца пч'ол'эм, дай'ут друг дру'гу рой пч'ол ф падáрък. Б'йтн'ик'эм н'эзывáйут тавó, хто дал пч'ол дру'гому.*

Слово lėršis в литовском языке также употребляется в двух значениях: 1) съедобный гриб, подберезовик; 2) перен. вялый, нерасторопный человек (ССЛЯ). В русских говорах Литвы это слово (употребляется с литовским суффиксом -ук: ляпш'ук) зафиксировано только во втором, переносном значении: *Кудá ты пашл'ош такóва л'ьпшукá! Л'апш'ук, н'ь пав'эр'н'эсс'а.*

Литовское слово kraĩtis, диал. kraĩtė, множ. kra ĭciai (СЛЯ, ССЛЯ) имеет одно значение — приданое. В русских говорах в указанном значении это слово (употребляется только во множественном числе — крэйчи) встречается очень редко, но оно очень широко известно в переносном значении — разные вещи, пожитки: *Сабрáла свайй крэйч'и, р'эспрашч'ал'эс' са фс'ім и атп'рав'ил'эс' в гóр'эт. С'эб'ирай свайй крэйч'и, и штоп наг'и твайóй тут бóл'ш'э н'э была.*

Употребляемое в литовском языке слово žegnoti (польск. żegnać) имеет прямое значение — совершать крестное знамение (ССЛЯ), а в русских говорах однокоренное слово *жегнать* (и производные — *ожегнать, отжегнать*) имеет переносное значение — *бить, стегать, хлестать*: *Паймáл йавó в 'эга-*

рѡдзъ и давай жагнацъ р'эмн'ѡм. Как ажагнайу в'ар'ѡфкѡй, тѡк бѡл'шѡ н'ѡ пал'ѡз'ѡш, куда н'а наѡа. Фч'арѡ аджагнал С'ѡн'ку как с'л'ѡдуйт, тѡк с'авѡдн'ѡ н'икуда хадз'ѡцъ н'а наѡа.

Некоторые заимствования употребляются в местных русских говорах наряду с соответствующими по значению общерусскими словами исключительно для обозначения явлений или предметов, связанных с церковным бытом католиков, например: *велики* (литов. *velikos*), *рожанцы* (литов. *gožančius*, польск. *gożaniec*). Ср.: *Йѡхнѡый* (т. е. католические) *в'ал'ѡк'и ч'ѡр'аз дз'в'ѡ н'адз'ѡл'и, а наѡа наѡска за трѡй н'адз'ѡл'и пѡс'л'ѡ йѡхнѡй. В нас с л'ѡстѡфкѡй мѡл'уцца, а в йѡх с рѡжанцѡм.*

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

белор.	— белорусское, белорусского происхождения
варв.	— варваризм
ворон.	— воронежское
герм.	— германизм
Грек.	— Польско-русский словарь, составленный под редакцией Н. И. Грекова и М. Ф. Розвадовской. М., ГИС, 1949
Даль	— В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.
диал.	— диалектное
Добр.	— В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914
Доп.	— Дополнение к Опыту областного великорусского словаря, Санкт-Петербург, 1858
древнерусск.	— древнерусское
женск.	— женский род, форма женского рода
зап.	— западное
калуж.	— калужское
Карл.	— <i>Słownik języka polskiego ułożony pod redakcją J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedźwiedzkiego, Warszawa, 1900—1935, т. т. I—VIII</i>
костр.	— костромское
КПОС	— Картотека Псковского областного словаря (хранится в кабинете русского языка Псковского педагогического института)
Крап.	— Белорусско-русский словарь, составленный под редакцией акад. К. К. Крапивы. М., ГИС, 1962.
КСЛЯ	— Картотека Словаря литовского языка (хранится в Институте литовского языка и литературы АН Литовской ССР)
кур.	— курское
Лемх.	— Х. Лемхенас. Русско-литовский словарь. Госполитиздат Литовской ССР. Вильнюс, 1955

- литов. — литовское
множ. — множественное число, форма мн. числа
нем. — немецкое, немецкого происхождения
неодобр. — неодобрительное
неол. — неологизм
Нос. — И. И. Носович. Словарь белорусского языка. Санкт-Петербург, 1870
обл. — областное
Опыт — Опыт областного великорусского словаря. Санкт-Петербург, 1852
ошиб. — ошибочно употребляемое
перен. — переносно, в переносном значении
польск. — польское, польского происхождения
псков. — псковское
Преобр. — А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., ГИС, 1959
разг. — разговорное
САР — Словарь Академии Российской, Санкт-Петербург, 1806—1822, части I—VI
Сер. — Б. Серейский. Литовско-русский словарь. Каунас, 1933
слав. — славянское, славянского происхождения
СЛЯ — Lietuvių kalbos žodynas (словарь литовского языка) Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, Vilnius, 1941—1962, т. т. I—VI (A—K).
Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. Санкт-Петербург, 1893—1903
смол. — смоленское
ССЛЯ — Dabartinės lietuvių kalbos žodynas, Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, Vilnius, 1954
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. I—XIV, (A—C). М.—Л., 1950—1963
стар. — старое, устаревшее
СЦ-СнРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. I—IV. Санкт-Петербург, 1847
твер. — тверское
укр. — украинское, украинского происхождения
устар. — устаревшее
южн. — южное, южновеликорусское

НАЗВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК В РУССКИХ ГОВОРАХ ЗАРАСАЙСКОГО РАЙОНА ЛИТОВСКОЙ ССР

Зарасайский район Литовской ССР наиболее заселен русскими переселенцами¹. В русских говорах этого района бытует ряд слов, обозначающих различного рода постройки. Мы ограничились характеристикой лексики, связанной только с диалектными наименованиями хозяйственных построек для скота (*обора, стайня, стодола*), а также построек для огневой сушки хлебов в снопах перед молотьюбой, складывания сжатого хлеба и его обмолота, хранения зерна, овощей, сена и инвентаря (*рей, гувно, клеть, засек, склеп, пуня, поветь*).

В статье устанавливается значение диалектизмов и степень их употребляемости, время появления в языке, распространенность в русских говорах, а также в других родственных славянских языках.

Хоромина, хоромы — общее наименование построек.

Хоромина обозначает любую постройку: избу, хлев и т. д.

Изба харóмина, клеть тож харóмина.

Хоромы — это все надворные постройки, в том числе жилой дом, изба.

У них фсе харóмы нóвыи.

Хоромина отмечается в древнерусском языке. В значении дома, строения оно зафиксировано Срезневским (3, 1386) в Повести временных лет 1092 года; в Новгородской I летописи 1016 года с тем же значением засвидетельствовано *хоромъ*.

Рассматриваемые названия хозяйственных построек, а также жилища в западных областях известны давно. Так, *хоромина, хоромы* — «дом, строение, хозяйственные постройки» — часто встречаются в деловых письменных памятниках Литовского княжества XV—XVI вв. («...*хоромовъ* въ городе

¹ В. Н. Немченко. Русские старожилы Литвы и их говоры. Ученые записки Вильнюсского госуниверситета, Языковедение, 7. Вильнюс, 1963, стр. 70.

ему не рубливали» АЛМ, 2, 103, 1503 г.; «... и тую *хоромину*, где ее забито, велель сжечи» ЛМ СД2, 591; «... въ поклете и въ избе чорной, такъ тежь и въ одрине, в тых тронхъ *хоромлахъ* ничего иного...» АВАК, 17, 430, 1561 г.). Эти памятники написаны на старобелорусском (русском — по терминологии того времени) языке, который выполнял функции государственного, официального языка в Литовском княжестве. О. А. Ганицкая, Н. И. Лебедева и Л. Н. Чицова, исследуя материальную культуру сельского населения западных областей во второй половине XIX — начале XX в., пишут: «Жилой дом и надворные постройки повсюду назывались *хоромами*»².

Указанные слова имеются во многих русских говорах. В вятских говорах: *хоромы* — это хорошо устроенный дом со всеми пристройками, *хоромина* — большой дом, вообще хорошо устроенное помещение для жилья (Васнецов, 336); в колымских говорах: *хоромина* — домовое строение (Богораз, 153); в архангельских говорах: *хоромина* — надгробный памятник в виде часовни (Подвысоцкий, 184).

Слова *хоромина* — дом, изба, *хорома*, *хороми* — дом, здание — знает украинский язык (Гринченко, 2, 920). Такое же значение слов *хароміна*, *харомы* в белорусском языке. В польском *chłotina* — «изба» — заимствовано из русского (Брюкнер, 183; Славский, I, 78).

Обора — хлев. Это слово является устаревшим.

Абóргъи нъзывáли рáньшъ сарáй для скатá. В словарях древнерусского языка оно не фиксируется в подобном значении. Отсутствует данное слово в словарях русского языка. В словаре В. И. Даля (2, 585) *обора* — «скотный двор» — отмечено как зап. слово.

Наличие его в изучаемых говорах следует, очевидно, объяснять влиянием белорусского и польского языков, которые находятся в тесном, соприкосновении с русскими старожильческими говорами на исследуемой территории. *Обора* — хлев — употребляется в старобелорусских деловых письменных памятниках Литовского княжества XVI в. («... *обора* ко-

² О. А. Ганицкая, Н. И. Лебедева, Л. Н. Чицова. Материальная культура русского сельского населения западных областей во второй половине XIX, начале XX в. Сб.: «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР». М., 1960, стр. 37.

ровъ дойныхъ чотырнадцать, овецъ старыхъ...» АВАК, 20, 136, 1598 г.). В значении скотного двора зарегистрировано оно в белорусском языке XIX в. (Носович, 351). В современном белорусском литературном языке его считают устар. (БРС, 34), однако в говорах слово *обора* — «постройка для скота» — бытует (Шатерник, 5; Янковский, I, 26). Отмечается *обора* — «загон для скота» — в украинском языке (УРС, 3, 49). В других славянских языках находим: болг. *обор* — «хлев», сербх. *обор* — «загон для скота», польск. *овога* — «хлев», чешск. *овога* — «заповедник». Слово *обора* происходит из *обвора*, которое образовано от *вереть* — «запирать» (Брюкнер, 371; Махек, 332; Преображенский, I, 630).

Стайня — конюшня.

Лбішэди стаят ф стайни. В древнерусских словарях этого слова нет. Но Срезневским (3, 508) с XIV в. зарегистрировано *стая* в нескольких значениях, в том числе и в значении «хлев».

Слово *стайня* отмечается в русских говорах, но в ином, чем в исследуемых говорах, значении. В новгородских говорах: *стайня* — «овин», в псковских говорах оно зафиксировано в значении постройки для хранения инвентаря, кормов. В указанных говорах известно в таком же значении и другое слово того же корня — *стайка* (Доп. к Оп., 254). В вятских, пермских, владимирских и оренбургских говорах *стайка*, *стая* обозначают «хлев» (Даль, 4, 319). *Стайня* в значении конюшни В. И. Далем фиксируется как *зап.*, *южн.* слово.

В изучаемых говорах *стайня* — «конюшня» — употребляется, вероятно, под воздействием белорусского и польского языков, в которых оно известно именно в этом значении. *Стайня* — «конюшня» — встречается в старобелорусских деловых памятниках Литовского княжества XV—XVI вв. («... з стайни коня шерстью рыжого выкрали...» АЛМ, 2, 55, 1500 г.). Данное слово характерно и для современного белорусского языка.

Стайня — «конюшня» — употребляется в литературном языке (БРС, 885); широко распространено оно в говорах (Шатерник, 264; Янковский, I, 173). Конюшню обозначает *стайня* в украинском языке (УРС, 5, 483.) С таким же значением выступает *stajnia* в польском языке. В других славянских языках имеются такие соответствия: болг. *стая* — «комната», сербх. *стаја* — «хлев», чешск. *stai* — «конюшня», сло-

вац. *staiņa* — то же. *Стайня* — производное от общеславянского *staj* (Махек, 469; Преображенский, 2, 374).

Стодола — сарай с широкими воротами для лошадей. Обычно *стодолой* назывался сарай при постоялом дворе. Это слово является устаревшим.

Лѣшадѣй рѣньшѣ стѣвили ф стадѣлу.

В древнерусском языке не было данного слова. Впервые (по данным ССРЛЯ, 14, 903) *стодола* — «сарай» — фиксируется в словаре Даля (4, 326), где оно сопровождается пометой *zap.* *Стадол* — «сарай, большая постройка» — зарегистрировано в смоленских говорах (Добровольский, 873).

Преображенский (2, 390), отметив, что в средней России его совершенно не знают, указывает на источник — польский язык; в польский и чешский языки это слово проникло из германских языков. Фасмер (3, 17) и Махек (773) также считают, что в западнославянских языках оно из древневерхне-немецкого *stadal* — «хлев, конюшня.» Но имеется и иная точка зрения на происхождение этого слова. Я. Эндзелин³ утверждает, что первоисточником являются балтийские языки: лат. *stadala*, лит. *stadole*. Русские и немцы, указывает он, заимствовали его из латышского или литовского языка, но не наоборот.

Рассматриваемое слово характерно для белорусского языка. В старобелорусской деловой письменности XVI в. *стодола* встречается в различных значениях: 1) сарай для зерна, «*Стодола в гумне рублена, в ней жито, ечмень*» Арх. сб., 4, 240, 1571 г.); 2) заезжий двор («... такъ же медомъ и горелькою не шинковали и шинковъ жадныхъ не мели, кромя *стадол* при гостинцохъ и дорогахъ звыхлыхъ» ЛС 1588 г., 503). В языке XIX в. оно зафиксировано в значении хлева, сарая при заезжем дворе (Носович, 615). Большой сарай обозначает *стадола* в современном белорусском языке (Карт. АН БССР, Шатерник, 264). Отмечается *стодола* — «рига, овин, гумно» — в украинском языке (УРС, 5, 514). В подобных значениях выступает оно в западнославянских языках: чешск. *stodola*, польск. *stodola*.

Рей — постройка для огневой сушки хлебов в снопах, овин.

Рей тапили, снапы стѣвили нѣ кѣльсники и сушыли. Это слово выходит из употребления.

³ И. Эндзелин. Латышские заимствования из славянских языков. Живая Старина, 1899, № 3, стр. 298—299.

В значении овина известно *рей* в псковских говорах (Оп., 190). В словаре Даля (4, 90) оно приведено как *пск., зап.* слово с указанием на источник — эстонский язык. В просмотренных словарях белорусского и украинского языков в таком значении данное слово не отмечается.

Гувно — постройка для обмолота хлеба. Данное слово, как и предыдущее, выходит из употребления.

Ра́ньшэ нэзыва́ли гувно́, тяпе́рь сара́й.

Производным от него является *гувёнок (агувёнок)* — площадка около гумна, на которой запрягают лошадь, на ней также сушат сено. Ср. *гувно* — «овин», *гувёнок* — «маленькое гумно» — в псковских говорах (Опыт, 43; Дополнение к Опыту, 38).

Клеть — постройка для хранения зерна, амбар.

Зяро́ храні́ли ф клі́ти.

Клеть является также устаревшим словом. В русском языке оно известно с древних времен: в значении комнаты отмечено в Остромировом евангелии, в значении кладовой — в Ипатьевской летописи 1143 г. (Срезневский, I, 226). *Клеть* — слово общеславянское. Имеется *клець* — «амбар» — в белорусском языке (БРС, 393; ДА, 800, к. 239), употребляется *кліть* — «кладовая» — в украинском языке (УРС, 2, 342). Такое же значение этого слова и в других славянских языках: сербх. — *клёт*, чешск. *klec*, польск. *klec'* (Фасмер, I, 569).

Засек, засечек (уменьш.) — загром.

Засе́ки и тяпе́рь де́лѣют в амба́рах. В древнерусском языке *засек* — «загром» — засвидетельствовано с XII века (Срезневский, I, 951). В современном русском языке *засек* (а также *сусек*) считается областным словом (ССРЛЯ, 4, 888).

Засек — «загром» — свойственно белорусскому языку (БРС, 148). В украинском языке употребляется *сусік* (обл.) — «загром» (УРС, 5, 567). С таким же префиксом известно оно и в западнославянских языках: чешск. *sousek*, словацк. *susek*, польск. *zasiek*. Является производным от *сечь* (Махек, 465).

Склеп — погреб.

Картóшку, агуры́цы, капу́сту де́ржым ф скляпу́.

В древнерусском языке этого слова не было. Впервые фиксируется в русских словарях XIX в. (Словарь 1874 г.). В словаре Даля *склеп* отмечается в значении свода, бани, мурованного подвала. Свод у печей обозначается словом *склеп* в

курских говорах. В тверских говорах известно *склёпыш* — «погреб, подвал или ледник» (Даль, 4, 198; Опыт, 204).

Употребление слова *склеп* — «погреб, подвал» — в изучаемых русских старожильческих говорах поддерживается белорусским и польским окружением.

В белорусском языке *склеп* в значении погреба, подвала известно давно. В этом значении оно употребляется в старобелорусской деловой письменности XVI в. «И увошедши у *склепъ* напервей ее милости пани Трощкая речи си милости принадлежачие, шаты, перла... з скрынъ выкладати росказала...» Арх. сб., 4, 227, 1569 г.). Каменный погреб обозначало оно в языке XIX в. (Носович, 583), в таком же значении живет и в современном белорусском языке (БРС, 860). В говорах *склепом* называется не только каменная постройка, а любая постройка в земле с крышей над землей (ДА, 804; Мат. для сл., 128). Кроме того, в гродненских говорах *склеп* известно и в значении магазина (Стешкович, 72). В украинском языке *склеп* обозначает: 1) подвал, 2) магазин *обл.*, 3) свод (УРС, 4, 340). В значении подвала, погреба выступает оно в западнославянских языках: чешск. *sklep*, польск. *sklep*. Возводя это слово к общеслав. *клепать*, Преображенский (I, 314), Фасмер (2, 639) считают, что *склеп* заимствовано из польского языка. Полонизмом в русском и украинском языках считает его и Махек (446).

Пуня — сарай для сена, сеновал.

Пу́ня на́ша ба́льшая, се́на мно́го ф пу́ню ло́жым.

В древнерусских словарях указанного слова нет. В словарях русского языка (по данным ССРЛЯ, II, 1689) оно впервые фиксируется в «Слов. Акад. 1822 г.». Слово *пуня* — «сарай для хранения мякины, сена и т. п.; кладовая, клеть для хозяйственных надобностей» — знают многие русские говоры (Даль, 3, 538; Добровольский, 749; Опыт, 184).

В русский язык оно проникло из белорусского, в котором это слово известно значительно раньше. *Пуня* в значении хлева, а также сарая для сена употреблялось в старобелорусском языке. Об этом свидетельствуют старобелорусские деловые письменные памятники XVI в. («... с *пуни* дому его два волю выкраль» АВАК, 26, 407, 1586 г.; «... в которой *пуни* сена есть зложеного возовъ шесть» АВАК, 14, 411, 1591 г.). *Пуня* — 1) хлев, 2) сарай для сена и соломы — свойственно современному белорусскому литературному языку (БРС,

467), широко распространено в говорах (ДА, 779, 786, к. 231). По Преображенскому. (2, 153), в белорусском языке оно из балтийских языков: литовском *ripė* «хлев», лат. *rīpis* — «сарай для соломы»; в русском из белорусского. Как заимствование из балтийских языков рассматривает его в белорусском языке Е. Ф. Карский⁴.

Поветь, поветка — пристройка или навес, где могут храниться сено, дрова, инвентарь и т. п.

Павётка с трёх стёнък стаіт кэла ізбы. Там фсё мѡжнѣ пѣлажыць, у нас драва ляжѣт.

В древнерусских словарях это слово отсутствует. Картошка ДРС отмечает его с конца XVI в. (Двинские грамоты 1583 г., Новгородские ямские книги 1586—1631 гг.). Возможно, в указанные памятники оно проникло из старобелорусского языка. В старобелорусских памятниках указанное слово встречается раньше. Например, оно имеется в Литовской Метрике (Книгах судных дел), памятнике первой четверти XVI в. («Поветь сгорела...» ЛМ, СДЗ, 1524); Ср. также: «Стаенка с поветью, соломою крыта» АВАК, 14, 17, 1563 г.). Данное слово сохранилось в белорусском языке. В языке XIX в. оно отмечено Носовичем (434). Употребляется *павець* — 1) навес, 2) дровяной сарай — в современном белорусском литературном языке (БРС, 546), в говорах известны *павець, поветка, падпавець, падпавеце*, (ДА, 737, к. 238; Стешкович, 64; Шатерник, 184).

Слово *поветь* знают многие русские говоры. В вятских говорах *поветь* — «крытый двор» (Васнецов, 216); в архангельских говорах *поветь* — «пристройка к крестьянскому дому для хранения различных хозяйственных принадлежностей» (Подвысоцкий, 124); в смоленских говорах *поветь* — «навес во дворе», *поветка* — «полукрытый сарай» (Добровольский, 615). Бытует оно в орловских, воронежских, новгородских говорах (Даль, 3, 151).

Имеется *повітка* — 1) сарай, 2) навес — в украинском языке (УРС, 3, 499). Отмечаются *powiec', powietka* в таком же значении в польском языке. Восходит оно к *велять* (Фасмер, 2, 381).

Таким образом, в изучаемых русских старожильческих говорах бытует ряд диалектных наименований хозяйственных

⁴ Е. Ф. Карский. Белорусы. I. Вильна, 1904, стр. 135.

построек, имеющих в основном и в других русских говорах, а также в родственных славянских языках, прежде всего в белорусском и украинском. Часть рассмотренных слов известна в языке с давних пор и засвидетельствована в древних памятниках. Отдельные слова — более позднего происхождения; они проникли из других языков. Степень употребляемости указанных диалектизмов неодинакова. Некоторые из них уже стали или становятся архаизмами: *обора, стодола, рей, гувно, клеть*. Связано это с историческими, социальными изменениями в жизни современной деревни, с коренной, перестройкой жизни крестьян.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АЛМ — Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1—2. Варшава, 1896—1897
- АВАК — Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 14. Вильна, 1887; т. 17, Вильна, 1890; т. 20, Вильна, 1893; т. 26, Вильна, 1899
- Арх. сб. — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа, т. 4. Вильна, 1867
- ЛМ — Литовская Метрика (Книги судных дел), Русская историческая библиотека. Т. 20. СПб., 1903
- ЛС — Литовский Статут 1588 г. Каунас, 1938
- Богораз — В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901
- Брюкнер — A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków, 1927.
- БРС — Белорусско-русский словарь. М., Госиздат иностранных и национальных словарей, 1962
- Васнецов — П. М. Васнецов. Материалы для областного словаря вятского говора. Вятка, 1907
- Гринченко — Б. Д. Гринченко. Словарь української мови, тт. 1—2. Київ, 1907—1909
- Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., Госиздат иностранных и национальных словарей, 1955
- ДА — Дзялекталагічны атлас беларускай мовы, Мінск, 1963
- Доп. к Оп. — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб. Изд. 2-м отд. Имп. Акад. наук, 1858
- Добровольский — В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914
- Карт. АН БССР — Картотека Толкового словаря современного белорусского языка. Институт языкознания им. Якуба Коласа АН БССР

- Мат. для сл. — Матэрыялы для слоўніка, Мінск, 1960
- Махек — V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957
- Носович — И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., Изд. 2-м отд. Имп. Акад. наук, 1852
- Подвысоцкий — А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885
- Преображенский — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—2. М., 1959
- Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1903
- Стешкович — Т. Ф. Сцяшкoviч, Гаворкі Ваукавыскага раёна Гродзенскай вобласці БССР, Гродна, 1959
- Славский — F. Sławski, Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I, Kraków, 1952—1956.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. АН СССР, Т. 1—17. М.—Л., 1948—1965
- УРС — Украинско-русский словарь. Т. 1—6. Киев, 1953—1963.
- Фасмер — M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, 1—3, Heidelberg, 1955—1958.
- Шатерник — М. В. Шатэрнік, Краёвы слоўнік чэрвеншчыны, Мінск, 1929
- Янковский — Ф. Янкоўскі, Дыялектны слоўнік, Мінск, вып. 1. Мінск, 1959; вып. 2, Мінск, 1960.

СЛОВА-ДУБЛЕТЫ В РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИЙСКОЙ ССР¹

В настоящее время в советском языкознании синонимия рассматривается как вопрос большой важности, имеющий значение для построения стилистики и повышения культуры устной и письменной речи. Вопросам лексической и грамматической синонимии современного языка уделяется внимание в учебных пособиях, научных статьях, диссертационных работах. Эти исследования вносят ясность в решение некоторых теоретических вопросов, в частности понятия грамматического синонима, дублетных образований и др. Материалы лексикологических исследований отдельных говоров показывают, что диалектному языку свойственны те же самые типы лексико-семантических связей, которые наблюдаются в системе литературного языка (многозначность, явления омонимии, синонимии). Но область диалектной синонимии еще мало разработана, на что указывают авторы нового учебника по русской диалектологии.

«Однако мы не располагаем такими исследованиями по этим вопросам, в которых привлекался бы достаточно обширный материал как для сравнения разных типов говоров между собой, так и для сравнения диалектных явлений с соответствующими явлениями литературного языка»².

Своеобразная и богато представленная синонимия говоров в последние годы все больше привлекает внимание диалектологов, появился ряд работ по синонимии русских говоров³.

¹ В обработке диалектного материала принимала участие студентка-заочница VI курса Вальгис А. И.

² Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. Изд. II. М., 1965, стр. 202.

³ Бараникова Л. И. О некоторых особенностях взаимодействия разносистемных диалектных лексических единиц в современных народных говорах. Уч. зап. ЛПИ им. Герцена, т. 248, 1963.

Синонимия русских старожильческих говоров на территории Латвийской ССР еще не подвергалась изучению. Как и в других говорах, в старожильческих говорах Латвии своеобразную группу представляют слова-дублиеты, т. е. несколько наименований для одного предмета, действия, признака.

Как известно, русские говоры на территории Латвии представляют острова среди латышского языкового массива. Кроме того, они граничат с белорусскими и польскими языковыми островками. Этим отчасти объясняются специфические особенности как в лексике, так и в грамматическом строе русских говоров.

В рассматриваемых говорах имеется большое количество слов-дублиетов в системе имен существительных, прилагательных, глаголов, наречий. Настоящая статья посвящена анализу некоторых слов-дублиетов среди имен существительных.

Материал для наблюдения собран во время диалектологических экспедиций, проведенных кафедрой русского языка Латвийского государственного университета им. П. Стучки в 1960—1964 годах в Даугавпилском, Краславском, Лудзенском, Прейльском и Резекненском районах. Во время работы были использованы «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» под ред. М. Ф. Семеновой⁴. Лексический материал записан от представителей старшего поколения.

Слова-дублиеты рассматриваются со стороны семантики, отношения их к лексике других русских говоров (в основном по материалам диалектных словарей) и языков, с которыми соприкасаются изучаемые говоры. Дублиеты образуют в говорах ряды, которые включают в свой состав от двух до четырех компонентов.

Широко представлены в изучаемых говорах дублиетные ряды, состоящие из двух компонентов. С них мы и начинаем рассмотрение имеющегося материала.

³ Баранникова Л. И. К вопросу о диалектной синонимии. Сб. «Вопросы стилистики». Вып. 1. Изд. Саратовского ун-та, 1962.

Пантелеева Е. Синонимия предложных конструкций по материалам говоров Кемеровской обл. Уч. зап. Томского ун-та, т. 47, 1963.

Старцева С. А. Из наблюдений над диалектной лексикой говоров Соликамского р-на Пермской обл. Труды 4-й зональной конференции каф. русск. яз. вузов Урала, вып. 1, Пермь, 1964; и другие статьи этого же выпуска.

⁴ Уч. записки ЛГУ им. П. Стучки, т. 51, вып. 8а. Рига, 1963.

Аист-батьян.

Бѣт'яны в нас ѡс'т' или аисты. Бѣт'яны гн'аздѡ с'в'ѡл'и. Двѡ аиста в гѡс'т'и к нам бываѡут. (Зосненский с/с).

Батьян. В. Даль (1,55) приводит это слово без указания территории распространения. Отмечено оно в польском языке (bosian).

В «Материалах для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики»⁵ приводится еще одно название аиста — «бусел», но на исследуемых нами территориях оно не засвидетельствовано.

Брюква-калика (каливка).

Бр'укуву завѡт и кал'ика. Кал'ику нар'им ф'ач'ѡ. З бр'укувы и суп вѡр'им (Салиенский с/с).

Слово **калика** в словарях литературного языка не засвидетельствовано. В. Даль (II, 78) указывает на употребление этого слова в новгородских говорах.

В латышском языке **брюква** — *kālis*.

Зола-попел. Оба слова обозначают пылевидную серую массу, остающуюся после сжигания чего-либо.

С'в'ѣрху сал'ѡм, зала апѡн'а на н'ѡс. Нада нас'ѡит' пѡп'илу. Пѡп'илу стѡл'ка сѡн'им штѡп вада сл'ѡск'ѡа была (Зосненский с/с).

Попел словарями литературного языка не фиксируется. В. Даль (III, 298) указывает на распространение слова в орловских и калужских говорах. В значении «попел», «зола» приводится оно и в «Материалах для словаря»: *Шѡлѡк д'ѡлѡит с пѡп'ѡлу* (стр. 240). В этом же значении используется в белорусском (попел) и польском (popiół) языках.

Крыльцо-ганок. Оба слова обозначают вход в дом в виде наружной пристройки с площадкой и лестницей.

Да ганка дайд'ѡм и с'ад'им, ѡта дѡ крыльцѡ. Нада вѡрыт' с'н'ѡк с крыльцѡ (Салиенский с/с).

Ганок в словарях литературного языка не фиксируется. В. Даль (1,344) указывает на распространение его на юге и западе.

Другими диалектными словарями, в том числе и «Материалами для словаря», не отмечается. Входит в состав белорусского (ганак) и польского (ganek).

⁵ В дальнейшем «Материалы для словаря».

Кузнец-коваль.

Кавáл' э́та куз'н'эц, фс'о куйо́т, кавáл' ф кúз'н'ицы
(Прейльский р-н).

Коваль в словарях литературного языка дается с пометой «устар.», «обл.» В. Даль (II, 128) приводит 3 варианта: *коваль* — юж.; *ковач* — вост.; *ковец* — пск. Отмечается в «Материалах для словаря» на всей территории Прибалтики. Употребляется в белорусском (каваль) и польском (kowal) языках.

Кукушка-зазуля (зязуля).

А куку́шку и зазу́ль'ый заву́т. Куку́шка дэ п'атра́ пайо́т. Зазу́л'а куку́ит ку-ку́ (Салиенский с/с).

Зазуля. В. Даль (I, 690) приводит его с пометой «юж.» В белорусском языке — *зазюля*.

Лук-цибуля.

Лук и цыбу́л'а заву́т, но с'ича́с р'этка. Лук сажáл'и пэ ан'ой цыбу́л'и (Каплавский с/с).

Цибуля словарями литературного языка не отмечается. В. Даль (IV, 574) указывает, что распространено это слово на большой территории в говорах костромских, тверских, южных, западных. Употребляется в белорусском (цыбуля) и польском (cebula) языках.

Из двух наименований в изучаемых говорах чаще используется «лук».

Морковка-баркан.

Марко́фка и барка́н как хто ска́жыт. Барка́н нон'ич харо́ший. Бура́к'у скату́, а барка́н с'аб'э́ (Зосненский с/с).

Морковка в словарях литературного языка приводится с пометой «разговорное».

Баркан словарями литературного языка не отмечается. По свидетельству В. Даля (I, 50), это слово распространено и на других территориях — в основном в диалектах западной зоны. В латышском литературном языке морковь — *burkāni*.

Погреб-склеп. Помещение ниже уровня земли для хранения припасов.

На двару́ йэс'т' по́гр'ип. А зайд'о́т'и у хату́ и по́гр'ип ув'и́д'ит'ь, скл'эпэм то́жэ зав'о́м (Салиенский с/с).

На основании имеющегося материала можно утверждать, что слова «погреб» и «склеп» сходны в основном значении, обозначая помещение ниже уровня земли, служащее для хранения припасов, чаще овощей, картофеля, но иногда они отли-

чаются дополнительными оттенками, а именно *погреб* — помещение во дворе, а *склеп* — под домом. Но такое различие наблюдается не на всей изученной территории. «Склепом» называют также «погреб» и во дворе и под домом. Это подтверждают примеры и из «Материалов для словаря» (стр. 296), где приводится такой пример: *скл'эп быва́йт и пэ́т палом и вэ́ двар'э́*.

Склеп в словарях литературного языка в значении «погреб» не зафиксировано. В. Даль (IV, 198) приводит два варианта: *склеп, склепыш*; второе характерно для тверских говоров в значении «погреб». Входит в словарный состав белорусского языка (склеп).

Подорожник-трипутник (трыпутник, тропутник, трипотник).

Трыпу́тн'ик э́та пэ́даро́жн'ик. Йо́с' трава́ тр'ипу́тн'ик ат ран, и пэ́даро́жн'ик заву́т (Салиенский с/с).

Трипутник в словарях литературного языка не фиксируется. В. Даль (III, 308) приводит иной вариант слова: *попутник, трипутник*. В ярославском областном словаре отмечено слово «попутник», в белорусском языке подорожник-*трыпутник*.

Радуга-весёлка.

Ра́дуга по́с'л'и дажжа́. В'ас'о́лка на н'э́б'и по́с'л'и дажжа́. В'ас'о́лка на н'э́б'и стайу́т (Каплавский с/с).

Весёлка в словарях литературного языка не фиксируется. В. Даль (I, 186) указывает на распространение слова на территории псковских и смоленских говоров, в белорусском языке — *вясёлка*.

Резинка-гумка (уменьш. *гумочка*). Кусочек резины для стирания написанного, а также употребляется в значении «прорезиненная тесемка».

Пада́й гу́мку, аны́ плóха нап'иса́л'и. Гу́мэчка така́я р'эз'у́нка а́нэ т'а́н'ица (Салиенский с/с).

Гумка в русском литературном языке не употребляется. Это слово имеется в белорусском (*гумка*) и польском (*gumka, gumka*) языках. Однокоренное слово — в латышском языке (*gumiņa*).

Свадьба-веселье — брачный обряд.

В'ас'э́л'йэ́ э́та сва́д'ба. Сва́д'ба называ́ют, а хто́ в'ас'э́л'йэ́ (Салиенский с/с).

Веселье в значении «свадьба» в словарях литературного

языка и в словаре В. Даля не фиксируется; приводится в данном значении в словаре русских говоров Среднего Урала, входит в словарный состав белорусского (вяселле) и польского (wesele) языков.

Сказка-байка.

Вот эту бѣду казат' им байку, а т'ан'эр' забыла. Скаск'и бывалъча расказывал'и, а т'ан'эр' н'ь г'вар'им (Лудзенский р-н).

Слово **байка** в словарях русского литературного языка отмечено как областное. В. Даль (I, 39) указывает на распространение слова к югу от Москвы, отмечено в Ярославском областном словаре и в говорах Среднего Урала. В польском языке сказка — bajka.

Сморода-поречка (поречки).

Кто зав'от смарода, а кто пар'эчк'и. Йагады нон'ич йэс'т' пар'эчк'и, йагрыст (Зосненский с/с).

В изучаемых говорах употребляется в форме множественного числа: *раст'ют пар'эчк'и, вар'эн'йэ с пар'эчк'к.*

Поречка в словарях литературного языка не фиксируется. В. Даль (III, 318) приводит слово с пометой «юж.» в значении «красная смородина». Употребляется в белорусском (парэчка), польском (porzeczka) языках.

Собранный материал свидетельствует о том, что слово «поречка» может употребляться в изучаемых говорах для названия красной, черной и желтой смородины или только для названия красной смородины. На это же указывают «Материалы для словаря».

Труба-комин. Оба слова используются для названия дымовой трубы.

Ком'ин — эта труба дымава́я. Бат'ка, на́да трубу́ вычыс'тит'. (Зосненский с/с).

Комин в словарях литературного языка не приводится. В. Даль (II, 147) указывает на распространение слова на юге и западе; входит в состав белорусского языка (комін), польского (komin). «Материалы для словаря», стр. 127, указывают на употребление слова в говорах на территории Литовской ССР.

Утка-качка.

Утку у нас качкай кл'ичут. Утки мно́га травы́ жру́т (Салиенский с/с).

Качка в словарях литературного языка дается с пометой

«обл.» и указанием на польское происхождение (kaczka). В. Даль (II, 99) указывает на распространение слова на юге, западе и в вологодских говорах. Употребляется в белорусском (качка) и польском (kaczka) языках.

Хорек-шешок.

Шэшо́к мно́га вр'ад'йт, б'йо́м йаво́. Хар'о́к — вр'эдны́й з'в'э́р'. (Зосненский с/с).

Шешок словарями литературного языка не отмечается. В. Даль (IV, 631) приводит его с пометой «западное». Употребляется в белорусском (шашок, шашка) языке. В «Материалах для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» указано, что в говорах Прейльского р-на употребляется только *шешок*: *шашо́к гъвар'йт, хар'о́к н'э* (стр. 351).

Затылок-потылица.

Заты́лгк ча́шчэ называ́йм паты́л'ица. Чаво́ паты́л'ицу чу́хайшы́ (Салиенский с/с).

Потылица в словарях литературного языка дано с пометой «областное», «устаревшее». В. Даль (III, 360) указывает на распространение слова на юге и западе, отмечено оно в белорусском (патылица) и польском (potylicza) языках.

Змея-гад.

Гд'э бо́л'ша бало́т, там мно́га га́даф. Гъвар'йм зм'эйа́ фкус'и́ла, а то и га́т фкус'и́л (Салиенский с/с).

Гад в словаре литературного языка дается в значении «земноводное или пресмыкающееся животное».

«Материалы для словаря» указывают на употребление слова в значении «ядовитая змея, гадюка».

В. Даль (I, 340) фиксирует более широкое значение, близкое к толкованию в словаре литературного языка, как «ползучее» животное (змея, ящерица, лягушка, черепаха). Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют о том, что в русских говорах Латвии слово может употребляться не только в значении «змея», но и вообще всякое пресмыкающееся или насекомое, например: *фс'ак'их га́даф мно́га, в л'асу́, бал'шых и пам'эн'шы. Гат л'ату́чы́й фкус'и́л* (Салиенский с/с).

В польском языке (gady) употребляется в широком значении «пресмыкающиеся».

Клюква-журавина.

Кто́ кл'у́квэй зав'о́т, кто́ журав'и́нэй, бо́л'шэ журав'и́нэй (Зосненский с/с).

Журавина в словарях литературного языка не отмечается. В. Даль (1,547) указывает на распространение его во многих говорах русского языка: тверских, владимирских, вологодских, ярославских. Употребляется в белорусском (журавіна) и польском (żogawina) языках.

Угол-кут (уменьш. куток).

Угол и́л'и кут, куда́ ста́в'ут ико́ны. А кут́ э́та ў́гал у до́м'и. У кутк'э́ м'ашо́к з'арна́ паста́в'ил'и (Каплавский и Салиенский с/с).

Кут в данном значении отмечено В. Далем (II, 227) с пометой «южное», зафиксировано и в ярославских, пермских говорах, но круг значений его значительно шире.

Входит в словарный состав польского языка (kał).

Пол-мост. Нижний настил в доме, по которому ходят.

Мо́й мо́ст ф па́стро́йк'и. На́да но́вый мо́ст сла́т'. По́л на́да ми́т', гр'азный. Ра́н'шэ́ мо́ст, а т'ап'э́р' бо́л'шы по́л (Каплавский с/с, Преильский с/с).

Мост имеет большую территорию распространения, на что указывает В. Даль (II, 350). В этом же значении употребляется в белорусском языке. «Материалы для словаря» отмечают его в русских говорах на территории Литвы.

Анализируя некоторые двухкомпонентные ряды слов-дублетов в русских старожильческих говорах на территории Латвийской ССР, следует отметить в составе каждого синонимического ряда наличие общенародного слова, за исключением «сморода-поречка».

Вторым компонентом синонимического ряда являются диалектизмы, которые в большинстве случаев не фиксируются в словарях литературного языка или даются с пометами «обл.», «устар.» Что касается их отношения к лексике других говоров, то в их составе можно выделить несколько групп.

1. Слова, имеющие широкую территорию распространения: *попел, ганок, коваль, зазуля, мост, цибуля, байка, поречка, комин, качка, потылица, журавина*. Сюда же, вероятно, следует отнести *веселье, гад, батьян*.

2. Слова, характерные только для русских говоров западной диалектной зоны: *калика* (новг.), *баркан* (новг., псковск., тверск.), *склеп* (тверск.), *веселка* (псковск., смоленск.), *шешок* (западн.).

3. Слова, не зафиксированные словарями в других русских говорах: *гумка* и *трипутник*.

Что касается отношения диалектных слов к языкам (белорусскому, польскому, латышскому), с которыми соприкасаются изучаемые говоры, то следует указать, что из 24 диалектных слов, рассмотренных нами, все имеют общие корни в белорусском, польском, значительно реже латышском языках: *батьян* (польск. *bosian*), *калика* (лат. *kālis*), *попел* (белорусск. *попел*, польск. *popiół*), *ганок* (белорусск. *ганак*, польск. *ganek*), *коваль* (белорусск. *каваль*, польск. *kowal*), *зазуля* (белорусск. *зазюля*), *цибуля* (белорусск. *цыбуля*, польск. *cebula*), *баркан* (лат. *burkāns*), *склеп* (белорусск. *склеп*), *трипутник* (белорусск. *трыпутник*), *веселка* (белорусск. *вяселка*), *гумка* (белорусск. *гумка*, польск. *gumka*), *веселье* (белорусск. *вяселле*, польск. *wesele*), *байка* (польск. *bajka*), *поречка* (белорусск. *парэчка*, польск. *porzeczka*), *комин* (белорусск. *комін*, польск. *komin*), *качка* (белорусск. *качка*, польск. *kaczka*), *шешок* (белорусск. *шашок*), *потылица* (белорусск. *патылица*, польск. *potylicza*), *мост* (белорусск. *мост*), *журавина* (белорусск. *журавіна*, польск. *żogawina*), *кут* (польск. *kał*).

Большой интерес представляют слова-дублиеты, включающие в свой состав три, реже четыре компонента. Собранный материал дает возможность констатировать, что несколько наименований для одного предмета в рассматриваемых говорах встречается довольно часто. Рассмотрим некоторые из них.

Белка-векша-завёрка.

Называют и б'элка и в'экса. Б'элку й'шиш' в'экса зав'ют. В л'асу б'элка, р'ан'шы вав'орк'эй з'вал'и (Зосненский и Салиенский с/с).

В «Материалах для словаря» указывается на распространение наименования «завёрка» в говорах на территории Латвии, а «векша» — в говорах Латвии и Литвы.

Как свидетельствует собранный материал, из трех наименований чаще употребляется «белка», на это же указывают «Материалы для словаря»: *г'ап'эр' б'ол'ш' б'элка г'вар'ат, в'экса г'вар'ил'и р'ан'ш' (лит.)*.

Слово *векша* в словарях современного русского литературного языка отмечено как областное. В. Даль (I, 175) приводит его без указания на территорию распространения; фиксируется оно в говорах Среднего Урала. Ни в белорусском, ни в польском языках не отмечено.

Вавёрка не отмечается ни словарями литературного языка, ни диалектными, за исключением «Материалов для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики». Это слово входит в словарный состав белорусского (вавёрка), польского (wiewiórka), латышского (vāvere) языков.

Платок-плат-хусточка.

В м'ан'э ўэс'т' плат, з голым г'элав'ам н'ал'з'а хад'ўт'. Гд'э май'а хўстачка, на́да пакры́т'. И хўстачкэ и платок, как ска́жыт так и л'анна (Прейльский и Даугавпилский р-ны).

«Материалы для словаря» указывают на распространение слова «плат» в говорах Латвии, Литвы и Эстонии, слово «хусточка» не отмечается.

Плат в словарях литературного языка дается с пометой «устаревшее народно-поэтическое». В. Даль (III, 121) указывает на распространение его в основном на севере.

Хусточка словарями литературного языка не отмечается. В. Даль (IV, 569) приводит слово «хуста», «хустка» с пометой «южн., зап.». Употребляется в белорусском (хустка) и польском (chustka) языках.

Тропинка-дорожка-стежка (стега, стежинка).

Трап'ўнка т'ол'ка н'эшэму хад'ўт'. Ид'ўт'э нэ ст'бшк'у нэ дар'бшк'у, ид'ўт'э нэ саб'ачэй ст'бшк'у да Ив'ан'ух'у. Дар'бшк'а б'ыла ва ржы́ (Каплавский и Салиенский с/с).

В «Материалах для словаря» приводится только слово «стежка» и отмечается на территории Латвии и Литвы.

Тропинка, дорожка отмечены словарями литературного языка в одном значении.

Стёжка в словарях литературного языка приводится с пометой «разг.» В. Даль (IV, 320) указывает на обширную территорию распространения, в том числе и в говорах псковских, новгородских. Входит в состав белорусского (сцёжка) и польского (scieszka) языков.

Заплата-латка-лапина-лапа.

Запл'атку, л'ап'ину, нэлажы́т', так мы гэвар'ўм. Кто ска́жыт зэлат'ат', а кто л'ап'ину нэлажы́т'. У нас гэвар'ўт л'ану нэлажы́т' на ад'б'ожу. Л'ап'ины э́та л'атк'у; залап' штаны́ май (Прейльский р-н, Салиенский и Каплавский с/с).

Заплата отмечается всеми словарями современного русского литературного языка. «Латка» в литературных словарях дается с пометой «просторечное».

Лапина-лапа не фиксируются ни в словарях литератур-

ного языка, ни в диалектных словарях. В. Даль (II, 237) указывает на употребление в говорах слова «лапик» (смл.) в значении «заплата», а также «латка» (II, 240) с пометой «западное», «тверское», «южное».

В «Материалах для словаря» приводится в значении «заплата» только слово «лапина» и указывается на его распространение в говорах Латвии, Литвы и Эстонии.

Однокоренные слова к словам данного синонимического ряда в том же значении есть в белорусском (лата), польском (łata, wstawka), латышском (ielāps) языках.

Рукавицы-варежки-дьянки.

У нас и рукав'іцы и вар'ышк'и завуцца. Д'янк'и завуц стэрав'эры. (Салиенский с/с). *У нас, гэвар'ат д'янк'и, рукав'іцы.* (Каплавский с/с).

В состав этого синонимического ряда входят 2 общенародных слова — варежки, рукавицы. Но в словах литературного языка они приводятся с указанием на их семантическое своеобразие: «варежка» — только вязаная, а «рукавица» может быть и из ткани. В изучаемых говорах они употребляются без этих оттенков в значении.

Дьянки в словарях литературного языка не отмечены. В. Даль (I, 512) указывает на форму «дьяльница» (олонецкое), «дьянка» — (новгородское). В «Материалах для словаря» приводятся формы: «дьяница», «дьяничина», «дьянка», которые употребляются в русских говорах Латвии, Литвы и Эстонии.

В изучаемых нами говорах отмечено еще слово «спотки» в значении «варежки», «рукавицы». *Мы гэвар'ім д'янк'и, спотк'и. Д'э май спотк'и, цэлы?* (Каплавский с/с).

Обозначая один и тот же предмет, последнее слово обнаруживает некоторое семантическое своеобразие, *спотки* — это варежки на подкладке.

Бидон-бляшан-канна (обозначает жестяной сосуд для хранения жидкостей).

Мэлако кладу́т в бл'ашан и каннай зав'ом. П'іва д'эржым ф канны іл'и б'идон скажым (Зосненский с/с).

Из трех наименований чаще других используется «канна». В состав синонимического ряда входит общенародное слово «бидон».

Канна не отмечается ни в словарях литературного языка, ни в просмотренных диалектных словарях; отсутствует в бе-

лорусском и польском языках, в латышском языке «бидон» — каппа.

Бляшан не фиксируется ни в одном из просмотренных диалектных словарей. В польском языке «бидон» — blaszanka.

Муравей-мурашка-сикляха.

Мурав'эй мы бѳл'шы мурашкэй зав'ѳм. У нас йэс'т' мурашк'и, ан'у д'элайут мурав'эйн'ик'и. (Салиенский с/с). *Мурав'эйн'ик в н'им с'икл'эх'и ал' мурав'ий* (Прейльский р-н).

Мурашка в словарях литературного языка приводится с пометой «обл.» или «просторечное» в значении «мелкий муравей». В изучаемых говорах «мурашка» является полным синонимом к слову «муравей». В белорусском языке «муравей» — мурашка. В Даль (II, 359) приводит форму «мурашка» в значении «мелкий, домашний муравей».

Сикляха в словарях литературного языка не отмечается. «Материалы для словаря» указывают на употребление этого слова в русских говорах Латвии, Литвы и Эстонии, причем приводится еще одна форма «стикляха».

В. Даль (IV, 184) указывает на его распространение в псковских говорах. В польском и белорусском языках отсутствует.

Петух-петун-кочет.

Б'ул п'атух л'уд'эй, мы п'атун бѳл'шы гѳвар'им (Зосненский с/с). *П'атух, па нашѳму, п'атун. Ф сас'эда тѳжѳ п'атух йэс'т'* (Салиенский с/с). *Кур'ица как палѳжыцца как кѳчѳт куд'акайѳт* (Прейльский р-н).

Чаще других употребляется «петун».

Петун не отмечается ни в словарях литературного языка, ни в просмотренных диалектных словарях. «Материалы для словаря» указывают на употребление его в говорах Латвии, Литвы и Эстонии.

Кочет в словарях литературного языка дано с пометой «обл.» В. Даль (II, 181) указывает на его распространение в курских и рязанских говорах, отмечается также в ярославских говорах; в польском языке «петух» — kogut, kur.

В «Материалах для словаря» не фиксируется.

Наседка-детинуха-квочка.

Нас'этка тр'у н'ад'эл'и на йайчках. Д'ат'унуха с'ид'ит и вѳд'ит д'ат'эй (Прейльский р-н). *Квѳчка вѳд'ит цыпл'ат* (Каплавский с/с).

В синонимический ряд входит одно общенародное и два диалектных слова. Более употребительным является слово «детинуха».

Детинуха словарями литературного языка не отмечается; в «Материалах для словаря» указывается на употребление его в говорах Латвии, Литвы и Эстонии. В. Даль (I, 438) приводит его с пометой «псковское», фиксируется оно в говорах Среднего Урала.

Квочка в словарях литературного языка не отмечено. «Материалы для словаря» приводят форму «квачка» в говорах Литвы и Эстонии. В. Даль (II, 104) указывает на широкую территорию распространения: «юж.», «яросл.», «тамбов.» в польском языке «наседка» — *kwoka*.

В изучаемых говорах используется слово «квоктуха». Так называют курицу, которая собирается садиться на яйца или высидела цыплят.

Квактўха ёта кўр'ица, катбрайа ужб заквэхтывайьт или вьс'вд'ила т'ипл'ат (Каплавский с/с). В этом же значении это слово бытует в говорах Литвы и Эстонии.

«Материалы для словаря» приводят еще один вариант — «клоктуха».

В. Даль (II, 104) указывает на его распространение на той же территории, что и «квочка», но в значении «курица», которая «водит». В ярославских говорах «клоктуха» вообще курица.

В белорусском языке «наседка» — *квактуха*.

Рассмотрев синонимы-дублиеты, в состав которых входят три и более компонента, можно сделать следующие выводы. В состав большей части синонимов-дублиетов входит обязательно общенародное слово. Другие компоненты ряда являются диалектизмами, некоторые из них входят в словарный состав других русских говоров и имеют широкую территорию распространения (*векша, хусточка, стёжка, латка, мурашка, квочка*), другие употребляются в основном в говорах западной диалектной зоны (*плат, дянка, дяльница, сикляха, детинуха*), отдельные диалектизмы в просмотренных диалектных словарях не отмечаются (*вавёрка, лапина, лапа, канна, петун, бляшан*).

Рассмотренные диалектизмы употребляются в том же значении и на территории других русских говоров. Отличия в отдельных случаях касаются лишь широты значения.

Это свидетельствует о тесной связи в лексическом отношении русских говоров Прибалтики с другими русскими говорами.

Часть диалектизмов имеет общие корни в белорусском, польском, реже в латышском языках: *вавёрка* (белорусск., польск.), *латка* (белорусск., польск., латышск.), *бляшан* (польск.), *канна* (латышск.), *мурашка* (белорусск.)

Это дает возможность предполагать, что эти диалектизмы появились в результате межъязыковых контактов. Без привлечения к исследованию широкого лексического материала решить этот вопрос невозможно.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

1. Белорусско-русский словарь. Изд. АН. М., 1962.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956 (сокр. В. Даль).
3. Мельниченко Г. Г. Краткий Ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
4. Немченко В. Н., Снина А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Под редакцией М. Ф. Семеновой. Уч. зап. ЛГУ им. П. Стучки, т. 51, вып. — 8-а. Рига, 1963 (сокр. «Материалы для словаря»).
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1961.
6. Польско-русский словарь. М., 1958.
7. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964.
8. Старцева С. Краткий словник для областного словаря русских говоров Пермской области. Пермь, 1962.

ОТСУБСТАНТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -Н- В ГОВОРАХ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ПРИБАЛТИКИ

При изучении русских народных говоров недостаточно внимания уделяется вопросам словообразования, особенно образованию имен прилагательных. Если к настоящему времени опубликовано немало работ по словообразованию имен существительных, глаголов и наречий в различных говорах русского языка, то этого нельзя сказать о диалектном образовании прилагательных. Вопросы словообразования в русских говорах Прибалтики до настоящего времени совершенно не изучались.

В настоящей статье рассматриваются лишь некоторые особенности образования имен прилагательных от основ существительных посредством суффикса -н- на материале русских говоров Прибалтики, а именно: дается характеристика употребляющихся в этих говорах отсубстантивных прилагательных с суффиксом -н- с точки зрения их отношения к лексике общенародного русского языка, а также делается попытка определить основные словообразовательные типы этих прилагательных с их словообразовательными значениями.

В статье используются диалектные материалы, извлеченные из разных источников: 1) «Материалов для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» В. Н. Немченко, А. И. Синицы и Т. Ф. Мурниковой, под ред. М. Ф. Семеновой, Рига, 1963; 2) кандидатской диссертации автора «Говор русских старожилов Йонавского района Литовской ССР», Вильнюс, 1960; 3) картотеки диалектных слов русских говоров Литвы, составленной на основе личных наблюдений автора в 1951—1963 гг. и студенческих записей, сделанных во время диалектологической практики под руководством автора в 1962—1963 гг.; 4) дипломных работ студентов Вильнюсского гос. университета, выполненных под руководством доц. В. И. Костельницкого в 1955—1962 гг.

В качестве географических помет в статье используются следующие условные сокращения: Аникщ. — Аникщяйский район (Литовской ССР); Бурб. — дер. Бурбякляй (Аникщяйского района Литовской ССР); Вешинт. — Вешинтский сельсовет (Аникщяйского района Литовской ССР); д. Иб. — дер. Дидеи Ибенай (Каунасского района Литовской ССР); Зар. — Зарасайский район (Литовской ССР); Йонав. — Йонавский район (Литовской ССР); Каун. — Каунасский район (Литовской ССР); Кед. — Кедайнский район (Литовской ССР); Лат. — Латвийская ССР; Лит. — Литовская ССР; Паэж. — дер. Паэжяряй (Аникщяйского района Литовской ССР); Прунц. — дер. Прунцишкяй (Аникщяйского района Литовской ССР); Рокишк. — Рокишкский район (Литовской ССР); Смел. — дер. Смелинка (Аникщяйского района Литовской ССР); Сук. — дер. Сукиняй (Укмяргского района Литовской ССР); Укм. — Укмяргский район (Литовской ССР); Эст. — Эстонская ССР.

I

В говорах русских старожилов прибалтийских республик — Литвы, Латвии и Эстонии, так же как и в литературном русском языке, широко известны суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный способы образования имен прилагательных. Наиболее распространенным способом образования прилагательных является суффиксация.

В образовании имен прилагательных от основ существительных в данных говорах участвуют в основном те же суффиксы, которые используются для образования прилагательных в литературном языке. Чаще всего употребляются следующие суффиксы: *-ов(-ев-), -ав(-яв-), -ат-, -оват(-еват-), -ист-, -ив-, -лив-, -ск-, -овск-, -н-, -енн-, -ан(-ян-, -янн-), -анск(-янск-)*. Так, в говорах широко известны такие слова (употребляющиеся и в литературном языке), как например: *столóвый, дубóвый, соснóвый, садóвый, полево́й, боево́й; крова́вый, кудря́вый; зубáтый, чубáтый, усáтый, борода́тый; сукова́тый, жуликова́тый, молодева́тый; гористый, голосистый; червильный, плешивый; стыдливый, трусливый; январский, московский, китайский; поповский, мартовский; лесной, болотный, вкусный, умный, вредный; огненный, ремесленный,*

государственный; кожаный, серебряный, деревянный; американский, итальянский и др.

Из указанных суффиксов в говорах русских старожилов Прибалтики наиболее широко используется суффикс *-н-(-ный, -н-ой)*. Посредством этого суффикса образовано большое число относительных и качественных прилагательных от основ существительных мужского, женского и среднего рода.

Употребляющиеся в говорах отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-н-* в большинстве случаев имеют общенародный характер или же представляют собой фонетические или акцентологические варианты соответствующих общенародных слов.

В качестве примеров отсубстантивных прилагательных с суффиксом *-н-*, имеющих общенародный характер, можно привести наиболее распространенные в говорах образования.

Из прилагательных, образованных от основ существительных мужского рода, чаще всего употребляются следующие: *каменный, чугунный, хлебный, ячменный, чайный, сочный, жирный (и жирной), вкусный, постный, голодный, конный, колхозный, праздничный, северный, сонный, страшный (и страшной), смешной (и смешный), вредный, умный (и умный), интересный* и др. Например:

Пѣдмурѳку (фундамент) камъннуюу дз'элъ'и (Лит., Укм., Сук.). Квашѳнк'и хл'ѣбныйи зафс'игдѳ д'ир'ав'анныиу бѳл'и (Эст.). Жирнойа м'аса (Лит. Йонав.). Нѳда паспрѳбъвт' вар'ѳн'ѳа бѳнѳчку, как анѳ фкѳснѳѳа (Лат.). Иан'ѳты (ягнѳта) в'ѳс' дз'ѳн' галѳдныйѳ (Лит. Йонав.). Крын'ѳчнѳѳа (родниковая) вадѳ гарѳст халѳднѳѳа (Лит., Йонав.). Страшнѳѳ сон в'ѳд'ѳла с'ивѳн'н'ѳ (Эст.). Такѳ бал'ѳзн'ѳа страшнѳѳа, памр'ѳ йон (Эст.). Гарѳст ты ѳмнѳѳа стѳла (Эст.). Што там, йон ужѳ намнѳга стал вѳмнѳѳ (Лат.). Иа вѳбрѳла с ѳтых кн'ѳк сѳмуѳу инѳ'ар'ѳснѳѳу (Лит., Йонав.).

Из прилагательных, образованных от основ существительных женского рода, наиболее распространены следующие: *мѳдный, бумѳжный, пшеничный (и апшеничный), рыбный, лѳвочный, лампѳдный, лоханнѳный, ручнѳѳ, брюшнѳѳ, грязнѳѳ (и грязнѳѳ), больнѳѳ, смѳртнѳѳ (и смеретнѳѳ), длѳннѳѳ, силнѳѳ (и силнѳѳ), вѳльнѳѳ, свѳбѳднѳѳ, старѳннѳѳ, грѳмотнѳѳ, казѳннѳѳ, воѳннѳѳ* и др. Например:

Лазѳнк'и (кушанье) с пшан'ѳшнѳѳ мук'ѳ дз'ѳлѳѳѳут (Лит., Йонав.). Нѳп'ак'ѳт какѳр'ѳн (лепешек) апшан'ѳшнѳѳ, пѳѳѳѳѳ

с сáлэм (Лат.). Сáхэр' лавъшный спóркэй, а свой срáзу д'эт'и схрúпэйут (Эст.). Пэжмыхай (постирай) рубáху, гарáс гр'áзна (Эст.). Гр'азной платóк (Лит., Ионав.). Н'икчэмный йа ч'лав'эк, слáбэй, бал'ной (Эст.). Над'эла плáт'йь дл'йннэйь и плутáйис'с'а (Лат.). П'óтра д'ужбой был, ну с'ил'ной (Лат.). Аф'тóрн'ик в нас з'эфс'агда д'эн' свабóнный (Эст.). Был сафс'óm мáла грáмътный поп (Лит., Ионав.). Ф кэталáшк'и (арестантской) рáз'и хúда, на каз'óннэх хл'абáх. (Эст.). С вай'эннэй слúжбы рáн'э и сафс'ým дамóй н'и атпушшáл'и.

Из прилагательных, образованных от основ существительных среднего рода, широко известны следующие: *желёзный* (и *зелёзный*), *сукóнный*, *мясной*, *молóчный*, *колёсный*, *брюшной*, *озерной*, *болóтный*, *мéстный* и др. Например:

Кр'ук жал'эзный, кр'уком збрáсывэйут с вóзу (Лат.). З'ал'эзнэйа бэранá (Лит., Ионав.). Йарм'ак был'и шыфшы бат'к'и сукóнный (Лат.). Зац'ýрка (кушанье) малóшнэйа (Лит., Ионав.). Л'этыс йа лúчы с'аб'á чúствэвэла, с'ар'д'эч'ный бóл'и н'э была (Эст.). Бр'ушнáйа гар'áч'ка (Лит., Ионав.). Кл'учэвá вадá лúчы аз'арной (Эст.). Наш поп н'а м'эсный, а аткúл' пр'ишóл, н'а знáйу (Лат.).

* * *

В русских говорах Прибалтики суффикс **-н-** принимает активное участие в образовании прилагательных от основ диалектных слов — существительных мужского, женского и среднего рода.

Чаще всего в говорах употребляются имена прилагательные, образованные при помощи суффикса **-н-** от основ диалектных существительных мужского рода. Например:

Бурáчный (от бурáк «свекла») — 1) изготовленный из свеклы, свекольный.

Сáхэр'у н'э была, тэк бурáч'нэйа п'úва дз'элэл'и, и ф хл'эп бурак'ú дэбавл'áл'и (Лит., Укм., Сук.). Бурáч'ный суп нэзывайыцца борш'ч' (Лит., Ионав.). Свар'ýла бурáч'ный суп, н'а жрúт р'аб'áты (Лат.);

2) относящийся к свекле, являющийся частью свеклы.

Бурáч'ныйь батóфк'и (ботву) ламáл'и (Лит., Ионав.). Бурáч'ныйь л'исты (Лит., Зар.). Нэс'акл'ú бурáшных л'истóф и картóф'эл'ных лáпэк и хр'áпу дáл'и пэрас'áтэм (Лат.);

3) предназначенный для хранения свеклы.

Бурáч'нэ́йа йáма (Лит., Йонав.). *На з'́му в бурáчну йáму склад'ом* (Эст.).

Кутный (от кут «угол») — находящийся в углу, угловой. *Кутный зуп* — сáмый зáдний. *Кутный зуп пасл'эдн'ий*. (Лит., Каун., Д. Иб.).

Посóмный (от посóм «фронтон») — относящийся к фрон-тону, фронтонный.

С пасóмнэ́ва акна пэсма́тр'у́, йэ́йныйь харóмы в'ида́цца б'удут (Лат.).

Манéжный (от манéж «конный привод молотилки») — от-носящийся к конному приводу молотилки.

Ман'э́жнэ́йа кэ́л'асó. Ман'э́жныйь дэ́шл'и (Лит., Йонав.).

Пáркельный (от пáркель «авторучка») — относящийся к авторучке, используемый для авторучки.

Пáрк'э́л'нэ́йа п'арó. Пáрк'э́л'нэ́йа ч'ар'н'у́ла (Лит., Йо-нав.).

Бру́дный (от бруд «грязь, мусор») — нечистый, испачкан-ный, грязный.

Сэпа́г'у бру́дныйь. Ушы бру́дныйь. Бру́днэ́йа б'ал'йó (Лит., Йонав.).

Отвóнный (от отвóн «место с некрутым подъемом, отло-гость») — отлогий, пологий, покатый.

Атвóнный б'э́р'э́к. Атвóннэ́йа гара́. (Лит., Йонав.). *У на́с анна́ крута́йа гара́, друга́йа атвóннэ́йа. Бывáла пайд'ом ка-та́цца нэ́ драв'áшкэ́х с круто́й гара́, с атвóннэ́й н'э́ б'аг'у́т драв'áшк'и* (Лат.).

Завóдный (от завóд «порода») — породистый.

Завóднэ́йа карóва (Лит., Йонав.). *Завóдный пэ́рас'о́нэ́к* (Лат.).

Начётный (от начёт «надежда, уверенность») — надеж-ный.

В йэ́й жан'и́х начóтный (Лат.).

Глумно́й (от глум «дурь») — глупый, неразвитой.

Хат'а́ он и н'э́ глумно́й, а́л'и глумным нэ́зыва́йут, йэ́с'л'и йавó спра́шыывэ́йыш, и н'э́ атв'ач'а́йэ́т, и́л'и што́ йаму́ рэ́з'йас'-н'а́йыш, он н'э́ пэ́н'има́йэ́т (Лит., Аникш., Паэж.). *В гэ́лаву́ м'ан'а́ канту́жыла нэ́ вайны́, вот тако́й глумно́й и аста́фшы на фс'у́ жыс'т'. Што́ ты, глумна́йа, дэ́жыши, ап чо́м тако́м гэ́ва-р'у́ш?* (Эст.).

Тандэтный (от тандэт «брак, халтура») — недоброкачественный, с изъяном.

Тандэтный тавар. Тандэтныйь съпаг'и з'дз'элл, а так'ийь дз'эн'г'и вз'ал (Лит., Ионав.).

Немало прилагательных образовано посредством суффикса **-н-** от основ диалектных существительных женского рода. Например:

Вáпéнный (от вáпна «известь») — известковый, предназначенный для гашения извести.

Вап'эньг'я йáма. (Лит., Ионав.). *Вáп'эньныйь йáмы йэст'а в Дэрасáйкэх* (Лит., Каун., Д. Иб.). *Тáмэка вап'эньг'я йáма* (Лат.).

Сморóдный (от сморóда «черная смородина») — относящийся к черной смородине, черносмородинный.

Сморóдныйь л'исты́ шмун'ыл'и (Лат.).

Ботвínный (от ботвínья «столовая свекла») — относящийся к столовой свекле, свекольный.

Карóва йист батв'инныйь л'исты́ (Лит., Каун., Д. Иб.).

Крáмный (от крáма «небольшой магазин, лавка») — магазинный, лавочный.

Крáмн'яя тóч'а (ткань). *Крáмныйь н'йтк'и* (Лит., Ионав.). *Крáмнуу рубáху над'эл, пашóл такой фарс'истый* (Лат.).

Крын'ичный (от крын'ица «ключ, родник») — ключевой, родниковый.

Крын'ичн'яя вадá гарáст халóдн'яя (Лит., Ионав.). *Вот там дабр'эцк'яя вадá, крын'ишн'яя вадá, гарáст харóш'яя* (Лат.).

Пúрный (от пúра «единица земельной площади») — имеющий площадь, равную одной «пúре».

Па пúрэм з'амл'у д'ьл'ыл'и, кáжнэму хаз'áину анно-два пúрных м'эста давал'и (Эст.).

Хмáрный (от хмáра «облачность, предгрозовое состояние») — пасмурный.

Сóнца в'эс' д'эн' н'эту, хмáра, такáя хмáрн'яя пагóда (Лит., Аникш., Паэж.).

Духов'ичный (от духов'ица «болезнь, сопровождаемая сильной одышкой») — страдающий «духов'ицей».

Духав'ишный ч'ьлав'эк (Лит., Ионав.).

Реже в говорах встречаются прилагательные, образованные посредством суффикса **-н-** от основ диалектных существительных среднего рода. Например:

Житный¹ (от жито «рожь») — ржаной.

Ианá н'и рáчыт и жы́тну муку́ адóлжыт', гд'э ш пшóннэй даст (Эст.).

Житный² (от жито «ячмень») — ячменный, ячневый.

Жы́тныу ка́шу ва́рут. Ка́шу з жы́тных круп и гарóху па́р'ут ф п'эчк'и и п'эливáйут сыто́й (Эст.).

Верховный (от верховье «первые вычески льна для пряжи; пряжа из первых вычесок льна; ткань из такой пряжи») — изготовленный из «верховья» (во всех значениях).

Ва́р'ховный м'эх (мешок). *Ва́р'ховный н'йтк'и* (Лит., Йонав.). *Ва́р'ховнэ́я стану́ха* (женская рубашка). *Давн'эй шы́л'и штаны́ ва́р'ховный* (Лат.).

Пачесный (от пачесье «вторые вычески льна для пряжи; пряжа из вторых вычесок льна; ткань из такой пряжи») — изготовленный из «пачесья» (во всех значениях).

Па́ч'эснэ́я кудз'эл'а. Па́ч'эсный н'йтк'и. Па́ч'эснэ́я скэ́ц'ар'óтка (Лит., Йонав.). *Па́ч'эснэй рушн'úk — с ал'н'аных н'йтэк прастóвъ sóрту.* (Лит., Зар.). *Кака́я там н'ав'эста, ф пр'идáнэй да́л'и па́ч'эснэйу скэ́ц'ар'óтку. И н'йтк'и бы́вайут па́ч'эснэй, и стану́х'и шы́л'и па́ч'эснэй* (Лат.).

* * *

Суффикс **-н-** в рассматриваемых говорах часто употребляется в составе диалектных имен прилагательных, образованных от основ существительных литературного русского языка.

Многие из таких диалектных образований соотносительны по значению с общенародными прилагательными, образованными от тех же основ посредством иных суффиксов.

Так, в говорах употребляются диалектные образования с суффиксом **-н-**, которым в литературном языке соответствуют относительные прилагательные с суффиксом **-ов-(-ев-)**. Например:

Польный, реже **польной** — полевой.

Пр'ивáтныи дарóшк'и — н'эбал'шы́йи пól'ныи дарóшк'и. З'эмл'ан'у́ца (земляника) *пал'на́я, а клубн'и* (клубника) *в э́гарóдз'ь* (Лит., Каун., Д. Иб.).

Данное прилагательное может употребляться в составе разных ботанических названий:

Пус'ц'и карóву пъ абм'эшкъм (межполосьям), там стóлка травы, в'ик'и пóл'нэй (Лит., Йонав.). Пóл'нэяа йáблэ'на (Лит., Зар.).

Это слово широко известно в качестве составной части целого ряда зоологических названий:

Пóл'нэяа пч'алá н'а тák бóл'на кусáйьцца, как дамáш-н'эяа. Цэлы́й дз'эн' ахо́ц'илс'а и зэстр'ал'ил тóлка аднó пóл'ну́ю кúр'ицу (Лит., Йонав.). Пóл'на́яа вúтка (Лит., Кед.). Пóл'ный гóлуп (Лит., Зар.).

Бережнóй — береговой.

Б'эр'ижна́яа гр'у́ва (продолговатая гора, возвышенность), йанá п'ашчáнэ́яа (Эст.).

Литерный — вмещающий один литр, литровый.

Л'итэрный жбанóч'эк (Лит., Аникш., Бурб.).

Диалектные образования с суффиксом **-н-** иногда употребляются в соответствии с качественными прилагательными литературного русского языка, образованными при помощи суффикса **-ист-**. Например:

Сахарный — содержащий много сахара, сахаристый.

Сáхэрный гарóх (Лит., Каун., Д. Иб.). Сáхэрный баркáн (морковь) слáткый (Лит., Укм., Сук.).

Жильнóй — содержащий сухожилия, обильный сухожилиями, сухожильный, жилистый.

Жыл'нóяа м'áса в машы́нку (мясорубку) н'айдз'ó (Лит., Укм., Сук.).

Фанаберный — спесивый, чванливый, фанаберистый.

Фэнаб'эрнэ́яа дз'эфка (Лит., Йонав.). Какóй стал фэнаб'эрный, падн'ал свой нос, што кас'т'ум в йавó нóвый (Лат.). Фэнаб'эрнэ́яа д'эфка, фс'о па-свайóму д'элэ́йт (Эст.).

Нахрапный — дерзкий, наглый, нахальный, нахрапистый.

Нахра́пный ч'элав'эк, супрат'ивный он, злад'эй какóй-н'и бúт', аб'ид'ит ч'элав'эка, ч'эм-н'ибúт' агарч'йт... (Лит., Аникш., Паэж.). Гарáс ты нахра́пный, пат'ушы на́да п быт' малóдым (Эст.).

Наряду с прилагательным **нахра́пный** очень часто употребляется фонетический вариант этого слова — **нахра́тный**. (Употребление звука **т** вместо **п** может быть объяснено ассимиляцией согласных по месту образования):

Нахра́тный какóй, пр'ишóл вот, абабрáл (Лит., Йонав.).

И вгас'ц'ила как ч'лав'эка, т'к в'идз'иш какой нахратный (Лит., Каун., Д. Иб.). Иа байус' нахратных л'уд'эй (Лит., Аникш., Паэж.). Был у нас такой нахратн'ик, такой жа был нахратный, драку з'т'авал, фс'о н'л'азал, а рас и йаво па-б'ил'и д'обр'ь (Лат.).

Некоторые диалектные образования с суффиксом **-н-** относительно с качественными прилагательными литературного языка, образованными с помощью суффикса **-лив-**. Например:

Жалостный — жалостливый, сострадательный.

Ну жал'эс'н'ик йэс'т'а ч'лав'эк, другой б'ажжал'эс'ный к ч'лав'эку, а йэт'т жал'эс'ный, жал'эс'н'ик (Лит., Аникш., Паэж.).

Заботный — заботливый, старательный.

Заботный мал'ьц (Лит., Йонав.). Ианá гарáс заботн'яа, и н'чйу мала сп'ит (Эст.).

Понятный — понятливый, сообразительный.

Другой што и в'ид'ит, н'ь абрашч'айт вн'иман'иия, а другой глазам ак'инул, т'к фс'о в йаво н'гиз'ус, пан'атный ч'лав'эк такой (Лит., Аникш., Паэж.).

Пронырный — пронырливый.

И ч'лав'эк, инагда г'эвар'ат, прах'ожый, как ныр, праныр-ный, лукавий, х'итрый (Лит., Аникш., Паэж.).

В отдельных случаях диалектным образованиям с суффиксом **-н-** в литературном языке соответствуют прилагательные с суффиксами **-ат-** или **-аст-**, **-овн-(евн)-**, **-ельн-**, **-чив-**, **-н'-**, **-j-**. Например:

Язычный — языкастый, острый на язык.

В йаво жонка гарáст йазычн'яа (Лат.).

Денной — дневной, используемый в дневное время.

Д'анн'яа ад'ожына (Лит., Аникш., Прунц.).

Смеретной — смертельный, приводящий к смерти.

Д'хтар'ица как апсл'ух'эла йаво, так и сказа'ла, што в йаво см'ир'атн'яа бал'эс'т' (Эст.).

Разговорный — разговорчивый.

Лупан н'а в'этлый (приветливый, общительный), н'ь р'эзга-ворный (Лат.).

Лётный — летний, яровой.

Л'этнѣя пѣшан'ица (пшеница) *нон'ь н'и гарас хароша б'уд'и* (Эст.).

Овечный — овечий.

О б'эс ты шурпáтый (шершавый), *как тр'аб'ух ав'эчный. скажут на М'итр'ица — в йаво бабушк'и* (оспа) *был'и* (Лат.).

Рыбный — рыбий.

Рыбнѣя икрó, нарóст (Эст.).

* * *

Наряду с рассмотренными диалектными прилагательными, образованными от основ существительных литературного языка, в русских говорах Прибалтики употребляется целый ряд отсубстантивных образований с суффиксом **-н-**, которые не имеют в литературном русском языке соответствующих словообразовательных вариантов (т. е. соотносительных по производящей основе и лексическому значению образований). Например:

Скотинный — относящийся к скотине, предназначенный для скотины, скотский. (Слово *скотский* не является словообразовательным вариантом диалектного слова *скотинный*, так как оно образовано от иной основы — *скот*).

Крáсны бурачк'и скат'у н'и дай'у, скат'у скат'иннѣя св'окла йз. Аптóркѣй пѣ бакáм фс'и гр'áды скат'иннѣй св'оклѣй. Б'э-льѣя кáл'ика (брюква) *скат'иннѣя* (Эст.).

Остáточный — представляющий собой остаток, последний. *Астáтѣшнѣя кар'з'ина пѣламáл'эс'* (Лит., Йонав.). *Астáтѣчнѣя здарóв'иэ на такóй-та работы угрób'иш. Астáтѣчных д'эн'эк расхóд'эвэт' н'ал'з'á* (Эст.).

Цельный — хорошо умеющий попадать в цель, меткий. *Мáл'эц йон цэл'ный, как к'инул с'н'эгэм и пр'áма в акнó* (Лит., Укм., Сук.). *Цэл'ный — катóрый м'эткый* (Лит., Аникш., Бурб.)

К этой группе диалектных образований следует отнести отсубстантивные прилагательные с суффиксом **-н-**, соотносительные с соответствующими образованиями литературного языка по своему морфемному составу, но отличающиеся от последних лексическим значением. Эти прилагательные (или

часть их) представляют собой семантические варианты соответствующих литературных слов. Например:

Глазной — находящийся вблизи, напротив глаза.

Глазной зубы — напраць глас. Глазной зубы толка с'в'эрху бываюут (Лит., Ионав.). *Глазной зубы два, пэ бакам ат п'ар'эжн'их* (Лит., Каун., Д. Иб.). *Глазной зуб бал'ит, с'в'эрху, во глазной зуп* (Лат.).

Ручной — изготовленный ручным способом, вручную. *Крыша ручным гонтэм крыта. Ручной гонт глатк'ий* (Лит., Каун., Д. Иб.).

Мерёжный — пойманный мережей.

Надыс' рыба м'ар'эжн'яа была па вóс'ем рубл'эй (Лат.). *В м'ар'эжу рыба н'ибал'шя пэпадаицца, яа л'убл'у м'ар'эжу рыбу* (Эст.).

Мучной — покрытый, испачканный мукой.

Папраф мн'э п'эр'адн'ик, в м'ин'а мучной р'ук'и (Лит., Укм., Сук.).

Навозный — испачканный навозом, грязный.

Кудá ш ты пр'ич'асла навозной плат'яй, с'м'ардуч'яй (Лат.).

Фигурный — имеющий хорошую фигуру, стройный.

Пэстанóвный (красивый, стройный), *ф'игурный ч'элав'эк* (Лит., Аникщ., Паэж.).

Голодный — такой, во время которого бывает голод.

П'атрóф пост сáмый галóнный, затó стáры л'уд'и и гэвар'и-л'и, што п'атрóфка — гэладóфка (Эст.).

Мятежный — такой, во время которого происходит мятеж.

С м'ат'эжн'эва гóду нас'ил'ал'и (Лит., Каун., Д. Иб.).

Старинный — относящийся к старому поколению.

Яэта мы рáн'шэ слышэл'и ат стар'инных л'уд'эй (Лит., Ионав.). *Стар'инной л'уд'и знáл'и, што с'эйт' нэ мэлэд'ик'у, што нэ стэ'рик'у* (Лат.).

II

Рассмотрев употребляемые в русских говорах Прибалтики отсубстантивные прилагательные с суффиксом **-н-**, определив (по контексту) их лексические значения, можно выделить целый ряд словообразовательных типов этих прилагательных, которые характеризуются следующими словообразовательными значениями:

1. Изготовленный или приготовленный из вещества, обозначаемого производящим существительным. Например: *железный* нож, черень (черешок), *полозок* (часть плуга), *железная* лопатка, пушка (коробка), *притоска* (часть телеги), *железное* бердо, *железные* лемеша (лемеха), отосы (тяжи у телеги), *железный* крюк, *железная* борона; *чугунная* выварка (котел для кипячения белья); *медное* бердо; *каменная* подmurовка (фундамент), *каменные* ширки (подвесы у сетей для тяжести); *суконный* ярмяк (армяк); *бумажная* подмотка (основание клубка ниток); *пшеничная* мука, *пшеничное* вотрубье (отруби), *апшеничная* мука, крупа, *апшеничные* кокорины (лепешки); *ячменное* вотрубье (отруби); *житная* (ржаная) мука, *житные* (ячменные) крупы (крупа), *житная* каша; *бурачный* (свекольный) суп; *верховный* (изготовленный из «верховья») мех (мешок), *верховная* стануха (женская рубашка), *верховные* штаны, нитки; *пачесный* (изготовленный из «пачесья») рушник (полотенце), *пачесная* скатерть (скатерть), куделя (кудель), *пачесные* нитки, станухи (женские рубашки).

К этому же словообразовательному типу можно отнести (в качестве подтипа) прилагательные, обозначающие, что предмет изготовлен или приготовлен из разных веществ, среди которых главное место занимает вещество, обозначаемое производящим существительным. Например: *железная* телега (телега с железными осями и железной оковкой различных ее частей), *железная* граблялка (широкозахватные грабли с железными зубьями); *молочный* суп, *молочная* затирка (клецки, сваренные в молоке или в воде с молоком); *яблочный* кисель.

2. Содержащий в большом количестве вещество, обозначаемое производящим существительным, выделяющийся благодаря наличию этого вещества. Например: *жирный* суп, *жирная* каша, *жирное* или *жирное* мясо, *жирные* блины; *сочный* яблоч (яблоко), *сочная* мятина (ботва; стебли овощных культур); *сахарный* (сахаристый) горох, баркан (морковка); *жильное* (жилистое) мясо.

Прилагательные данного, второго словообразовательного типа обнаруживают значительное семантическое сходство со словами рассмотренного выше подтипа первого словообразовательного типа (*железная* телега, *молочный* суп, *яблочный*

кисель и т. п.). И те, и другие обозначают, что названное производящим словом вещество является составной частью предмета, определяемого прилагательным. Однако семантическое различие между ними очевидно: прилагательные первого словообразовательного типа просто указывают, что обозначенное производящим существительным вещество содержится в предмете; слова второго же типа, кроме того, обозначают качество предмета, определяемое веществом, которое называется производящим существительным.

3. Покрытый, пропитанный или испачканный веществом, которое обозначается производящим существительным. Например: *грязный* мост (пол), *грязная* пальта (пальто), рубаха, утирка (тряпка, полотенце), *грязные* сапоги, *грязной* мальчик, платок, *грязная* банка, скатерётка, юбка, *грязное* бельё, *грязные* ноги, руки; *чайная* примочка (прикладываемая к глазам как средство против ячменя); *мучные* руки (испачканные мукой или тестом); *навозное* платье (испачканное навозом); *брудное* бельё (нечистое, испачканное, грязное), *брудные* сапоги, уши.

4. Относящийся к предмету, обозначаемому производящим существительным, как часть к целому, являющийся частью данного предмета. Например: *хлебная* корка, *хлебные* крошки; *лимонная* корочка; *картофельные* лапки (листья?); *колёсная* трубка (ступица); *манёжное* (относящееся к конному приводу молотилки) колесо, *манёжные* дышла (дышла); *посомное* (фронтонное) окно; *бурачные* (свекольные) листья, ботовки (ботва); *ботвинные* (свекольные, относящиеся к столовой свекле) листья; *смородные* (черносмородинные) листья; *овечий* тревух (овечий желудок); *рыбное* икро (рыбья икра)

5. Представляющий собой предмет (лицо), обозначаемый производящим существительным, являющийся данным предметом. Например: *бережная* (береговая) грива (продолговатая гора, возвышенность); *шашейная* (шоссейная) дорога; *остаточная* (последняя, представляющая собой остаток) корзина; *пронырный* (пронырливый) человек; *горемычная* женщина.

6. Находящийся, растущий, обитающий или добываемый, приобретаемый в том, что обозначается производящим существительным. Например: *лесная* коза, *лесные* звери; *полевой* голуб (голубь), *полевая* курица, вутка (утка), пчела (шмель), вика, яблоня, *полевая* ягода; *болотная* трава; *реч-*

на́я рыба; *озерна́я* вода; *кряни́чная* (ключевая, родниковая) вода; *вазо́нные* цветы; *ого́рдные* бураки (свекла); *лаво́чный* сахар (сахар); *кра́мная* (магазинная, лавочная) рубаша, точка (ткань), *кра́мные* нитки, подштанники (кальсоны).

7. Используемый для предмета или живого существа, обозначаемого производящим существительным, с целью поддержания их жизни, функционирования. Например: *лампа́дное* масло; *па́ркельное* (используемое для авторучки) перо, чернило (чернила); *скоти́нная* (идущая на корм скоту) свёкла, калика (брюква).

8. Предназначенный для помещения, хранения предмета, вещества, называемого производящим существительным. Например: *лоха́нный* угол; *бура́чная* (свекольная) яма.

9. Служащий средством, орудием для изготовления предмета, вещества, обозначаемого производящим существительным. Например: *хла́бная* квашонка; *ва́пенная* или *вапе́нная* (предназначенная для гашения извести) яма.

10. Изготовленный или добытый посредством орудия труда, обозначаемого производящим существительным. Например: *мере́жная* (пойманная мережей) рыба; *ручно́й* (изготовленный ручным способом, вручную) гонт.

11. Приводимый в движение, в действие силой того, что обозначается производящим существительным. Например: *ручна́я* бомба (граната); *ко́нная* молотилка, граблялка (широкозахватные грабли); *мото́рная* лодка, мельница; *тра́кторный* плуг.

12. Используемый или предназначенный для использования в то время, которое обозначается производящим существительным. Например: *ночна́я* рубаша; *дена́я* (дневная) одёжка; *по́стный* суп, *по́стное* масло, маслице; *пра́здничное* (выходное) платье, *пра́здничные* сарафаны.

13. Такой, во время которого проявляется действие или состояние, выраженное производящим существительным. Например: *свобо́дный* день; *по́стный* день; *голо́дный* пост (такой, во время которого бывает голод, не хватает пищи); *мяте́жный* год (такой, во время которого происходит мятеж).

14. Равный единице меры, веса, времени и т. п., обозначаемой производящим существительным. Например: *ме́сячный* отпуск; *ли́терный* (литровый) жбаночек; *пу́рное* место (участок земли, площадь которого равняется одной «пуре»).

15. Обладающий свойством, выраженным производящим существительным, которое воспринимается органами чувств. Например: *вкусный* пирог, *вкусная* рыба, груша, *вкусное* молоко, варенье, *вкусные* грибы, обабки (подберезовики), картофляники (картофельные лепешки); *холодный* ветер, *холодная* вода, *холодные* блины.

16. Отличающийся духовным или физическим качеством, выраженным производящим существительным (о живом существе). Например: *умный*, *вумный* человек, *умная* женщина, *умные* дети; *разумный* человек, мальченок, *разумная* дочка; *сильный* мужик, *сильной* Пётра; *капризный* (капризный) внучек, *капризные* дети; *глумной* (глупый, неразвитой) человек, *глумная* женщина; *начётный* (надежный) жених; *нахрапный* (нахрапистый) человек, *нахрапные* люди; *фанаберная* (фанаберистая) девка; *жалостный* (жалостливый) человек; *заботный* (заботливый) малец (парень); *фигурный* человек.

17. Склонный к действию, состоянию, выраженному производящим существительным. Например: *вредная* дочь, медяница (змеевидная ящерица); *разговорный* (разговорчивый) человек; *спорный* — который ругается и ругается (т. е. любящий спорить, ссориться, ругаться).

18. Испытывающий состояние, выраженное производящим существительным, страдающий от этого состояния. Например: *голодный* человек, котенок (котенок), *голодная* сирота, скотина, *голодные* янаты (ягнята); *больной* человек, *больная* скотина; *туберкулёзный* старик; *часоточные* дети; *духовичный* (страдающий «духовицей») человек.

19. Вызывающий, причиняющий, внушающий состояние, выраженное производящим существительным. Например: *смешной* старик, *смешная* картина; *страшной* шишок (черт), зверь, собака, человек, мужик, сон, дождь, *страшная* болезнь (болезнь); *вредная* жолачь (желчь у рыбы); *смеретная* (смертельная) болезнь (болезнь); *интересная* книга, картина в кины (кинофильм).

20. Распространяющийся на предмет (часть организма), обозначаемый производящим существительным. Например: *головная* боль; *сердечная* болезнь; *брюшная* горячка (тиф).

Некоторое количество прилагательных с суффиксом *-н-*, употребляющихся в рассматриваемых говорах, остается за пределами указанных словообразовательных типов в виду их

единичности, не вполне ясной семантики, переносного употребления, начинающегося процесса опрошения и по некоторым другим причинам. Например: *во́льный* малец (парень), *во́льный* магазин, *во́льная* грудина, *голова́шечная* полоса, *грамматичный* язык, *заво́дная* (породистая) корова, *казённая* байня (баня), *крёстный* ход, *ла́дный* малец, *ла́дный* шмат земли (земельный участок), *мо́дный* народ, *му́рная* работа, *нра́вный* характер, *отве́тный* председатель, *приро́дный* язык, *родна́я* сестра, *ры́бная* ловля, *сла́вная* погодка, *тандэ́тные* сапоги, *це́льный* (меткий) малец и др.

Семантический анализ отсубстантивных имен прилагательных с суффиксом *-н-*, употребляющихся в говорах русских старожилов Прибалтики, позволяет говорить о значительной близости (если не общности) словообразовательной типологии рассмотренных отсубстантивных образований в данных говорах и в современном русском литературном языке. Каждое из двадцати рассмотренных в статье словообразовательных значений в большей или меньшей степени характерно аналогичным образованиям русского литературного языка.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЯВЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРТ В РУССКИХ ГОВОРАХ ЛИТВЫ

Изучение современного состояния говоров дает возможность выявить в них черты наиболее устойчивые во временном и территориальном отношениях и черты, легче поддающиеся нивелировке, убывающие по той или иной причине. Для переселенческих говоров, не представляющих собой целостной территории, разбросанных большими или меньшими островками, какими являются русские говоры на территории Литовской ССР, весьма характерны отклонения от единой диалектной нормы, сочетаемость разных вариантов диалектных особенностей. Это наблюдается среди разных явлений: лексики, словообразования, формообразования, синтаксиса. Однако несмотря на такое расположение русских говоров в Литве, некоторые диалектные особенности распространены сплошь и не дают значительных отклонений даже в сторону общенародных особенностей. Это, прежде всего, характерно для ряда морфологических явлений наших говоров.

С этой точки зрения здесь рассматриваются три морфологических явления:

1) оформление ударных и безударных окончаний родительного, дательного и предложного падежей единственного числа существительных женского рода на *-а*, с основой на твердый согласный и ударных окончаний тех же существительных с основой на мягкий согласный¹;

2) оформление окончания творительного падежа существительных во множественном числе;

¹ Труднее определить характер гласного в безударном положении в абсолютном конце слова после мягких согласных. Здесь слышен краткий звук переднего ряда верхне-среднего подъема с большим или меньшим уклоном для разных территорий и информаторов в сторону и или э. Ср.: *в избѣ, в хаты, в зямлі; в дярэв'ь, к пажн'ь.*

3) оформление 3-го лица глаголов настоящего и будущего простого времени.

К морфологическим особенностям, наиболее последовательно проявляющимся в русских говорах Литвы, следует отнести одинаковое оформление родительного, дательного и предложного падежей существительных женского рода на -а, -я окончанием -ы (-и) и совпадение окончаний творительного и дательного падежей множественного числа. Это устойчивые явления, обнаруженные во всех говорах Литвы, откуда имеются записи, причем они характерны для информаторов разных возрастных групп.

Наличие окончания -ы (-и) для дательного и предложного падежей указанных существительных в говорах не зависит от согласного основы. Основа может оканчиваться на любой согласный — твердый или мягкий. Случаи раздельного звучания окончаний названных трех падежей редки и не выявляют никакой закономерности.

Об особой устойчивости этого диалектного явления говорит и тот факт, что оно сохраняется в русских говорах Литвы, соседних с белорусскими говорами, не знающими этого явления. Атлас белорусского языка не дает такой изоглоссы для соседних белорусских территорий (за исключением существительных женского рода с основой на ж, ч, ш, напр., на мяжы)². Более того, для говора русской (старобрядческой) деревни Фурманишки на территории БССР (Бреславский р-н Витебской обл., на границе с Игналинским р-ом ЛитССР)³, также характерно общее окончание -ы (и) для родительного, дательного и предложного падежей (в г'лавы в х'аты), несмотря на близкое соседство белорусских деревень, не знающих этого явления и вместе с дер. Фурманишки составляющих одно коллективное хозяйство.

Не менее устойчивой особенностью наших говоров является совпадение окончания существительных в творительном падеже множественного числа с окончанием дательного падежа. Распространена эта особенность повсеместно. Ее устойчивость также не следует объяснять воздействием близкородственных языков-диалектов. Диалектологический

² Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, Мінск, 1963, карты № 68, № 67.

³ Здесь и дальше опираемся на собственные записи, сделанные в деревнях Фурманишки и Германовка (БССР) в июле 1962 года.

атлас белорусского языка не дает такого совпадения окончаний для ближайших по отношению к нашим говорам белорусских населенных пунктов⁴. В незначительной степени оно отмечено северо-восточнее, ближе к территории Латвийской ССР. Встретившееся нам окончание -ам для творительного падежа наряду с -ами в говоре дер. Германовка (Бреславский р-н Витебской обл. — в атласе этот населенный пункт не обозначен), находящейся на границе с Игналинским районом Литовской ССР (рядом с русской деревней Поповкой), возможно, следует объяснять влиянием наших говоров. Устойчиво окончание -ам для творительного падежа и в русском говоре уже упоминавшейся деревни Фурманишки на территории БССР.

Таким образом, рассмотренные диалектные явления в русских говорах Литвы не дают противопоставлений. Эти явления наряду с другими объединяют острова русских говоров Литвы в единую систему.

Оформление 3-го лица глаголов настоящего и будущего простого времени в противоположность двум рассмотренным морфологическим чертам не представляет единства для системы наших говоров. Здесь наблюдается большое территориальное варьирование.

Обобщенно для всех русских говоров Литвы можно указать на следующие способы оформления глаголов в 3-м лице: т, т' или без конечного согласного. Однако сочетаемость этих трех способов различна для разных территорий этих говоров. Постоянным членом при этом является т твердое или т мягкое. Для некоторых районов т твердое — единственный способ оформления 3-го лица глаголов обоих спряжений (Бижайский, Кулишкский, Зарасайский говоры)⁵. Но есть говоры с минимальным по сравнению с другими появлением т. Так, меньше всего т характерно для б. Йонавского района⁶. У глаголов I спряжения в единственном числе т здесь редко встречается.

Разнообразие в произношении форм 3-го лица увеличивается, если учесть разный характер т мягкого. В говорах,

⁴ Указ. атлас, карта № 104.

⁵ Отклонения обнаружены для северо-восточной окраины Зарасайского р-на (окрестности м. Турмантас).

⁶ В. Н. Немченко. Говор русских старожилов Йонавского района Литовской ССР. Канд. диссертация. Вильнюс, 1964, стр. 104.

расположенных в белорусском пограничье, например в части говоров Игналинского и Зарасайского районов, наряду с т мягким наблюдается и цеканье.

Форма 3-го лица множественного числа глаголов I и II спряжений в наших говорах всегда произносится с конечным согласным: т твердым (чаще всего) и т мягким (возможно цеканье).

Из восьми возможных случаев диалектного произношения⁷ без т в формах 3-го лица в русских говорах Литвы отсутствие т наблюдается в единственном числе в следующих условиях:

- 1) у глаголов I спряжения с безударным окончанием (*плáча, дúмае*);
- 2) у глаголов I спряжения с ударным окончанием (*вяза́б, рас'ц'о́*);
- 3) у глаголов II спряжения с безударным окончанием (*л'у́бе, патхо́дз'е*).

Отсутствие т в двух последних условиях локализовано в б. Йонавском р-не. В других районах республики такое широкое отсутствие согласного пока не обнаружено. Сами носители говоров, в которых форма 3-го лица оканчивается на согласный, воспринимают формы глаголов I спряжения без т (*вяза́, нясе́*) как нечто чуждое, подлежащее насмешке.

Повсеместно и там, где форма 3-го лица без т не характерна, употребляется слово *можжа* (в значении «может быть»). В предложении оно является вводным словом. Это лексикализованная форма 3-го лица без согласного на конце, появившаяся не без влияния белорусского и польского языков (ср.: *можжа, поже*). *Можжет* как вводное слово встречается редко, обычно выступает форма *можжа*. Форма 3-го лица настоящего времени глагола «мочь» обычно произносится *мо́г'ит, маг'ит, мо́жет*. Ср.: *П'эстайт паго́да, можжа. Панра́в'ила, мо́жа, ёту рабо́ту. Ана́ яну́ прит'аша́йць ч'ім мо́жет. Он мо́г'ит зьблуд'и́цца.*

Наблюдающаяся неоднородность оформления глаголов в 3-м лице настоящего времени в говорах Литовской ССР может быть вызвана разными причинами: 1) варьированием этой формы на исходной для этих говоров территории,

⁷ См. Вопросы теории лингвистической географии. Москва, Изд-во АН СССР, 1962, стр. 241.

2) несколькими (не одной) исходными территориями, 3) взаимодействием с близкородственными языками, 4) влиянием нормированного языка. Наиболее вероятными причинами, на наш взгляд, являются две первые. Иначе трудно объяснить, почему на более густо заселенных двух территориях в Зарасайском и б. Йонавском районах численность русского населения достигает 10%⁸, отмечаются наиболее противопоставленные различия. Именно эти территории считаются местами обильного оседания русских переселенцев⁹. Несомненно, вопрос подлежит более детальному изучению в связи с историей заселения русскими Литвы и соседних территорий.

Наблюдение характера проявления тех или иных диалектных особенностей является необходимым в связи с лингвогеографическими проблемами изучения говоров. Учение о противопоставленных и непротивопоставленных явлениях (т. е. о явлениях, имеющих соотносительные члены и не имеющих их), возникшее при изучении больших диалектных территорий, интересно и в применении к островным говорам. Однако характеристика их особенностей в этом плане может быть иной. Так, непротивопоставленными явлениями в наших говорах, как было видно выше, оказались совпадение окончаний в родительном, дательном и предложном падежах единственного числа существительных женского рода и совпадение окончаний существительных в творительном и дательном падежах множественного числа. Эти явления не дают изоглосс на изученной территории, покрывая ее полностью. Они представляют собой общую черту сложной системы данных говоров. Оформление 3-го лица глаголов дает на территории Литвы ряд внутрдиалектных противопоставлений.

---

⁸ В. Н. Немченко. Русские старожилы Литвы и их говоры. Ученые записки Вильнюсского госуниверситета, Языковедение, VII. Вильнюс, 1963, стр. 70.

⁹ В. Н. Немченко. Фонетические и морфологические особенности говора русского населения Йонавского района Литовской ССР. Ученые записки Вильнюсского госуниверситета, Языковедение, I. Вильнюс, 1958, стр. 149.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИБАЛТИКИ

(по материалам русского говора Зарасайского района
Литовской ССР)

Русские говоры Прибалтики, оторванные от материковых говоров и в течение трех столетий находящиеся в разноязычном окружении, обладают рядом интереснейших синтаксических особенностей, которые представляют собой ценный материал как для исторической диалектологии и исторического синтаксиса русского языка, так и для вопросов взаимодействия языков близкого и более отдаленного родства.

Одна из этих особенностей — оборот с одиночным отрицанием вместо двойного в общеотрицательных предложениях.

Как известно, характерной особенностью структуры общеотрицательных предложений в современном русском литературном языке является то, что все они имеют одно отрицание (**не**) при сказуемом (простом или составном) и одновременно могут иметь второе отрицание (**ни**) в составе других членов предложения (подлежащего, дополнения, обстоятельства), синтаксически связанных со сказуемым. Например: *ни в Крыму, ни на Кавказе он не был; нигде он не ездил.*

Употребление двойного отрицания отличает русский язык от других индоевропейских языков (в частности, от немецкого, английского, французского), где, как правило, наличествует лишь одиночное отрицание. Но эта особенность не была изначально присуща литературному русскому языку.

По поводу проникновения в русский литературный язык конструкций с одним отрицанием вместо двойного существуют разные мнения.

Известно, что в древнерусском языке и в более позднее время (вплоть до XVIII в.) наблюдалось сосуществование двух конструкций типа *никто же не похулит, всякий похвалит* и *никто же похулит, всякий похвалит*, причем конструкция с

одним отрицанием считалась принадлежностью книжного (церковнославянского) языка как заимствование из греческого, а также латинского, а конструкция с двойным отрицанием считалась народной — такой точки зрения придерживались Ф. И. Буслаев, В. И. Чернышев, Л. А. Булаховский¹.

Так, В. И. Чернышев по этому поводу пишет: «Отсутствие не в обороте с двойным отрицанием, встречающееся в церковнославянских текстах (как подражание языку греческому), перешло и в старый русский книжный язык»².

Иной точки зрения придерживаются Ф. П. Филин и В. И. Борковский. Они считают, что оборот с одним отрицанием не был заимствованием из чужого языка. Об этом говорят не только памятники древнерусской письменности, в особенности деловой, но и материалы современных русских говоров. «Из народных говоров, в частности северо-западных, данная конструкция проникла в литературный язык, однако в нем не удержалась, поскольку большинство русских говоров ее не знало. Впрочем, частичное влияние церковнославянского языка на русскую письменную речь, совпадающее с диалектным, вполне вероятно»³ — к такому выводу приходят Ф. П. Филин и В. И. Борковский⁴.

Установлено, что во всех северных (и части среднерусских) говорах западной территории⁵ без определенной локализации отмечено употребление конструкции с отсутствием отрицания не при сказуемом, если оно синтаксически связано с каким-либо членом, выраженным отрицательным местоимением или наречием. Например: *Он нигде был* (Беломорский р-н, Карело-Финской ССР) (=нигде не был); *Как нигде жениуся, так и сиди дома* (Онежск. р-н Арханг. обл.)⁶; *Што ты, у нас ништо*

¹ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 522—523; В. И. Чернышев. Отрицание не в русском языке. Л., 1927, стр. 17; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Т. II. Киев, 1953, стр. 366.

² В. И. Чернышев, указ. соч., стр. 17.

³ Ф. П. Филин. Из наблюдений над синтаксисом северо-западных говоров. Ученые записки ЛГПИ им. Герцена, т. 69, 1948, стр. 161.

⁴ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 405.

⁵ Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 197.

⁶ Ф. П. Филин, указ. соч., стр. 161.

был (Пороховск. р-н Псков. обл.)⁷; *За всю жись мне никуда приходилось ходить* (Волховск. р-н Ленинград. обл.)⁸; *Никто ему велел шататься-то* (Вятская губ.)⁹; *Ништо ему и здеется* (Холмогорск. у. Арханг. губ.)¹⁰; *Некто гледит; Некто осудит* (Вологодск. обл. Устюжнинский р-н)¹¹; *Некуда денется* (Костромск. губ.)¹²; *Ништо такое будет* (Белозерск. у. Новгород. губ.)¹³ (=ничего дурного не будет); *«Никого и разбудил»* (Вологод.)¹⁴ (=никого не разбудил).

Спорадически подобные конструкции отмечаются и в некоторых других говорах (напр. в брянских: *Это ништо тебе виноват*¹⁵; в пензенских: *Нихто ж яво баитца*¹⁶).

Этим, по существу, и ограничиваются сведения об употреблении конструкции с одним отрицанием в русских материковых говорах.

Однако, на наш взгляд, чтобы правильно решить вопрос о данной конструкции и ее происхождении, необходимо выйти за пределы территории данного языка и рассмотреть распространение ее на территории соседних близкородственных языков, а также языков более отдаленного родства, что на сегодняшний день еще не сделано.

В настоящей статье мы постараемся описать особенности конструкций с одним отрицанием в русских говорах Прибалтики, опираясь на материалы Зарасайского говора ЛитССР, где в течение нескольких лет нами проводились наблюдения, используя данные о русских говорах Дагдского района Латвийской ССР, опубликованные в работах М. А. Новгородова¹⁷,

⁷ Ф. П. Филин, указ. соч., стр. 161.

⁸ Там же.

⁹ Сб. ОРЯС, т. 87, СПб, 1910, отв. 222.

¹⁰ СПб. ОРЯС, т. 73, СПб, 1903, стр. 84.

¹¹ Картотечные материалы Большого Северного тома атласа русских народных говоров, хранящиеся в Ин-те русского языка АН СССР, № 266. (423).

¹² Сб. ОРЯС, т. 73, СПб, 1903, отв. 61.

¹³ Сб. ОРЯС, т. 87, СПб, 1910, отв. 162.

¹⁴ А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 198, там же см. и другие примеры.

¹⁵ В. И. Чагишева. К изучению курско-орловских говоров (наблюдения над говорами Суземского р-на Брянской обл.). Ученые записки ЛГПИ им. Герцена, т. 92, кафедра русского яз., 1954, стр. 188.

¹⁶ Н. Ф. Нефедов. Говор сел Пустыни и Бельни Пензенской обл. Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III. М.—Л., 1949, стр. 31.

и частично привлекая известные нам материалы белорусских говоров, а также литовского языка (говоров).

Рассмотрим этот материал подробнее.

В русском говоре Зарасайского района Литовской ССР, занимающего северо-восточную часть Литвы и граничащего на севере с Латвией, на востоке — с Белоруссией, в речи старшего поколения отмечены следующие структурные разновидности отрицательных конструкций.

1. Одно отрицание вместо двух наблюдается в отрицательных предложениях (чаще сложных по составу) при наличии отрицательной частицы **ни** перед повторяющимися однородными членами, которые синтаксически связаны со сказуемым, либо в начале простых предложений, входящих в состав сложного:

Вот меня нет, и тихо-глухо в деревне: ни баба пройдёт, ни собака гумнет. (=ни баба не пройдет, ни собака не гумнет).

Ни ты будешь знать, ни она будет знать тебя. Приходите разлучаться (=ни ты не будешь знать (ее), ни она не будет знать тебя).

Ни я жебровать (т. е. нищенствовать, побираться — белорусск.) *пошла, ни я землю потеряла.*

В нас дети по людям жили. Ни их оденешь, ни их воспитаешь.

Ни блоха вкусит, ни клоп, если шабельнику в постелю положишь.

Приказали замуровать капличку (=часовню). *Ни окошка оставить, ни дверей.*

Как видно из примеров, здесь **ни** выполняет двойную функцию — соединительного союза, связывающего однородные члены или целые предложения, и одновременно функцию отсутствующего отрицания **не** при сказуемом.

Обычно **ни** всегда стоит на первом месте, перед подлежащим или дополнением, и повторяется при них.

В некоторых случаях интонация перечисления явно присутствует, однако в предложении представлен лишь один

¹⁷ М. А. Новгородов. Говор русского старожильческого населения Дагдского р-на ЛатвССР. Канд. диссертация. Даугавпилс, 1958; его же: Из наблюдений над синтаксисом говора русского старожильческого населения Дагдского р-на Латвийской ССР, Ученые записки Даугавпилсского пединститута, в. I, 1958, стр. 311—313.

член, связанный со сказуемым и имеющий при себе отрицание ни в значении «и не». Перечисление здесь как бы обрывается, остается незавершенным:

Шаники (=название блюда) — *это в Расеи. Такой моды в нас нету. Ни мы их пекли, шаники эти. . .* (=мы их и не пекли, шаники эти. . .).

Дети придут на ягоды. Ни я их гоню. . . ядут и все (=я их и не гоню. . .).

Отмерили нам шестьдесят соток. Ни улица нам считалась. . . (=улица нам и не считалась. . .).

Подобные конструкции отмечены и в русском говоре Дагдского района на территории Латвии, например: а) при перечислении ряда однородных членов: *Адин живёт, ни к аднаму едит, ни к другому* (не едет ни к одному, ни к другому сыну); б) при незавершенном перечислении: *Мая жизнь слабая: ни я; каровушку имею. . .*¹⁸

В русских говорах на территории материка нам не встретилось конструкций с употреблением ни при перечислении однородных членов, хотя в некоторых говорах западной части РСФСР имеются единичные случаи, весьма похожие на незавершенность перечисления: *Ни лясоу там была*¹⁹ (Брянская обл.); *Они заихали, ни местов знают, где пройти* (Волховский р-н Ленинград. обл.)²⁰.

В памятниках древнерусской письменности засвидетельствованы подобные конструкции с отрицанием ни при повторяющихся однородных членах и отсутствием отрицания перед сказуемым, например: «Ни еи покорюс, ни воля оканьныя сотворю» (Киево-Печерский патерик, список 1406)²¹; «...настанеть время егда ни в горѣ сеи, ни въ иерслмѣ поклонятся Бви дхмѣ» (К. Тур. XII. сп. XIV)²²; «Тако възхощи жити, да ни боле тебе могоущеи быша, тебе обидѣли, но ни ты боудеши страшень меньшимъ своимъ»; «Смѣшная и зминоу мдрость с голоубинымъ ни моудрости възврати (ть) на

¹⁸ М. А. Новгородов. Из наблюдений над синтаксисом говора русского старожильческого населения Дагдского р-на Латвийской ССР, стр. 312.

¹⁹ В. И. Чагишева, указ. соч., стр. 118.

²⁰ Ф. П. Филлип, указ. соч., стр. 160.

²¹ Картотека Словаря древнерусского языка (в дальнейшем сокращенно: Карт. СДР) Института русского языка АН СССР, № 391.

²² Там же, № 21.

лоукавство, ни простоты оставить бес промысла». (Пчела, Семенов,)²³.

В некоторых белорусских говорах (на территории, примыкающей к Литве) имеем: *Я убрала и пошла. А что мне больше надо? Ни я за двух ем, ни за двух сплю* (Гродненская обл.) (=я и за двух не ем, и за двух не сплю); *Когда она приносила* (посуду), *ни я ад яе брала, ни я падавала* (Гродненская обл.) (=я от нее и не брала (посуды), я и не подавала). *Якая яна хазяйка? А што ей там хата?! Ни яна ведае той хаты...* (Гродненская обл.) (=она и не знает той хаты...).

Аналогично указанным выше примерам, в литовском языке наряду с двойным употребляются конструкции с одиночным отрицанием *nei*, повторяющимся в начале простых предложений, входящих в сложное, например: *Nei saule šildo, nei mėnuo šviečia* — буквально: ни солнце греет, ни месяц светит; (=ни солнце не греет, ни месяц не светит); *Atrodo, nei lietus buvo, nei atodrėkis, o gatvėje slidū* — кажется, ни дождь был, ни оттепель, а на улице скользко (=ни дождь не был, ни оттепель, а на улице скользко); *Jis pasidarė visai kaip svetimas: parėjes namo, nei jis valgo, nei su savo vaikais pažaidžio*. Он совсем стал, как чужой: придет домой — ни он поест, ни он с детьми своими поиграет (=ни он не поест, ни он с детьми своими не поиграет).

На близость славянского *ни* с литовским *nei* указывает А. Мейе. По этому поводу он пишет: «В литовском языке повторение *nei* имеет то же значение, что и славянское повторение *ни*...»²⁴

Сравните в латышском языке: *Ne rociņas piekusušas, ne kājiņas nogurušas*²⁵

— буквально: Ни рученьки утомились, ни ноженьки устали (=ни рученьки не утомились, ни ноженьки не устали).

II. а). Отсутствие отрицания *не* при сказуемом, если в предложении *ни* повторяется перед другими членами (подлежащими, дополнениями, обстоятельствами), а также в составе обобщающего члена — отрицательного местоимения или наречия (*никто, ничто, никуда* и др.):

Он достал такого струменту залезного, что весь вагон вы-

²³ Там же, № 82.

²⁴ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 382.

²⁵ Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika, 2, Rīgā, 1962, p. 883.

пустил. Когда очнулся, ни поезда, ни народу слышно — ничего (=ни поезда, ни народа не слышно — ничего).

Вышла я утром. Стою, стою: ни роса обита, ни след пробит — ничего (=ни роса не обита, ни след не пробит — ничего).

Девочка любит меня. Ни она призрела, ни конфетинку ей дала, а ничего (=ни она не призрела, ни конфетинку ей не дала, а ничего).

Параллельно употребляются примеры как бы с незаконченным перечислением. В них присутствуют только начальный и обобщающий члены, причем второе сказуемое обычно опускается ввиду его дублетности первому (оно ясно из самой ситуации):

В меня нога болит. Ни нарыву мне было, ничего мне... (=ни нарыву мне не было, ничего мне (не было)).

Я человек безграмотный, слепой: ни буквы знала, ничего...

Хороший квас: ни дрожжей слышно, ничего...

В нас корова одна, доим. Ни мы в молочную носим, ничего...

А что ты жила в нас! Ни я кормила тебя, ничто...

Он ни макароны ест так, как надо, ничего...

Ноги у меня болели. Билась, билась — слезла (=влезла) на печку, ни они отошли, ничто...

Урожай нонеча нукудышный: ни в картошины вдолбнуть, ничто...

От зубу голова болит. Ай, ни я кушать могу, ничего... Мученье, такое мученье!

(Студенты приехали в колхоз). Дед смеется: «Ай, что у вас получится: ни вы работать будете, ничего...»

Как кинуло в зыбку! Ни яну зыбало, ничто яну...

В данных примерах порядок слов тот же: на первом месте перед подлежащим или дополнением стоит отрицание **ни**, перед сказуемым же оно опущено, зато отрицательный смысл сохраняется и даже усиливается благодаря наличию отрицательного местоимения **ничто (ничего)**, замыкающего высказывание.

То же в русских говорах Латвии, например: «Придут: ни аны уроки справляют, ни аны учут — ничаво»; «Ни мы работать яво зъставляем, ничаво»²⁶. Иногда в одном и том же

²⁶ М. А. Новгородов, указ. соч., стр. 312.

предложении возможны смешанные случаи: без **не** при сказуемом и с **не** при нем.

Однако здесь следует выделять те случаи, когда отрицание **ни** находится непосредственно перед сказуемым, как-то:

Ни болели мы, ни хворели мы, ничего. А теперь поглядишь — все дохтори и дохтори.

Как полетели на луну, так погода спортилась. Ни долететь им туды, ни что.

Вероятнее всего, в этих примерах перед сказуемым обычное отрицание **не**, которое по фонетическим причинам звучит как **ни**, что свойственно вообще русскому произношению (т. е. не болели мы, не хворели мы — ничего не было).

В других русских говорах на материке подобные конструкции встречаются редко, в виде единичных примеров. Например, в говоре тамбовских переселенцев Челябинской области: «*Два месиць ни кароф даилъ, ничаво*»; «*Ни клуб было, ничаво мы ни вид'вли*»²⁷.

В древнерусском языке в этих случаях также возможен пропуск **не** перед сказуемым²⁸. Например: «*И сего рад прозван быс лободьникъ ибо николиже хлѣба вкоуси, развѣе просфоуры, ни овоща же каког, ни пития*» (К. -Печ. пат., сп., 1406)²⁹; «*Никто же может соли зобати, ни въ печали смыслити*» (Сл. Дан. Зат.)³⁰.

Аналогичные конструкции можно встретить в некоторых белорусских говорах. Например: «*Ни кали было, ни кали будзиць*» (дер. Соломирье Полоцкого р-на Витебской обл.)³¹ (=никогда было, никогда будет, т. е. никогда не было, никогда не будет); *Я бульбу порезала: ни ён есць будзит, ничто...* (Гродненская обл.).

Ср. в некоторых польских говорах, например, в Вильнюсском р-не: *Ро со wam placic'?* *A ni шу ргасијесіе, а ni со...* (=зачем вам платить? Ни вы работаете, ни что...)

В литовском языке (преимущественно в разговорно-про-

²⁷ Г. А. Турбин. Говор тамбовских переселенцев в Челябинской области. Ученые записки Челябинского Гос. пед. института; т. II, в I, 1956, стр. 185.

²⁸ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб, 1895, стр. 355.

²⁹ Карт. СДР, № 410.

³⁰ И. И. Срезневский, указ. соч., стр. 355.

³¹ Картотека белорусских говоров Ан БССР, Минск.

сторечной форме) соответственно имеем: *Aš dabar taip pri-pratau: nei valgyt gaminu, nei nieko* — я теперь так привыкла: ни кушать готовлю, ни ничего... (=ни кушать не готовлю, ни ничего (не делаю); «*Močiūtė sako, bus graži vasara*». «*Nei močiūtė žino ten, nei nieko*». — Матушка говорит, что будет хорошее лето. = Ни матушка знает там, ни ничего... (=Матушка и не знает там, и ничего...).

б) Кроме того, в Зарасайском говоре имеются конструкции, очень близкие к указанным во второй разновидности (см. II разд.) и отличающиеся от последних по структуре лишь тем, что замыкаются они местоимением **что** (**чего**) непосредственно перед которым нет отрицания, например:

Парень ничего, гожий до работы: ни он матюкается, ни он что...

Бывало, снег большущий навеет, катаемся с горы. Ни нас кашель брал, ни нас что...

Я жила с тринадцати лет в хозяинах. Ни я когда в нее (хозяйки) стащила, ни я чего...

А такой парень был!!! Ни он спорится (=ругается), ни он куда (пойдет). Но вот эта водка сгубила.

Подумаешь, ученый какой! Ни он ракеты какие знает, ни он что...

Ни я работала, ни я чего...

Обычно здесь наличествует перечислительная интонация; иногда перечисление обрывается на первом члене, как это наблюдалось и выше:

Яну (девочку) принесли с больницы. Лежит, ничего: ни она говорит... Ей в головки вода налилась.

То же отмечено в русских говорах Латвии: «*Ни он работает, ни он что...*»³²

В других говорах подобных конструкций обнаружить не удалось.

Такие конструкции могут вызывать различное толкование. Они могут обозначать: а) повторение **ни** при подлежащих, дополнениях, обстоятельствах, данных без обобщающего слова — отрицательного местоимения или наречия (т. е. I разновидность), напр., *Бабы все про гада рассказы-*

³² Картотека словаря русских говоров кафедры русского языка Латвийского государственного университета им. П. Стучки.

вали. Ай, ни там видели, ни там что... это сисстари так говорят (т. е. там и не видели, там и ничего не было; вопросительно-относительное местоимение **что** в говоре довольно часто употребляется в значении неопределенного **что-либо**); б) *Ни там видели, ни там ничего...* (не было) — в этом случае отрицательная частица **ни** рассматривается уже в составе отрицательного местоимения **ничто**.

Мы считаем, что в данном случае перед нами одна из разновидностей конструкций II группы с отрицанием **ни** при повторяющихся членах (подлежащих, дополнениях, обстоятельствах), в которой обобщающий член — отрицательное местоимение (**ничто**) заменено утвердительным (**что**), а второе сказуемое опущено, что свойственно разговорной речи.

Возможность такой замены вполне допустима, поскольку в говорах известны различные варианты с употреблением отрицаний **ни** и **не**, а именно:

1) Наличие отрицания **не** перед сказуемым при отсутствии **ни** в составе местоимения: «*Я не хочу чего*»³³ (= я не хочу ничего).

2) Наличие отрицания **ни** в составе местоимения и отсутствие отрицания перед сказуемым: «*У нас никто был*»³⁴ (= у нас никто не был).

3) Наличие отрицания **ни** в составе местоимения при употреблении соединительного союза **и** на месте **не** перед сказуемым: «*Никто и пришел*»; «*Некто и велел*» (Вологодск.)³⁵ (= никто не пришел; никто не велел).

4) И, наконец, своеобразное употребление частиц (**не**, **ни**) в составе неопределенных местоимений: «кто не то»; «кому не то» (вместо «кто-нибудь»; «кому-нибудь»)»³⁶.

Все приведенные выше факты употребления **ни** и **не** относятся к таким отрицательным предложениям, где нет перечисления (из них все обороты, кроме двух, представляют собой редкое явление).

³³ Карточечные материалы Северо-западного тома диалектологического атласа русских говоров АН СССР, № 210; см. об этом же — «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 197. Об употреблении подобного оборота в древнерусском языке см. И. И. Срезневский; указ. соч., стр. 355.

³⁴ Карточечные материалы Северо-западного тома... № 210.

³⁵ А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 198.

³⁶ Сб. ОРЯС, т. 73, СПб, 1903, стр. 131.

Однако ни при перечислении однородных членов (или в начале простых предложений, входящих в состав сложного предложения), как известно, приравнивается по значению к *и* и *не*, а отсюда создаются более широкие возможности употреблять *ни* в соответствии с соединительным союзом *и* либо в соответствии с отрицанием *не*, что мы и обнаруживаем в изучаемом говоре.

На наш взгляд, здесь лишь различные разновидности одного явления, свойственного русскому языку в далеком прошлом, — употреблять одно отрицание вместо двух.

Данная конструкция также имеет параллель в литовском языке, где она употребляется в разговорно-просторечном стиле: *Mąn dantis skauda, nei aš gydausi, nei ko (kq)* — У меня зуб болит. Ни я лечусь, ни я что... (=я и не лечусь, я и ничего (не делаю)); *Nei aš tave maitinau, nei ką* — Ни я кормила тебя, ни я что... (=я и не кормила тебя, я и ничего (не делала)).

Наряду с этим следует выделять в исследуемом говоре те случаи, где отрицательная частица *ни* уподобляется повторяющемуся разделительному союзу *не то... не то*, служащему для связи целых предложений либо однородных членов при незаконченном перечислении:

Вот он привез мне этот плащ. Ни я плащ этот хочу, ни я чего... (=не то я хочу этот плащ, не то что-либо другое...).

Лечили бабушку травой. А трава — ни это нужно, ни это поможет (=не то это нужно, не то это поможет).

В этом случае *ни* не выполняет функцию отрицания при сказуемом (предложение утвердительное).

III. Изредка в русских говорах Латвии встречается 3-я разновидность отрицательных конструкций — оборот типа «зимой туда никак проехать»³⁷, т. е. непарное отрицание в составе местоимения или наречия без перечисления.

Эта конструкция, как уже говорилось (стр. 118), употребляется преимущественно в северных и части среднерусских говоров западной территории.

Подобные конструкции спорадически наблюдаются и в белорусских говорах без определенной локализации. Например: *Ня дзе дзеніся, пад зямлей найду* (дер. Соломирье Полоцкого р-на Витебской обл.) — нигде денешься, под зем-

³⁷ М. А. Новгородов, указ. соч., стр. 312.

лей найду (=никуда не денешься, под землей найду); *Раздай свайо, а цяпер нядзе пазычыш* (дер. Куписк Новогрудского р-на Гродненской обл.) — раздал свое, а теперь нигде одолжишь (=роздал свое, а теперь нигде не одолжишь); *Нехта яго гнаў у тэяа примаки* (дер. Шоломы Славгородского р-на Могилевской обл.) — никто его гнал в эти примаки (=никто его не гнал в эти примаки); *Ня йдзе будзिश, далёка ни уцячэш* (дер. Пишчишки Дубровинского р-на Витебской обл.)³⁸ — нигде будешь, далеко не убежишь (=нигде не будешь, т. е. куда не денешься).

В изучаемом говоре данную конструкцию обнаружить не удалось.

В литовском языке в этих случаях, как правило, употребляется конструкция с двойным отрицанием (напр. *Niekas nežino* — никто не знает).

Таким образом, в Зарасайском говоре наиболее широкое распространение имеют обороты с непарным *ни* при однородных членах простого предложения либо при повторяющихся членах сложного предложения, причем употребительность данных оборотов в говоре объясняется, по-видимому, наличием аналогичных оборотов в окружающих языках (говорах) (в частности, в литовском, в белорусском).

В этом отношении изучаемый говор наиболее близок к русскому говору Дагдского района Латвийской ССР.

Рядом с указанными выше отрицательными предложениями, составляющими одну из характерных особенностей изучаемого говора (которую, однако, нельзя считать всеобщей)³⁹, в нем широко употребляются и обычные для современного русского литературного языка предложения с двойным отрицанием:

Никому я не корилась, никому я не кланялась.

Она не имела ни дома, ничего, тягалась по чужим квартирам.

³⁸ Картотека диалектологического атласа белорусских говоров АН БССР, Минск.

³⁹ В русском говоре Дагдского района Латвийской ССР, по мнению М. А. Новгородова, употребление указанных конструкций при наличии перечисления является нормативом — см. М. А. Новгородов, указ. соч., стр. 313. Однако замечание о нормативности их вызывает у нас сомнение, поскольку и на территории Латвии эти конструкции отмечены в основном только в речи старшего поколения.

Там в Самарканде не надо ни корму призапасать, ничего. Его никто не нарушает.

* * *

На основании рассмотренного материала можно сделать следующие выводы:

1. В русских говорах Прибалтики в общеотрицательных предложениях известны три разновидности одиночного отрицания (в соответствии с двойным в литературном языке):

а) отсутствие **не** перед сказуемым при наличии повторяющегося отрицания **ни** перед однородными членами простого предложения в начале простых предложений, входящих в состав сложного.

В этом случае отрицание **ни** выполняет двойную функцию: соединительного союза, связывающего однородные члены предложения либо целые предложения, а также функцию отсутствующего отрицания при сказуемом, т. е. приравнивается к значению **и не**. Тип: *В нас дети по людям жили, ни их оденешь, ни их воспитаешь*; (=их и не оденешь, их и не воспитаешь); *Тихо-глухо в деревне: ни баба пройдет, ни собака гумнет*, (=ни баба не пройдет, ни собака не гумнет).

б) Отсутствие **не** перед сказуемым, если в предложении отрицание **ни** повторяется перед другими членами, а также имеется в составе обобщающего слова — отрицательного местоимения или наречия, причем иногда отрицательное местоимение (**ничто, ничего**) может заменяться здесь утвердительным (**что, чего**).

Когда очнулся (он), ни поезда, ни народа слышно — ничего (=ни поезда, ни народа не слышно — ничего); *Ни я работала, ни я чего...* (=я и не работала и я ничего (не делала)).

в) Непарное отрицание без повторения **ни**:

Зимой туда никак праехать.

2. По территориальной отнесенности и степени употребительности этих конструкций I и II разновидности (см. 1. а, б) представляют собой явления, довольно широко распространенные в островных русских говорах Литвы и Латвии, однако в материковых говорах они отмечены крайне редко, лишь единичными примерами в некоторых говорах. III разновидность (1. в), наоборот, отмечена во всех северных и части

среднерусских говоров западной территории материка, но в говорах Прибалтики встречается очень редко (напр., в Латвии).

3. Употребительность ряда аналогичных конструкций в других славянских (в частности, белорусском), а также балтийских (литовском, латышском) языках (говорах) свидетельствует о древности данного явления, однако это еще ничего не говорит о правомерности считать его заимствованием. Можно предполагать, что это явление исконно было присуще части восточнославянских (как и прибалтийско-финских) диалектов и сохранилось в них донныне, то есть, что это явление субстратного характера.

4. Однако отсутствие в программе для составления диалектологического атласа русского языка специального вопроса об употреблении одиночного отрицания и вызванная этим определенная ограниченность примеров по говорам не позволяет нам считать все высказанные предположения окончательными.

В силу этого необходимо включить вопрос о типах отрицательных предложений в общую программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка и, в первую очередь, — для составления атласа русских говоров Прибалтики.

БЕЛОРУССКАЯ ЛЕКСИКА В ГОВОРЕ РУССКОГО СЕЛА ЛЕОНТЬЕВА ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Старообрядческое русское село Леонтьево, по сведениям историков, находится на белорусской земле более двух веков. Естественным следствием длительного пребывания в белорусском окружении является наличие в говоре значительного количества слов этого языка.

Говор Леонтьева — южнорусский, поэтому в его словарном составе выделяется большой пласт, общий для южнорусского наречия и белорусского языка. Не касаясь этого южнорусско-белорусского лексического пласта, рассмотрим в данной статье те лексемы, белорусский характер которых выступает совершенно категорично. Они могут быть свойственны также украинскому, польскому и каким-либо еще славянским языкам, но в наш говор они пришли именно из белорусского языка. Эти слова обычно отсутствуют в «Толковом Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля и других диалектных словарях русского языка либо, при наличии некоторых из них, имеют отличия семантические, звуковые, грамматические.

Белорусские слова в говоре неодинаковы по своему характеру. Одни из них пришли из литературного языка, другие — из диалектов. Одни представляют собою лексемы, отсутствующие в русском языке, другие, при полной или относительной общности звукового комплекса, имеют иное семантическое наполнение; третьи характеризуются спецификой грамматико-словообразовательного оформления, четвертые — фонетическими особенностями.

Среди белорусских слов говора находим слова, связанные с природой, например: *заростник* (*Зáръсьник* — *этъ мálый лес такóй, нъ синакóси будит там дисýтка два дирёфцъф, там грибý, этъ зáръсьник*; ср. белорусск. *зараснік* — заросль,

поросль; кустарник¹; **сухостѡйна** (*лес, сухія пѡлки — сухостѡйна у нас нѣзывают*); **слѣвни** — род змей; (*Нѣ лугу многа — сѣливни гадюкѣми ѡих нѣзывают*); **квѡдра** — четверть, фаза луны (*«На-квѡдри дощ пайдѣт . . . Пѣрвѡѡй квѡдра, фтарѡя квѡдра . . . пасѣлѣдня квѡдра — схот»*).

Лишь одно слово отражает далекое прошлое, известное старшему поколению по рассказам дедов: *«Дядѣ нашь пригѡн служѣли, три дѣня в нидѣлю штоль»*; ср. белорусск. *прыгѡн* — «крепостное право».

Целый ряд слов по своей семантике касается человека, его свойств, поведения и т. п.: **працовитѡѡй** («трудолюбивѡѡй»; заметим, что В. И. Даль приводит существительное *праца* с пометами «юж. зап.» — «труд, работа, занятие» и *працовать*, *прасовать* с пометами «юж. зап. ниж.» — «работать, делать, трудиться», но этого прилагательного в Словаре нет); **доморѡслѡѡй** («свой, домашний, доморощенный»: о зяте, который вымыл руки и ищет полотенце, женщина сказала: *«Найдѣтъ, он дѣмарослѡѡй»*; ср. белорусск. *дамарѡслѡѡ*); **лѡплѣный** («латанѡѡй, в заплатѡх»; *«Идѣтъ какой лѡплѣнѡѡй . . . в заплатѣнѣм, ф старѣм — лѡплѣнѡѡй»*; ср. белорусск. диалектные *лѡплѣны* — «чиненѡѡй, латанѡѡй», *лѡпѣць* — «чинить, латать»² однозначен с ним смоленский глагол *лѡпить*³, а также *лѡпѣк* — «заплата»⁴).

¹ БРС, стр. 306. В работе приняты следующие сокращенные обозначения словарей:

БАС — Словарь современного русского литературного языка, Т. 1—17, М.—Л., 1950—1965.

ТСУ — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1—IV, М., 1935—1940

РБС — Русско-белорусский словарь. Под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебки. М., 1953

БРС — Белорусско-русский словарь. Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. Изд. 4-е. Под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. СПб.—М., 1913—1914

ОС — Опыт областного великорусского словаря. СПб, 1852

ДОС — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб, 1858

Добровольский — В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914

Носович — И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб, 1870

ДСМ — А. В. Миртов. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929

² БРС, стр. 413.

³ Добровольский, стр. 367.

⁴ ОС, стр. 101.

В южнорусских говорах слово **хата** — обычное наименование жилища. В. И. Даль приводит и производное в составе словосочетания «*хатное тепло, избное, комнатное*»⁵. БРС переводит это прилагательное словами «домашний», «избяной», «комнатный». Первое из этих значений имеется и в нашем говоре, его следует считать результатом белорусского влияния: *Виньчають ф хати: дяк и м'ялadyi, (еще) свае ш хатня людi*. Последнее значение можно проиллюстрировать выражением *цвяты хатня* (т. е. комнатные цветы).

Белорусское слово **злѡдзей** («вор») вполне ассимилировано говором: «*Взраваць — то злѡдий у нас нязывайтца*».

Белорусский глагол **гадаваць** значит «растить, выращивать, возвращать; (детей — еще) воспитывать»⁶. В Словаре Даля в данном значении он приводится с указанием на его украинский и белорусский характеры и на то, что «слово это употрб. в соседних русских губерниях»⁷. В нашем говоре имеется не только этот глагол, но и его префиксальные образования: *выгѡдзвѡць нада* (ребенка); *гѡдавала, гѡдавала — и выгѡдзвѡла сибѣ на-радзьсьть. Харошэю карбѡку нѡнчѣ выгѡдзвѡла; Дать (корму)... худѡбу угѡдаваць*».

Белорусские заимствования в говоре связаны и с другими сторонами жизни — производственной деятельностью, бытом.

Не вызывает сомнений заимствованный характер слова **насе́нне** («семя, семена», в говоре — лишь о семени льна; «*Насе́нныя — с ыльнѡ, альяно́я насе́нныя*; «*Але́й — из насе́нныя лёну*»).

Несмотря на наличие слова **бу́льба** в некоторых русских говорах — псковских, смоленских, новороссийских⁸, тульских (в последних так называют тыкву)⁹, заимствование его нашим говором из белорусского языка очевидно. Из производных от этого корня с белорусским совпадает **бульбо́вник** — «картофельная ботва»; наряду с ним в говоре существует и равнозначное **бу́льбишник**, не обнаруженное нами в словарях, как и **бу́льбишный**, эквивалентный белорусскому *бульбяны*: «*Лѡдушкi — э́та бу́льбишнѡй липѣшкi*»; «*Пирагi пиклi бу́льбишнѡй бѡльшы...*»; «*Ала́дыи бу́льбишныи сиво́дня*

⁵ Т. IV, стр. 1170.

⁶ БРС, стр. 196.

⁷ Т. I, стр. 900.

⁸ Даль, т. I, стр. 345; ОС, стр. 17.

⁹ ДОС, стр. 14.

будуть»; «Утрѣм сваріли суп бѹльбишый». Последние два слова, вероятно, следует рассматривать как соединение белорусской лексемы и русского словообразовательного инвентаря.

К белорусским относим и слово **жѣтнице**: «... па ржѣвнику пагналі кароф, а то скажучь: па жѣтнице»; «Сичас рош убираюць кѣнбайным, жѣтнице рѣўненькѣя»; «На жѣтнице рѣзаслаілі лён»; ср. белорусск. *жѣтнішча* — «ржанице, ржище»¹⁰. В Словаре Даля оно представлено как новгородское, значение его иное: «пашня, где по нѹви или по отлежалой залежи посеян ячмень»¹¹.

В соответствии с русским существительным «горбыль» в говоре употребляется белорусское **апѣлак**: «Абапѣлки, апѣлки — дѣрвѣ абрызѣюць з бакѣф, а патѣм ужѣ дѣски, мѣжыць быць чытѣри апѣлки»; «Апѣлки, апѣлк — ѣта калѣда (т. е. бревно) апѣливѣйтца с краю, пѣлучѣйтца чытѣри апѣлки». Белорусским является и название хранилища для овощей, бурт: «Карѣшка — и ф пѣгриби, и пѣд мастѣм, и ц капѣц. Капѣц — выкапѣвѣйтца в зямлѣ нимнога... лапѣтѣй падрѣвнивѣюць, срѣзу свѣпюць бѹльбу — нѣ зямлѣ, патѣм — пѣсыпаюць залѣй; ѣтѣ фсѣ варѣжучь — ат мышѣй... патѣм — салѣмѣй, дѣля типлѣ, свѣрху — зямлѣй. Варѣжѣк — штоп вѣздух прѣхадѣл».

Разговорным помечено в БРС слово **касѣ** — «селезенка»¹², которое в говоре употребляется применительно к животным и осознается более привычным, чем его русский эквивалент: «Силѣзѣнка есьць — но па нѣшѣму касѣ, иѣ завѣць ни силѣзѣнкай, а касѣй — у свинѣй»; «Силѣзѣнку у карѣвы, тилѣнка нѣзывѣюць касѣ. Када зѣкалѣли кѣбанѣ, то сварѣли касѣ и зажѣрили». Сомнительной представляется связь с этим словом смоленских *косѣтѣй* — «эпитет селезня», *косѣтенький* — «с косичками, эпитет селезня»¹³.

К белорусским в говоре принадлежит и слово **крыж** («задняя часть туловища лошади, круп»; «Крыш — ѣта заднѣя чась сыпины. Астарѣжна, ни бѣй канѣ пѣ крыжѣ»). В говоре имеется также прилагательное **крыжѣстый** («Крыжѣстый

¹⁰ БРС, стр. 269.

¹¹ Т. I, стр. 1353.

¹² Стр. 383.

¹³ Добровольский, стр. 350.

конь», т. е. с широким крыжем; «*Вот конь харбиный, крыжыстый*»), отсутствующее в БРС.

Ни в одном из просмотренных русских диалектных словарей не нашли мы глагола **явкать**, являющегося белорусским соответствием (*яўкаць*) литературному русскому «мякать»: «*Кóшка яўкэить*»; «*Кóшка яўчить*»; *Што ты явкэйиш усё урэмя, есьть зэхатэла?*». В говорах тверских отмечено сходное с этим глаголом имя существительное *явленяты* — «ягнята»¹⁴, возможно, звукоподражательного происхождения.

Белорусскими следует считать существительное **волночэска** («*Волну драць ёздили за сбрэк вёрст. У нас вълначóськ нь былó*»; ср. белорусск. *ваўначóска* — «шерсточесальная машина (фабрика)»¹⁵, ср. также тульск., курск. *волнотép* — «шерстобит»¹⁶; **копаница** («орудие для прополки, мотыга»); «*Лёгнькэя — сэчка, а чижельшы — кэпаніца*»; «*Сэчка — лёгнькэя, а ёсьли зимля крэпшы, то кэпаніцэй, там сэчкэй рады ни даш*»; В. И. Даль приводит существительное **копаница** со ссылкой на курские говоры в значении «кирочка, одноручная кирка печников»¹⁷; **сверделок** («буравчик»); «*Свярьдёлк и буравчик — адно и то жа*»; ср. в БРС: *свяд-зёлак* — «буравчик»¹⁸; такое же значение В. И. Даль отмечает в русских говорах для слов с тем же корнем, но иным словообразовательным обликом: «*Свёрел м. зап., свёрдел стар., сверло* ср. снаряд для верчения дыр; иногда бурав...»¹⁹.

В Леонтьеве еще сохранился примитивный верстак для строгания — **столюжка** (БРС приводит существительное *сталога*, обозначающее козлы для распиловки бревен, а по говорам — верстак): «*Сталошка... ёта ужé дэпатопный — ані ужó атмёрли*».

Плотогоны, плотовщики, сплавляющие лес, в говоре носят белорусское наименование **плытников**: «*Съвизьлі (деревья), патóm плытьники йих абвóдють... плытьники... ані вяэжуть и гóнють*».

Ряд белорусских заимствований в говоре связан с жилым помещением, его строительством: **черень, вильчик, закót. Черень** — это верх печи, лежанка: «*Съвинью када пирякóтим,*

¹⁴ ДОС, стр. 313.

¹⁵ БРС, стр. 147.

¹⁶ Даль, т. I, стр. 572.

¹⁷ Т. II, стр. 400.

¹⁸ Стр. 847.

¹⁹ Т. IV, стр. 56.

тагда высьтяляйьм чирэнь»; «Чирэнь — на пэчи, там, где ли-
жаць. У нашэй пэчи большой чирэнь». Белорусск. чарэнь
кроме указанного значения имеет и другое — «под»²⁰. Любо-
пытно, что в русских диалектах известны близкие по звуко-
вому облику слова, довольно разнородные по своим значе-
ниям, из которых едва ли какие-либо можно сблизить с на-
шим: «Черён, чрен, церён, црен, цирён *ниж. прм.* солеварный
котел или глубокая сковорода для выпарки соли»²¹, донск.
черён — «замерзший после дождя снег»²², псковск. *черэнь* —
«дубовый лес»²³, *чэрен* — «рукоять, рукоятка, ручка», «сучок
плодового дерева, для прививки дичка...»²⁴. **Вильчик** — это
«верхняя грань крыши» («Край крышы, каторый свисаить, —
этэ стриха. Патом — крыша, патом — вильчик»; «Вильчик —
эта самы́й верх крышы. Сильный ветир снял фсю салому с
вильчика. Нада апяць накрыть, а то теч будить»), а **закот** —
«фронтон хаты» («Крыша нэвисаить нэд закотэм приблизна
нэ арышн, а то дощ зальёт»; «Закот — эта лэбавая и задь-
нэя чась миждў сьтиной и крышэй. У нас закот з дощэчик
здэлян. А ноньчэ закот красють, штобэ красифшэ было»).

В говоре известно белорусск. диалектн. **закладыны**, назы-
вающее закладку новой хаты и угощение по этому поводу:
«Закладыны — када пэрвыи брёуна пэкладуць. Сиводьня
збдэляли закладыны у хати...»; «Есьли хто гарэлку любить,
то збдэляить закладыны...»; ср. приведенное в «Словаре бе-
лорусского наречия» **закладзины** — «молебствие и угощение
при закладке дома»²⁵, в БРС **закладзіны** — «обл. закладка
(здания и т. п.)»²⁶.

В области бытовой лексики белорусизмы представлены
также группой слов. **Гэстка** — белорусское название кокетки
в одежде: «Бабёшки — как рубашки мушкэйи, дэлятца
гэстка, гэстэчка, к ней пришивалъсь дьве с пэлавинэй — три
палы...». **Балёя; балейка** — это большой низкий ушат для
стирки белья, для купания: «Пускай мамка содить в балёю...
ту, такія есьть балейки, ну, дитэй купают, сьтирають». Из

²⁰ БРС, стр. 1012.

²¹ Даль, т. IV, стр. 1312.

²² ОС, стр. 256.

²³ ДОС, стр. 299.

²⁴ Даль, т. IV, стр. 1312.

²⁵ Носович, стр. 170.

²⁶ Стр. 288.

просмотренных русских словарей лишь ДСМ приводит это слово: *балея* — «ушат для стирки белья»²⁷.

Сюда же включаем слова *гасовка* и *блещанка*, хотя в белорусском литературном языке они звучат несколько differently. Коптилка по-белорусски называется *газоўка*, наш фонетический вариант — *гасовка* — мог появиться под влиянием существительного *газ*, в котором конечный согласный оглушается, а из формы именительного-винительного падежа этот глухой согласный мог проникнуть и в другие падежи (ср. такое явление в слове *под*); кстати, В. И. Даль приводит рядом как равноправные *газ* и *гас*; *газовый*, *гасовый*²⁸. Гасовки в Леонтьеве были еще до появления керосиновых ламп: «*Гасовка — ис пузырьков и жысьтянинькийи. Тудá мáсла или кърасина и кнот нъ пѣпѣлавок — жысьтяный, как типѣрь лампада*». Наряду с этим словом имеется и русское, вероятно, менее употребительное; на вопрос о копилке нам ответили: «*Капѣлка — гасовка — эта ш капѣлка и есь*».

Слово *бляшанка* в БРС переводится так: «жестянка, коробка (жестяная), банка (жестяная)»²⁹. В Леонтьеве *блещанкой* называют жестяной бидон: «*Кърасин — в блищанѣчки. блищанки — типѣрь их завѣтъ битонѣчикѣми*»; «*Блищанѣчки такія были — пѣкупáли, нѣкѣтѣрѣйи дѣлѣли сáми*».

Помимо существительного *корявка*, представленного в БРС («*Каряўка ж. разг. заскорузлая тряпка*»), в говоре существует производное *корявочник*, не найденное нами в словарях: «*У нас каряўки — такойь вот ужѣ тряпки. Каряўшники — каряўки зѣбирáли. . .*» «*Карявѣшники. . . сѣбирáють жалѣзья, чугунокѣ фсáкия, ну, тряпки. . . Дадѣтъ метр ризинки или брѣшку какюю*».

В белорусском слое лексики имеются также слова делового, книжного или отвлеченного характера, наименования отдельных действий, качеств и т. д.

Слово *наместник* в говоре — не русский архаизм или историзм, а заимствование из белорусского языка, где оно семантически идентично современному русскому «заместитель». Оба слова могут быть рядом, именно как эквиваленты: «*Сáвѣтнка жѣ — намѣсьник, зѣмясьтѣль* (председателя

²⁷ Стр. 15.

²⁸ Т. 1, стр. 835.

²⁹ Стр. 128.

колхоза)»; *«Толька штъ прыйижьжял намесьник прътси-дателья»*. К белорусизмам принадлежат глаголы **выконать** («выполнить»: «...выкнъйтъ план...»), **обогуливать** («обобществлять»: «...йих (биндюги) ищб и абагуливлъи, при начал'и калхозъв»), **наличать** («насчитывать, начислять»: «Можеть быть, за эту работу наличуть день»), **однокорневые одноосбник** («единоличник»), **одноосбный, одноосбно** («Паветь... там дрбвы, кадущка стайтъ, касá виситъ, а как были аднъасбныйи — там ы калёсы стаяли»), **отвлеченные существительные нахыл** («наклон»: «Курень... тут нахыл...»; «Здэлай большъ нахыл на грятк'ь, штоп лучшъ сътикала»; «Што ты катисься, как мячик, пъ нахилу?») О глаголах **нахилить, нахилять** В. И. Даль говорит, что они «малрс. и белрс., но уптрб. в смежных губ.», их значение: «нагибать, пригибать к земле, гнуть или наклонять верхний конец»³⁰; образования от этой основы — **похилиться, схилиться** — имеются в говорах псковских, тверских³¹, **напрямок** («направление»: «Штоп кадá ф тым напрямку жызьнь шла»), **подробязность** («подробность»: «Ничаво я пъдрабязнъсьтий ни скажю. У каво што былъ, то и жгл'и. Ёсли ни клáli гърянкá, то жгли гасбвки»), **перепынок** («перерыв»: «Бис пиряпынка раббтъли»³²), слова **напруженный** («напряженный»: «Вáша дэла напружнъя, у вáс вумсьтьвиннъя раббта»), **вáрта** («стража, охрана»), **вартовать** («Никаких стъражбф нё былъ, вáртъй ахранялтъс диревня, и сичáс вартуим — на вбчъриди, на двá чилавэка...»; «Вáрта — ни дай бох пъжарá, на эта ш вáрта и есьть...»; «Ани вэртавали — на вулицы стървжывáli...»).

Отличающееся фразеологически связанным значением в говоре существительное **рада** также отражает влияние белорусского языка: «Кричитъ твой сын — ни дам рады»; «... а ёсли зимля крепшы, то къпанйцъй, там сёчкъй рады ни даш»; «Да, всё нъучились дёлтъ, тольки ни дадутъ рады с пагбдай». Ср. в БРС: «Рада... рады не даць, а) не управиться, не сладить с кем-чем-л.; б) ума не приложить»³³. Это слово помещено в Словаре Даля, там имеется даже похожее выражение («Рада ж... совет или помощь. Подай раду! посо-

³⁰ Т. II, стр. 1277.

³¹ ДОС, стр. 207, 261.

³² Это слово еще ощущается некоторыми жителями как чужое: «У нас нь гваряйтъ пъряпынкъ, у нас гваряйтъ: бддых или пърирыу».

³³ Стр. 774.

ветуй, помоги, порадь»³⁴, но сопоставление примеров из говора с приведенными данными русского и белорусского словарей явно говорит о белорусском источнике фразеологического оборота **не дать рады**.

Обозначения некоторых действий и состояний, более или менее конкретных, принадлежат также к белорусскому лексическому фонду говора: **сощепить** («сложить», о руках: «Същипл рўки — и ўмьр»; «То гліны паэдить привязэть... Пака рўки сащепиш, тагда аддахнёш... сащепиш крэпінька»; ср. подобный последнему пример в «Словаре белорусского наречия: «Як сощепим руки, тогды нам нічо́го не будзець треба»³⁵); **прокидываться, прокинуться** (белорусск. *пракідацца* — «1. (проступать) пробиваться... 2. Изредка встречаться»³⁶; ср. наши примеры: «Сърафа́ны праки́дывэ́лись, ка́дэ сава́тскэ́я вла́сьць — на шлё́йках, бо́льшы бы́ли чо́рныи...»; «Сто́лька пракину́льсь дэ́бряков (т. е. белых грибов) — пэ́ вэ́симна́тцэ́ть штук у кў́чи»); **заспеть** («застать»: «Ти засьпéли Па́вла Васи́лича? т. е. застали дома?); «Кэ́к ра́с куку́шка засьпéла» (закуковала, когда говорящий был с деньгами при себе); В. И. Даль этого слова не приводит, но ДОС дает псковск., тверск. *соспéть* — «застать»³⁷, однако по морфологическому облику леонтьевский глагол совпадает с белорусским *заспéць*, помеченным в БРС разговорным³⁸. Глагол **пони́жить** («стать, сделаться ниже»: «Пани́жэ́ить», — говорит женщина о парном молоке, только что налитом в горшок до краев) отличается от белорусского лишь ударением: белорусск. *пани́жэ́ць* значит «понизиться, снизиться»³⁹; впрочем, отмечено и ударение на гласном е: «К вéчэру тэ́мпирату́ра пэ́нижéла, ста́ла лéхчэ́ дыша́ть». Изредка в говоре встречаются белорусские личные формы глагола «иметь»: «...а вот брiткэ́сьти (т. е. остро́ты) ани́ ни ма́ють» (о ножах из нержавеющей стали), однако форма инфинитива не отмечена (ср. «Што́бэ́ учiтца, на́да гэ́лаву́ имéть»).

Не вызывает сомнений отнесение к белорусской лексике

³⁴ Т. III, стр. 1464.

³⁵ Носович, стр. 602.

³⁶ БРС, стр. 714.

³⁷ Стр. 251.

³⁸ Стр. 310.

³⁹ БРС, стр. 609.

слов **сгóден** («согласен»: «Я упалне сь ёй згóд'ён»), **блискýчий** («блестящий»: «Шерьсьць была чóрнъя, палóсчкэмь блискýчымі...»; «Што ты там такой блискýчый нашóл, што атцúда видна?»), **блiскать** («сверкать»: «Сивóдня усю ноч блiскэла мэланья»). Белорусский характер вводного слова **напрiклад** («например»: «Хатя, напрiклэт, минé хэрашó...»), тоже ясен, несмотря на наличие в БАС (с пометой «устар.») и в Словаре Даля **наприклад** с тем же значением⁴⁰.

Из белорусских слов служебных, усвоенных говором, мы отметили два, причем последнее встречается особенно часто (незначительную частоту употребления первого можно объяснить его книжным характером) — **накóнт** («насчет»), **пэвз** («мимо, вдоль», с винительным падежом, а также с родительным): «Лук — и всё, рéпчiстэвэ мы низнаím... Накóнт — этэва я ни знаю»; **Зэливной** (луг) — **пэвз** **бальшыя рéки, явó** **вясной зэливайтэ**; «... канáву дэлэють пэвз дарóгу...»; «Пэвз людéй хадiть ни любiть»; «Он живэть паўз рэчки, хэрашó, кругóm лух»; «Паўз дарóги насáжэна мнóга лип...».

Некоторые из отнесенных нами к белорусизмам слова отсутствуют в БРС, но представлены в «Словаре белорусского наречия». Это **кóкот** («Чатыри бýла кóкута, ну, эта, сукá... с карьня. Чытыри кóкэта»; «Пень — адiн, а пайдúть на двá кóкэта — эта двайчáтка»; ср. белорусск. диалектн. **коко́ток** — «сучок плодового дерева, отрезаемый для привития»⁴¹), **грецкóвье** («поле, с которого убрана гречиха»: «Гряцкóвья — ... што сэйтэ, явó назвáния астаётца»; «Там, где грэчку скасiли, и нэзывайтэца грицкóвый... Када пóль харóшэй, то грицкóвый саўсэм низiнькэй»), **ильiнка** («сорт груш», «Ильiнка спéить сáмэя пэрвэя, к ыльé, х прáзьнику...»; в «Словаре белорусского наречия» читаем: «Иллiнка... Грушевое дерево, которого плоды созревают к Ильину дню...»⁴²), **шпар** («паз, выемка в дереве»: «Ф чирипавóm дэрэви выбираютьца шпары — для насэтилки пэталкá»; «Бáлку, чэрипавойé дэрэва устáвить, тэк дэлэють шпар. Шпар — эта выбирають дэрэва, выдáлбывэють. Тудá

⁴⁰ БАС, т. 7, стр. 410; Даль т. II, стр. 1184.

⁴¹ Носович, стр. 241.

⁴² Носович, стр. 224.

устанавливают, другой»), **неужо́ж** («неужели»: «*Неужо́ш он зъсарёмшы?*» — т. е. засорился; о керогазе; встречается как риторический вопрос: «*Опять коши ставили? — Неужо́ш?!*»; « — Это селедка, которую мы брали в магазине? — *Неужо́ш?!*» — т. е. утверждение: «А какая же еще?!»; в белорусском литературном языке это наречие выступает в виде *няўжо́б*⁴³, а «Словарь белорусского наречия» дает его в ином варианте: *не ўжо́б-жэ́*⁴⁴).

Здесь же следует назвать и наречие **стíсло** («бережливо»: «... *Лю́ди чича́с рыско́ва, а тагда́ сьтíсла*», т. е. берегли деньги; «*Сьтíсла — б'ьрижліва. Ані жыву́т' сьтíсла, у ніх ньчыво́ да́рэм ни прайдэ́ць*»). В литературном белорусском языке *сцíсла* значит «кратко, вкратце, сжато» и «убористо (писать)»⁴⁵. Белорусским говорам известно иное значение, полностью совпадающее с нашим: «*Сцíсло, нар. скупо, нерасточительно, расчетливо. Сцисло живець*»⁴⁶. В «Смоленском областном словаре» дано прилагательное *стислый* — «скупой, кулак»⁴⁷, которое тоже могло быть усвоено из белорусских говоров. Приведенное же в Словаре Даля с пометой «зап.» *стíсклый*⁴⁸ с тем же значением имеет иную словообразовательную структуру. Все это и дает основание считать Леонтьевское наречие заимствованным из белорусских диалектов, как и составное слово **сбор-дружíна**, означающее «собрание людей разных сословий и состояний. *Там были госци, збор-дружина*»⁴⁹. В Леонтьеве этим словом характеризуют нечто разнородное, часто неудачное по своему сочетанию, в частности собрание гостей, состав семьи. Ср. смоленск. *сбор-каляда́* — «вещи плохого качества. *Што у етих вищах харошига — яны збор-калида*»⁵⁰.

Глагол **окоши́ться** приведен в «Смоленском областном словаре» («расположиться где станом. *Окашились здесь наши жить*»⁵¹), в «Словаре белорусского наречия» («расположиться на временное пребывание. *Окашимся тут дню-*

⁴³ БРС, стр. 533.

⁴⁴ Носович, стр. 338.

⁴⁵ БРС, стр. 906.

⁴⁶ Носович, стр. 627.

⁴⁷ Добровольский, стр. 877.

⁴⁸ Т. IV, стр. 533.

⁴⁹ Носович, стр. 196.

⁵⁰ Добровольский, стр. 814.

⁵¹ Стр. 526.

ваць»⁵²). Семантически этот глагол в говоре («Напріклът, у мине сѣна (убили), нихай бы на этѣм акашылѣся», т. е. закончилось, чтоб больше не было войны) ближе к иному приставочному образованию от того же корня, имеющемуся в белорусских говорах: «Скошилося (безличный глагол совершенного вида) — совершилось. Вы ўси были в гетом дзеле, а на мне одном скошилося»⁵³. Очень близкую к этой конструкцию мы услышали в ответе на прямой вопрос о значении этого слова: «Акашѣтца — как ругаѣтца, то эта слѣва абѣзначать ругань. Нихай эта нѣ тибя акашѣтца».

В говоре имеются слова, общие для русского и белорусского языков, но по своей семантике либо употреблению принадлежащие к белорусизмам, так как в русском языке их значение иное. Сюда входят наименования предметов, их признаков, действий.

Обозначение малоприспособной для сельского хозяйства земли словом **неудѣбница** следует признавать белорусским («Ниудѣбница, ниудѣбнѣя зямля — ну, балѣтѣ такѣя...»; «Ниудѣбница — зямля ниудѣбная, на ней ничивѣ ни рѣдитца. А таѣ жѣ зарѣшишѣя кустарникѣм. Адѣн кусѣк ржы нѣ такой ниудѣбницѣ пасѣѣли, што ничивѣ ни вѣрѣстить»); ср. в БРС: «Няѣдѣбница ж. неудобная земля»⁵⁴), несмотря на наличие его в Словаре Даля, поскольку в последнем его семантика другая: «неудобные отношения»⁵⁵; ср. также псковск., тверск. **неудѣба** и **неудѣбница** — «отсутствие удобств»⁵⁶.

Словом **сажалка**, помеченным в БАС разговорным, в русском языке называют «устройство для хранения живой пойманной рыбы, садок»⁵⁷. В белорусском языке кроме этого значения данное слово имеет и другое: «пруд, ставок»⁵⁸. Именно с этой семантикой известно слово **сажалка** в Леонтьеве: «И сажѣлкѣми завѣуть и ставкѣми. Этѣ искѣсьтьвиннѣѣ»; «И сажѣлка — вѣкѣпѣтить чилавѣк, там вадѣ стайтѣ. Штѣбѣ вадѣ былѣ — ти памѣть што...»

Существительное **пѣплав** называет луг; «У нас пѣплѣв —

⁵² Стр. 362.

⁵³ Носович, стр. 586.

⁵⁴ Стр. 533.

⁵⁵ Т. II, стр. 1401.

⁵⁶ ДОС, стр. 144.

⁵⁷ БАС, т. 13, стр. 47.

⁵⁸ БРС, стр. 832.

нэплывнэйи синакóсы»; «У нас синакóс пэплавнóй, пóплэв, пэтамú штэ лух — павз рэки пэвз бальшыя, а у нас лúгу нэту, паэтэму тут — пóплэв»; «Пóплэв — éta сьнакóс, где балóт нет и нь зэлуйнóй. Вада явó нь зэливайить. А лух пэкрывайитьца вадóй. У этэм гадú на пóплэви харóшэя сэна». Отметим, что производное прилагательное **поплавнóй** не приводится в БРС. В Словаре Даля имеются оба эти слова, но значения их иные, как и приведенные в ОС, ДОС: «плаванье», «арх. поплавная сеть на семгу», «пск. на́плав. заплáв, нута»⁵⁹, «сплав во всю реку, для удержания плывущих по воде дров, леса и т. п. Псков.»⁶⁰; *поплавной* в русских говорах значит: «плавающий, не тонущий», *поплавной пояс* — «плавательный»; *поплавная сеть* — «которую пускают стеной по воде и наслушивают с челна рукою, выбирая, коли рыба в неё толкнется»; *поплавная рыба* — «сиб. идущая от вершин к устью, по воде»⁶¹.

Среди других значений слово **забой** в белорусских говорах имеет следующее, не отмеченное просмотренными русскими диалектными словарями: «простое деревянное орудие или пресс, посредством которого выжимают конопляное масло. Маленький забой, не много выбиваецца олею»⁶². В говоре Леонтьева слово употребляется в очень близком к этому значению, возникшем метонимически: «... как алéю пабóльшы сабьёш, забóя два-три... Забóй — éta нэзывался в мэслабóйни, засыпка была такáя, адíн пут»; «Паёдиш алéй бить, вот скóлька на́да адíн рас усыпэть — éta и забóй. Я привёс два забóя. На трéтий забóй ни хва́тила».

Ручная маслобойка, представляющая собою узкую деревянную кадочку с крышкой и проходящей через нее палкой, на конце которой находится круг с продолбленными отверстиями, появилась в Леонтьеве, по словам жителей, уже в советское время, примерно в 30-х годах. Может быть, поэтому и взято из белорусского языка ее название — **бóйка**. В слова-

⁵⁹ Даль, т. III, стр. 781; ДОС, стр. 170. Ср. приведенное В. И. Далем значение слова *нута* — «застава на воде, наплавная, бревенчатая, пловучая цепь, для запирания гавани, непропуска куда-либо судов, для удержки сплавного леса» (т. II, стр. 1454).

⁶⁰ ДОС, стр. 200.

⁶¹ Даль, т. III, стр. 781; ДОС, стр. 200.

⁶² Носович, стр. 160.

рях русского литературного языка это слово отсутствует, в диалектных — имеется, но с другими значениями — «коло-тушка у шерстобитов для ударения по тетиве»⁶³, «битка в бабках», «убой»⁶⁴.

Собачью конуру в Леонтьеве называют **бўдкой** или **бўдочкой** (им. ед. *бўтка, бўтэчка*). Ср. в БРС: «**Бўдка ж.** I будка; 2. (собачья) конура»⁶⁵.

В русском просторечии **драчкой** называют либо «род гребня, употребляемого при обделке конопли, льна», либо «крупную терку»⁶⁶, либо «плотничий снаряд, двурожку для проведения параллельной черты, при очерчивании, притёске и пригонке досок»⁶⁷. В белорусском языке это же слово служит для обозначения пазы, отсюда словосочетание *драчку выбіраць* — «делать паз»⁶⁸. Ср. примеры из нашего говора: «*Кажнэў бравно свэрху цэльэў, а внизу у няво выбірайтца драчка*»; «*Када срун рубіць на́дэ, дэ́лэють драчку, што́бэ бравно нэ бравно лажы́лэсь лўччи*».

Не вызывает сомнений белорусское значение «большой», свойственное прилагательному **великий**: «*Бўльба нэ да́авку вялі́кэя*». Правда, В. И. Даль указывает, что слово *великий* «иногда относится и к росту», но следующий дальше пример пословично-поговорочного характера свидетельствует о применении этого слова к живым существам: «*Велик верблюд, да воду возят; мал соболь, да на голове носят*»⁶⁹.

Не известно русскому языку значение «порядочный, изрядный» в слове **ладный**, усвоенное говором из белорусского языка⁷⁰: «*Щўчки ла́днэнькийи такія*»; «*Ла́днийи вьюны*» (замечания об улове рыбы, довольно крупной по величине); «*Пэрасэ́нэчик ла́днэў, зэ нидэлю падрэ́с*»; «*Листкі ужэ ла́днийи, павбірэ́сьли ба́льшыя*».

С расчисткой лесного участка под пашню связано употребление глагола **терebить**: «*Ля́да — уча́стэк, яво тирé-*

⁶³ Даль, т. I, стр. 266.

⁶⁴ ОС, стр. 12.

⁶⁵ Стр. 134.

⁶⁶ БАС, т. 3, стр. 1098.

⁶⁷ Даль, т. I, стр. 1220.

⁶⁸ БРС, стр. 251.

⁶⁹ Т. I, стр. 431.

⁷⁰ БРС, стр. 411.

бють». Ср. в БРС: «Церабіць *несов.* I. (лес) прорубаць, про-чишчаць»⁷¹.

Значение глагола **забиваць, забіць** — «убивать на мясо или во время охоты» в БАС имеет пометы *спец.* и *обл.* В. И. Даль приводит выражение «забіць калядў или к калядзэ смл. убить или зарезать к Рождеству скотину, особ. свинью»⁷². В языке белорусском **забіць** значит «убить, умертвить». В говоре этот глагол употребляется широко, причем ощущается как вытеснивший собою прежний эквивалентный глагол «зарезать» (применительно к животным): «Чирэзь месьць забьём сваё кабанчыка»; «Бўду рэзьць кэбанá, карóву... Э́та старíннэй рэзгавóр: зарэзьли. Тупéрь гэваря́ць: забіць».

Одно из значений белорусского глагола **разабра́ць**: «(тушу) разделать»⁷³. Оно не известно русскому языку, но имеется в говоре Леонтьева: «На́да ну́за разрэ́зьць, рэ́збра́ць кўрку, сирэ́тку вы́кинуць» (о потрошении); «Пэ́трашы́ць — ни гэваря́ць. Рэ́збра́ць кўрицу»; «Када́ за́колюць кэбанá, то яво́ рэ́збира́юць. Штоп кэбанá рэ́збра́ць, на́да умéць. И карóву то ш рэ́збира́юць, но карóвы сичáс зда́юць на ба́зу».

На счет белорусского влияния относим не только значение «отгораживать» в глаголе **отбиваць** (ср. белорусск. *адбi-ва́ць* — «9. (отделять перегородкой) отгораживать»⁷⁴; ср. примеры из говора: «В асбóвннэсьти авéчкам адбiвáли, как ясьли, тудá клáли сэна»; «Корм карóви кладу́ть в ўгэ́л. А хто угалóк атабьéть»; «Ф сарáйи адгэ́ради́л, угалóк адбiвáйыш — э́тэ хляво́к»), но и значение «перегородить» в однокорневом, с иной приставкой — **перебить**, несмотря на то что БРС не указывает в слове *перабіць* этого значения: «Есьли бо́йкийи ко́ни, то адгара́жэвэ́ли — жéрткэ́ми пиряби́л, штоп адiн дру-го́вэ́ ни пашко́дил».

Значение «играть» для глагола **гулять** тоже обязано влиянию белорусского языка: «Пайдём в мэ́чика гуля́ць»; «У шлякi гуля́ли»; «У кáрты гуля́ли»; «Каб ты надивáл, анá п гуля́ла у ко́мнэ́ти»; «Анó (дети) гуля́юць, тэ́к йим нэ́кэ́да

⁷¹ Стр. 1001.

⁷² Т. I, стр. 1377.

⁷³ БРС, стр. 777.

⁷⁴ БРС, стр. 49.

(поеть). Ср. в РБС: «играть несов. I. гуляць; дети ~ ли в саду дзэці гуляли ў садзе. . . и в карты гуляць у карты»⁷⁵.

Предлог *под* в сочетании *под горю* в говоре употребляется с белорусской семантикой, *под гору* значит «в гору, вверх»: «Тижалó пѣд гарю несьть»; *Ат рѣчки вадү тижалó пѣд гарю несьть*; ср. в БРС: «пад гарю в гору»⁷⁶.

Белорусский характер слов может проявляться в грамматических и словообразовательных особенностях. Это касается лексем, имеющих один и тот же корень в русском и белорусском языках. По численности среди этих слов первое место принадлежит именам существительным.

В категорию слов женского рода входят такие записанные в говоре слова: *таба́ка* («Привязьливыйи, как таба́ка» — о семечках тыквы; ср. белорусск. литературн. *таба́ка* — «нюхательный табак»⁷⁷, диалектн. *таба́ка* — «табак. Дай таба́ки»⁷⁸), *дичка* («Этѣ дичка — и грүша, и яблѣня, и яблѣчки бавають в лясү»; ср. белорусск. *дзичка* — «дичок»; (о взрослом дереве — еще) дикая яблоня (груша и т. п.)⁷⁹; ср. русск. литературн. *дичок* — «непривитое плодовое дерево»⁸⁰; *ма́та* («зимняя обшивка двери из соломы»; ср. белорусск. «*Ма́та ж.* (циновка) мат»⁸¹); *хра́па* («Нахранник — нахра́пу нѣдиваюют каню»; «Ясьли — сэна класьть, дѣлѣлись, как лёсьница, толькѣ парѣжы, штобѣ хра́па влѣзла в яво, ко́нскѣя»; ср. русск. *храп* — «нижняя и средняя часть переносья у животных (спец.)»⁸², белорусск. *хра́па* — «1. морда (у крупных животных); 2. (часть переносья у животных) храп м.»⁸³; любопытно, что наименование рыла свиньи отличается мягкостью согласного *р* — *хря́па, хря́пка*: «Сьвиньѣ, штобѣ ни рыла, кальцо в нос — ф хря́пку, ну, ф пита́чок»; (такого звучания этого слова словари не отмечают).

Обратное явление наблюдается в словах *требу́х* («Трябу́х — у ка́жнѣва жыво́тнѣва. . .»; «И. трибушо́к йидя́ть, и кишкі йидя́ть»; ср. белорусск. литературн. *трыбу́х* — «1. разг.

⁷⁵ Стр. 170.

⁷⁶ Стр. 201.

⁷⁷ БРС, стр. 912.

⁷⁸ Носович, стр. 631.

⁷⁹ БРС, стр. 246.

⁸⁰ БАС, т. 3, стр. 818.

⁸¹ БРС, стр. 441.

⁸² ТСУ, т. IV, стр. 1186.

⁸³ БРС, стр. 997.

желудок; 2. *прост. ирон. брюхо*⁸⁴. диалектн. *требу́х* — «требуха, кишки»⁸⁵; русским говорам это слово также известно в форме мужского рода, но с иным значением: *требу́х* — «обжора, объедала»⁸⁶); *макотёр* («... *гаршók* — *атьвэрьсьтийь ўскэйь, а мэкатёр* — *атьвэрьсьтийь шыро́къя*»; ср. белорусск. *макацёр* — «горшок для растирания мака»⁸⁷; БАС и Словарь Даля приводят слова *мако́тра, маку́тра*, в последнем имеется также *макотёрть*⁸⁸); *оха́пок* («Вот вазьмёш *аха́пк* дров...»; «Взял *аха́пк сэна*»; ср. белорусск. *аха́пак* — «охапка»); *на́кип* («... *в нём нет никако́ва на́кипу*» — о глиняном умывальнике; «*На́кип* — *када́ ва́ритца суп, нэкипа́йць пэна*»; «*Скаре́й вазьми́ лошку и на́кип сьми́*»; ср. белорусск. *на́кип, -пу м.* — «накипь»⁸⁹; Словарь Даля приводит рядом формы мужского и женского рода, но со значением отвлеченным: «... *на́кип м., на́кип ж.* об. сост. по знч. гл., а в значении конкретном — «твердый осадок» — только слово в форме женского рода: «*На́кип, что на́кипело, образовалось, отделилось от кипения...*»⁹⁰); *вы́плат* («... *даю́ть машы́ну на вы́плат*», т. е. в рассрочку, в кредит; «*На вы́плат усё бяру́ць: я узья́л на вы́плат рэ́дио́лу. Типе́рь и дама́ стро́ють на вы́плат*»; ср. белорусск. *вы́плат, -ту м.* — «рассрочка; купиць на в. купить в рассрочку»⁹¹).

Вероятно, белорусским влиянием следует объяснить и форму множ. числа (наряду с изредка встречающейся формой единственного числа существительного *крупы*: «*Крупы* — *иду́ть зимой, и лё́тэм случа́ютца, када́ хало́дныи аблака́*»; «*Када́, нэчина́ютца хэ́лада́, так ме́лкийи крупы́ иду́ть — сьнех, как ме́лкий грат — иде́ть ме́лкъя крупá*». Такое употребление отмечено в белорусских диалектах: «*Крупы, -п, с. ж.* употр. во мн. ... 2) гололедица, голоть. *Крупы идуць*»⁹².

Белорусский словообразовательный облик отличает слова *куренья́та, куренья́тки* («*Типе́ря на́да да́ть ку́риня́там (корм)*»; «*Када́ а́нi пэ́драсту́ть, тада́ — ку́рья́тки, а то да са́мэй*

⁸⁴ БРС, стр. 926.

⁸⁵ Носович, стр. 638.

⁸⁶ Даль, т. IV, стр. 826; ДЭС, стр. 270.

⁸⁷ БРС, стр. 431.

⁸⁸ Т. II, стр. 759.

⁸⁹ БРС, стр. 480.

⁹⁰ Даль, т. II, стр. 1101.

⁹¹ БРС, стр. 179.

⁹² Носович, стр. 255.

восьни йих завём: цыплятки»; ср. белорусск. куранятка — «цыпленок»⁹³. ТСУ приводит как областное слово курёнок — «цыпленок», но во множ. числе оно, по закону русского языка, должно дать курята); жеребёк (ср. белорусск. жарабёк — «уменьш.-ласк. жеребчик»⁹⁴; в русском языке это слово обозначает «шкурку жеребенка-недоноска с низким волосяным покровом»⁹⁵); плóточка, плóточки («плотва»; ср. белорусск. плóтка, плóтачка⁹⁶, русск. плотва́, плотви́ца, плотви́чка, плоти́ца, плоти́чка⁹⁷); сёмка («семерка», в картах; ср. в «Словаре белорусского наречия»: сёмка — «семерка в игральных картах»⁹⁸); холодни́к («окрошка»: «На помьнках у нас большыя абеды — страв пять: халодны́й — з бурако́в хля́днычок. . .»; «Забыла хлядны́к вы́тнуть ис пёчи»; белорусскому халадні́к в русском языке соответствует холоде́ц⁹⁹); подму́рок («Если нижний винёц дубовый; этъ — падва́лки; а ёсьли хата нъ кирпичё — то этъ падму́рэк. . . или фунда́минт»; ср. белорусск. падму́рак — «фундамент; основание»¹⁰⁰, русск. диалектное, помещенное в Словаре Даля без пометы подму́ровка — «каменное основание, фундамент»¹⁰¹); дельба́ («Если дяльба́ идёт, нъзначали дяльи́щика» — о разделе земли в обществе; ср. белорусск. дзяльба́ — «деlež, дележа»¹⁰²).

Интерес представляет существительное но́жни, выступающее в говоре в белорусском словообразовательном виде (белорусск. но́жны — «ножницы»), но с фонетической приметой русского слова — мягким н: «У нас абычнъ гваря́ть: но́жни»; «Падáй минё но́жни».

Из белорусского языка усвоены говором имена прилагательные вигина́стый («. . . биндю́ги — . . . у нѣх вмѣстѣ драбѣнѣк вигина́стыя такія, дуги. . .»; «Выгина́стым мы нъзывайѣм то, што сѣльнѣ вы́гнуть. Кони вигина́стыи. Доски выги-

⁹³ БРС, стр. 408.

⁹⁴ БРС, стр. 266.

⁹⁵ БАС, т. 4, стр. 85.

⁹⁶ БРС, стр. 697; РБС, стр. 427.

⁹⁷ БАС, т. 9, стр. 1430—1433.

⁹⁸ Носович, стр. 577.

⁹⁹ ТСУ, т. IV, стр. 1171; БАС, т. 17, стр. 340, 345.

¹⁰⁰ БРС, стр. 570.

¹⁰¹ Т. III, стр. 478.

¹⁰² БРС, стр. 247.

на́стый»; белорусск. *выгiна́сты* — «выгнутый, прогнутый»¹⁰³); **перябóрливый** («Он *пирябóрливый* (в пище)»; «Карóва... *то пирябóрливъя*»; «Карóва или *лòшъть пирибóрливыйи, што ни дай — и ни ёсьть*»; белорусск. *перабóрлiвы* — «привередливый; разборчивый, прихотливый»¹⁰⁴); **корóстливый** («*Бўльба ш карóсьливъя*»; «... *картòшка чiстъя, ни карóсьливъя? — Какая это? — А вот што мётъчки чòрьнькийъ*»; ср. белорусск. *карóслiвы* — «чесоточный»; русск. *корóстовый* — «1. Относящийся к коросте... *Коростовые струпья*. 2. Имеющий коросту; чесоточный»¹⁰⁵); **бáбский** («*Эта бáпскъя рабòта, ни муцiнскъя*»; белорусск. *бáбскi* — «разг. бабий»¹⁰⁶); **весновóй** («весенний», белорусск. *веснавi*; «*Виснавáя хўжъ, а асённиа — ёта ужé харòшъя, сь виснавóй шёрьсьти вáльнцы ни хатéли ваять, а тóлька с асённьи*»); **гáрусовый** («*Гáрускá—гáрусьвъя, шырсьтъянъя, а платòк — прòстый*»; белорусск. *гáрусавы*), **листьный** («... *пáрютца вéникэм — лисьтъным, из бярэзы*»; ср. в РБС: «*Ли́ственный ли́ставы, ли́цяны*»¹⁰⁷); **грéцкий** («*Гричнёвъя, грéцкъя микiна*»; белорусск. *грéцкi* — «гречневый»); **суцёлный** («*Станўха и чéхлик... Но рубáха магlá быць суцёлнъя рубáха*», т. е. из одного куска холста; «*Суцёлный — знáчить цéлый, нисьвязъный, цéлый нъ усiю длинў...*»; белорусск. *суцёлны* — «сплошной», «(не составной) цельный»¹⁰⁸).

Из белорусских глаголов в говоре отмечены следующие: **забеспéчить** (и причастие **забеспéчены**: «*Иим гòрът зъбиспéчить в пёрвю о́чърть*»; «*Нá зиму зъбиспéчил сибя дравáми и бўльбъй*»; «*Эти зъбиспéчъны дравáми*»; белорусск. *забяспéчыць* — «обеспечить, снабдить»), **обкорiть** («*Брявно — ётэ апкòрють, аптэшуть...*»; ср. белорусск. *абкарыць*, русск. *око́рить* — «снять кору с дерева»); **выдумлять** (наряду с **выдумывать**: «*Хвátить тибé выдўмъвъть*»; «*Он мáсьтир выдумлять*»; «*Ты ни выдумляй*»; белорусск. *выдумляць* — «выдумывать», «сочинять») и др.

О белорусском влиянии может также свидетельствовать звуковой характер лексемы, общей для русского и белорус-

¹⁰³ БРС, стр. 164.

¹⁰⁴ БРС, стр. 656.

¹⁰⁵ БАС, т. 5, стр. 1458.

¹⁰⁶ БРС, стр. 113.

¹⁰⁷ Стр. 236.

¹⁰⁸ БРС, стр. 902.

ского языков. Поскольку эти звуковые явления встречаются лишь в отдельных словах, их следует рассматривать в разделе словаря, лексики.

Некоторые слова в говоре имеют под ударением гласный, который отличает белорусское слово от соответствующего русского. Например, синоним слов «овин», «рига» — существительное **ёвня**, некоторыми жителями села ощущаемое как чужое («*Ёвня — ни нашъ названый, пръваславный так нъзывають*»), имеет ударяемый гласный о: «*Авин, рига, ёвня — там дёлъгъся пастройка, кълъсьники — такой вакышъчка было, нъ такъ ръсьтилали в два ряда...*». Ср. белорусск. **ёўня** — «овин». В Словаре Даля это существительное дано с ударяемым е: «*Ёвня ж. с литовск. запд. овин, клуня*»¹⁰⁹. Такое же явление наблюдаем в прилагательном **дёрзкий**: «*Дёрскъй чилавек — падратца он схватитца, хто драцца любить*»; **Дёрский** — *эта значить драцца быстра нъчинайть... Он дёрский нъ руку. И в ръзгаворъ бывайть дёрский чълавек*; ср. белорусск. **дзёрскі**. Вертушку у калитки, двери в сенцы, дверцу шкафчика в Леонтьеве называют **крутелкой**; ср. белорусск. литературн. **круцёлка**¹¹⁰, диалектн. **круцёлка**¹¹¹ с тем же значением; В. И. Даль приводит это слово с гласным и под ударением: «*Крутилка ж. кружилка, вертушка...*»¹¹². Совершенно очевидно белорусское влияние сказывается в глаголе **крышйтъ**: «*Крышйтъ цыбулю, дёўки?*»; «*Ліку пъкрышы*»; «...а хто аднѣх къчанѣ намѣчуть, патѣм пріянуць, пакрышуть ф чашку, пѣснѣм мѣслѣм памѣжуть...»

В говоре есть также слова, общие для обоих восточнославянских языков, но различающиеся местом ударения и имеющие его на том слоге, что и белорусский язык или его диалекты. Например, только ударением отличаются русск. **кѣмель** и белорусск. **камель** — «прилегающая к корню часть дерева, растения»¹¹³. В говоре этим словом называют и нижнюю часть снопа в противоположность верхней — вершине: «*У снапа: камель — внизю, а кѣлѣс — вяршына*»; «*Стѣнавѣли (лен) па пѣть пар, па дѣсьть снапкѣф... на камель, а галѣўки ввѣрх*»; «...ствол, а то — сѣчѣа, камель — сѣнизю, а вяршына — нъвархю». Ни в одном из рассмотренных русских

¹⁰⁹ Т. I, стр. 1278.

¹¹⁰ БРС, стр. 402.

¹¹¹ Носович, стр. 255.

¹¹² Т. II, стр. 521.

¹¹³ БАС, т. 5, стр. 1229.

диалектных словарей мы не нашли этого слова с ударением на последнем слоге; в нашем говоре оно получило его из языка белорусского.

Влияние белорусской акцентологии испытали также другие слова говора: **жнивó** («жатва»; «*Жнивó патхóдить: жытэ жать. . .*»; «*. . . лáпти (носили) — в жнивó — жытэ жа́ли в лаптя́х*»; ср. белорусск. *жнивó* — «жатва», идентичное русское диалектное *жнiво*¹¹⁴), **топóль** («*Тапóли — пэ лясу́ нэту. а есьть пэ диривя́х, тапóль стая́ла высóкъя*»; заметим, что усвоено белорусское ударение, но не усвоена флексия -а, ср. белорусск. *тапóля*), **рэшето** («*Талка́ч, стúпа, рэ́шэ́та, сiта. . .*»; «*А то патсéюць. . . рэ́шэ́тэм, што́п пяску́ ни было́ в зярьне́*»; ср. белорусск. *рэшата* — «решето»), **злоба́** («*Радiмиц — так руга́юцца в злоба́*»; ср. белорусск. *злоба́* — «злоба, злость»), **мн. дясна, дясны** («*Дисна́ балiть*»; «*Дясна́ баля́ть*»; ср. белорусск. *дзясна́, -ны, ж. мн. дзясны*), **смéшный** («*И сьмéшнэва ничавó нет, а он бóдьць ригатáть*»; ср. белорусск. *смéшны* — «смешной»), **глиня́ный** («*Кушiн — глиня́ный*»; «*Бы́ли ишо́ глиня́ныи умыва́льники*»; ср. белорусск. *глиня́ны* — «глиняный») и др.

О белорусском происхождении отдельных слов в говоре свидетельствует наличие двух из рассмотренных выше признаков: семантического и фонетического, семантического и грамматического, грамматического и фонетического.

Было бы ошибочно считать, что существительное **рóзум** («*Ана́ ста́ла рóзумэ́ нэбiра́тца, ста́ла тэ́лкавiтэ́я*»; «*У iё рóзум та́кой*» — о маленькой девочке) содержит лишь одну фонетическую черту, которая отличает белорусское слово от русского; белорусск. *розум* и русск. *разум* не полностью совпадают в семантико-стилистическом плане. В белорусском языке это существительное является нейтральным, межстилевым словом, соответствующим русскому «ум». Поэтому не случайно при переводе его на русский язык составители «Белорусско-русского словаря» на первое место поставили существительное «ум»: «*Рóзум -му м. I. ум, разум. . .*»¹¹⁵.

Белорусское прилагательное **грубы́** разнится от русского не только акцентологически, но и семантически: оно означает «плотный, толстый»¹¹⁶. Это значение воспринял наш говор:

¹¹⁴ БАС, т. 4, стр. 180; ТСУ, т. I, стр. 876; Даль, т. I, стр. 1317.

¹¹⁵ БРС, стр. 818.

¹¹⁶ БРС, стр. 215.

«Ёсьли ба́ба задум́жить што-нибу́ть харо́шый сатка́ть, тада́ ани́ чиса́ли яво́ (лен). А ёсьли на што́ грубо́я — нэ утира́ль-ники, тада́ ни че́шуть»; «У гаро́ха, у фасо́ли — квасо́лиш-ник, он никуды́ ни идёть: в навос он грубо́й, он ни пирипре́-ить»; «Каваль адин можэть скава́ть толькэ но́жык..., а та-пор — грубб́й, па йём на́да бить д́ужа».

Для обозначения границ между отдельными участками земли раньше в Леонтьеве использовались **в́итки**, **в́иточки**; их же втыкали в копны, чтобы разделить части урожая при арендовании: «Грани́ца (в поле) — капцы́ пэкапа́ли, паста́вили в́итки, в́итэчки — па́лэчки нибальшы́я, ваткн́ули в зямлю́»; «... э́струга́й в́итэчку, мине́ фторьни ф капу́ (чтобы отделить свое от чужого)»; «В́итку мо́жна паста́вить ш чиво́ хо́чиш». «Словарь белорусского наречия» приводит это слово с почти таким же значением: «В́итка... 1) Ветка или деревцо с завитыми прутьями, воткнутые при дороге на краю луга, в предостережение, чтобы не портили сенокоса лошадьми... 2) Ветка для показания зимней дороги»¹¹⁷. Русск. диалектн. **в́итвина** отличается словообразовательным обликом и семантически: «свежая хворостина, прут, лоза; перевязь на кольях изгороди, на пряслах околицы»¹¹⁸.

Русскому языку не чуждо слово **ба́тька (батя)**. Но ему не известно значение, свойственное форме множественного числа этого слова — «родители», характерное для белорусского языка и отмеченное в нашем говоре, правда, с ударением на основе (ср. белорусск. *бацькі*): «Как абраца́лися з ба́тькэми, так ы сь й́ми»; «Кум, кума́ — друг дру́гу кумы́ и ба́тькам рибёнка»; «Ба́тьки винава́тыйь, штэ́ ёти сэрванцы́ бэгэю́ть и шкóду дёлэю́ть».

Фонетический облик имени существительного **плак**, известного в белорусских говорах и в говоре Леонтьева, неразрывно связан с его словообразованием: «Пла́ку, кр́ику надéлэли (когда молодежь села угоняли в Германию)»; «Пла́ку надé-лэли, пла́чуть»; ср. в «Словаре белорусского наречия»: «Плак, у, с. м. Плач. Што там было́ плаку! Плаком не поможешь»¹¹⁹.

Фонетическая и морфологическая специфика отличает в говоре наименование одной из карточных мастей — **ч́ирва**: здесь не только другой ударяемый гласный в сравнении с рус-

¹¹⁷ Носович, стр. 58—59.

¹¹⁸ Даль, т. I, стр. 510.

¹¹⁹ Носович, стр. 417.

ским *чёрвы*, но также форма им. падежа на -а: «*Мне чёрва нивизіўчэя масць*»; ср. белорусск. литературн. *чёрвы*, ед. *чёрва* — «червы, черви»¹²⁰, диалектн. *чёрва* — «карточная масть — черви»¹²¹.

Ударяемым гласным, а в других говорах — также словообразовательным или морфологическим обликом отличаются от белорусск. *аціра* равнозначные русские: «*Отора ж., оторье ср. юж. зап., оторя ж. зап...* хлебный обой, от молотьбы; смесь мякины, охоботья, пустой колос, мелкая солома и пр., корм скоту»¹²². Некоторое родство с этими существительными обнаруживают псковск., тверск. *отірок, отірыш* — «остаток кренделя, стертого для маленького дитяти на сосок»¹²³. В говоре Леонтьева слово выступает в белорусском виде: «*Атіра—эта када прыбіраішь салому, астаётца мёлкэя салома, этэ ідэть каровы, каню, коньм большы*».

Русские и белорусские элементы могут переплетаться в одном слове. В результате контаминации русских *какой-то*, *когда-то* и белорусских *якісь, калісь* в говоре появились *какойсь (какаясь), когдась*: «*Гэлавня — ... вяршо́чик, чо́рный, там пыль кака́ясь чо́рнэя*»; «*Како́йсь сь ни сла́ткэ́й тваё́ я́блэ́кэ́*»; «*Пі́ва како́йсь нифку́скэ́й*»; «*Када́сь пан аса́жэвэ́л сат* (липами)»; «... *кана́вы капа́ють ... этэ́ и лапа́тэми дэ́лэли када́сь*». Леонтьевское существительное *яйшня* имеет белорусский словообразовательный облик (ср. белорусск. литературн. *я́чня*, диалектн. *я́шня*¹²⁴) и ударяемый гласный *и*, как в русском *яйчница*.

Большинство белорусских слов вошло в говор Леонтьева устным путем, в результате непосредственного общения с жителями соседних сел, а также более отдаленных (в близлежащих городах Ветке, Добруше, Гомеле при встречах в государственных, торговых, лечебных учреждениях). Влияние белорусского литературного языка началось позднее — через печать и радио. (Поскольку школа в Леонтьеве русская, она скорее является проводником влияния родного литературного языка. Именно этими путями в говор могли проникнуть и укрепиться в нем такие слова, как *наместник, выконать*,

¹²⁰ БРС, стр. 1017.

¹²¹ Носович, стр. 699.

¹²² Даль, т. II, стр. 1927; см. также ОС, стр. 3.

¹²³ ДОС, стр. 166.

¹²⁴ Носович, стр. 726.

обогуливать, наличать, одноособник (и одноособный), под-
робязность, перепынок, напруженный и др. Подавляющее же
большинство белорусских слов усвоено говором из диалектов.
О превалирующем влиянии на лексику говора именно бело-
русских диалектов, а не литературного белорусского языка
свидетельствует не только сфера употребления этих слов, их
отнесенность к устной, разговорной речи, но и то обстоятель-
ство, что часть таких заимствований находится за пределами
белорусского литературного языка, составляя принадлеж-
ность его диалектов.

СРЕДНЕРУССКИЕ ГОВОРЫ В УКРАИНСКОМ ОКРУЖЕНИИ

На территории Житомирской области Украины расположены села и деревни, жители которых являются носителями русского языка — представителями среднерусских говоров, генетически связанных с переселенческими русскими говорами Литвы и Латвии. Исследование этих среднерусских говоров невозможно без сопоставительного анализа их особенностей с особенностями русских говоров Прибалтики. В то же время русские говоры Житомирщины представляют определенный интерес для исследователей русских говоров на территории прибалтийских республик. Оторвавшись от переселенческих русских говоров Прибалтики, русские говоры Житомирщины оказались в новой языковой среде, а поэтому изучение этих говоров в какой-то мере может способствовать выявлению особенностей, которые возникли в русских говорах Прибалтики под влиянием латышского и литовского языков или поддерживаются этими языками.

Исследователи русских говоров Литвы и Латвии отмечают в них такие явления, которые имеют соответствия в других славянских (польском, белорусском) и балтийских языках¹. В целом ряде случаев эти соответствия имеются и в украинском языке. Поэтому изучение русских говоров Житомирщины в сопоставлении с окружающими говорами украинского языка важно для установления ареалов общих явлений, связывающих русские говоры с другими славянскими языками.

Наконец, исследование русских говоров Житомирщины представляет значительный интерес для изучения процессов взаимодействия близкородственных языков.

Настоящая статья ставит своей целью дать краткую историческую справку о появлении русских поселений на террито-

¹ О. Н. Шулене. Синтаксис русского говора Зарасайского района Литовской ССР (Простое предложение). АКД. Вильнюс, 1965, стр. 14—16.

рии Житомирщины, установить связь исследуемых говоров с русскими говорами Литвы и Латвии и материковыми говорами псковского типа, выявить некоторые особенности взаимодействия русских говоров Житомирщины с родственным украинским языком.

В Житомирской области обследовано 16 сел и деревень с русским населением: Большие Кошарища Коростышевского района, Мамеч Овручского района, Пятидуб, Малинка, Бродник Народичского района, Трудолюбовка Малинского района, Человка, Жабче Коростенского района, Шляховая Рудня Володарско-Волянского района, Работище, Теньковка, Адамовка Новоград-Волянского района, Кустин, Филипповка Бердичевского, Пилипо-Кошара Дзержинского, Нитино — Емильчинского районов. По типу говора к ним примыкает также село Рафаловка Иванковского района Киевской области, находящееся на границе с Житомирской областью.

Лишь немногие села характеризуются однородным (русским) составом населения. В большинстве же сел совместно проживают русские и украинцы (с преобладанием то одних, то других), а в некоторых селах кроме русских и украинцев живут еще поляки.

Русские жители перечисленных сел и деревень являются потомками старообрядцев-беспоповцев. Некоторые из них отмечают, что их предки принадлежали к так называемым «федосеевцам». В каждом селе сохранились воспоминания о том, что русские пришли на территорию Житомирщины «с Витебска», но наряду с Витебском в разных селах в различных сочетаниях называются следующие города: Динабург, Полоцк, Рига, Вильно, Ковно, Сувалки, Невель, Старая Русса Новгородской области. Учитывая тот факт, что города Динабург, Полоцк, Невель начиная с 1802 года входили в состав Витебской губернии², можно сделать заключение, что одни местные жители помнят лишь название губернии, откуда шло переселение, другие это сообщение уточняют. Так, жители с. Пилипо-Кошара указывают, что их предки переселились на Украину из Витебска. Некоторые из них добавляют: «Слышали, будто Динабург какой-то». Из источников известно, что главными центрами русского старообрядческого населения

² Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В. П. Семенова. Том IX. СПб, 1905, стр. 446, 449, 501.

в пределах б. Витебской губернии были Динабургский и Режицкий уезды³, т. е. нынешние Даугавпилсский и Резекненский районы Латвийской ССР. Кроме перечисленных городов в сообщениях местных жителей часто упоминается белорусский город Бобруйск. Во время диалектологической экспедиции летом 1965 года было установлено, что в районе г. Бобруйска имеются русские села, первые засельники которых пришли из Литвы (из б. Ковенской и Виленской губерний).

Таким образом, в сообщениях местных жителей содержится указание на то, что их предки пришли из Литвы, Латвии, б. Старорусского уезда Новгородской губернии и Белоруссии. Переселение русских из Литвы и Латвии на Украину происходило или непосредственно, или через промежуточные пункты, расположенные на территории Белоруссии,

Точных сведений о времени появления русских поселений на территории Житомирщины не имеется. Из рассказов местных жителей можно сделать заключение, что одни села существуют 150—200 лет, другие возникли около ста лет назад. Почти все русские села Житомирщины упоминаются в исследовании П. П. Чубинского «О великоруссах, проживающих и поселившихся в юго-западном крае», изданном в 1872 году⁴. В этой работе содержатся следующие статистические данные о русском населении исследуемых сел: в 1869—70 г. (период работы экспедиции) в Кошарищах было 94 двора с количеством жителей 245 человек, Янушевке (теперь Теньковка) 60 дворов (410 чел.), Филипповке — 40 (245 чел.), Заречской Добрице (теперь Трудолюбовка) — 39 (403 чел.), Броднике — 16 (159 чел.), Рафаловке — 13 (64 чел.), Человке — 12 (135 чел.), Малинке, Кустине, Должике (теперь Адамовка) — 11 дворов (соответственно 102, 138, 107 чел.), Шляховой Рудне — 10 (99 чел.), Мамче — 9 (77 чел.), Жабче — 7 (69 чел.), Пятидубе — 4 двора (36 чел.).

В настоящее время в разных селах имеется от 70 до 250 русских дворов.

Только два села — Нитино Емильчинского района и

³ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В. П. Семенова. Том IX. СПб, 1905, стр. 206; А. Семеновский. Этнографический обзор Витебской губернии. Сборник в память первого русского статистического съезда 1870 г. СПб, 1872, стр. 310.

⁴ П. П. Чубинский. О великоруссах, проживающих и поселившихся в юго-западном крае. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Т. 7. СПб. 1872, стр. 293—298.

Работище Новоград-Волынского района в исследовании П. П. Чубинского не названы. Можно полагать, что эти села возникли позже, после польского восстания 1863 года. Так, старейший житель с. Нитино Е. К. Иванов сообщает: *«Мат'еш бал'шайя была. Пал'ак'и хат'ел'и устанав'ит' свайу власт'»*.

Вспоминая о причинах переселения на Украину, старожилы рассказывают, что их деды бежали от панщины. Действительно, причиной переселения старообрядцев из Литвы и Латвии на Украину следует считать усиление экономического, национального и религиозного гнета со стороны польских помещиков. Постепенно возрастающее экономическое давление со стороны польских помещиков приводило к закабалению русских крестьян. Об этом говорят все исследователи данного вопроса⁵.

Таким образом, исторические сведения, сохранившиеся в памяти старожилов, дают основание говорить о генетических связях русских говоров Житомирщины с русскими говорами на территории Литвы и Латвии. Эти сведения подтверждаются данными языка. Большинство особенностей, отмеченных исследователями русских говоров Литвы и Латвии⁶ находит полное соответствие в русских говорах Житомирщины⁷. Исследование русских говоров на территории Латвии и Литвы показало, что эти говоры по происхождению связаны с псковскими говорами, так как основной поток русского старообрядческого населения на латышские и литовские земли, которые входили в состав Польского королевства, был из псковских и

⁵ С. Волков. Раскол в Витебской губернии. Витебские губернские ведомости за 1867 год; А. Ганцкая. Некоторые материалы по этнографии старожильского русского населения Литовской ССР. Труды Института этнографии АН СССР. Т. XXIII. М., 1954, стр. 78—79.

⁶ В. Н. Немченко. Русские старожилы Литвы и их говоры. Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР. Языкознание, VII. Вильнюс, 1963, стр. 78—85; М. А. Новгородов. Из наблюдений над фонетикой и морфологией говора русского старожильского населения Дагдского района Латвийской ССР. Ученые записки Даугавпилсского пединститута. I. Д. 1958, стр. 351—368; Из наблюдений над синтаксисом говора русского старожильского населения Дагдского района Латвийской ССР, там же, стр. 291—334; О. Н. Шулене. Синтаксис русского говора Зарасайского района Литовской ССР. АКД. Вильнюс, 1965.

⁷ Ср. краткое описание говоров двух русских сел в наших статьях — Изучение русских говоров на территории Украины, Вісник КДУ, № 2. Серія філології та журналістики, вып. I, 1959, с. 55—65; Вісник КДУ, № 3. Серія філології та журналістики, вып. I, 1960, стр. 66—74.

новгородских пределов⁸. Этим и объясняется тот факт, что переселенческие русские говоры Житомирщины по своим особенностям в наибольшей степени сближаются с акающими среднерусскими говорами псковского типа. Так, для русских говоров Житомирщины характерно наличие большинства черт, свойственных западным среднерусским говорам⁹, явлений западной зоны¹⁰, основных особенностей акающих псковских говоров¹¹.

Русские говоры на территории Житомирщины в основных чертах сходны между собой, хотя между ними имеются и некоторые различия. В прошлом эти различия были больше, но в настоящее время вследствие тесного контакта между жителями разных русских сел и деревень эти различия постепенно стираются.

Несмотря на оторванность от основной массы русских говоров, исследуемые говоры устойчиво сохраняют свои особенности. Отчасти эта устойчивость объясняется тем, что исследуемые говоры оказались в родственной языковой среде. Целый ряд явлений, исконно свойственных изучаемым говорам, наблюдается и в украинском языке. Например:

Замена предлога *у*, а также гласного *у* в начале слова согласным *в* (*в кавó, в н'авó, вдáр'ит', вгаст'йт', врад'йт'*), наличие протетического согласного *в* перед гласными *о, у* (*вакнó, вóл'ица*).

Наличие твердых конечных губных (*кроф, сем, гóлуп*); сохранение этимологических мягкого *н* корня перед суффиксом *-ск-* в именах прилагательных, а также мягкого *с* в этом суффиксе (*М'йн'с'кайа, украин'с'к'ий, Валын'с'кайа, жéн'с'к'ий*); произношение билабиального *w* (степень сохранности этого звука в говорах разных сел неодинакова): *карów, в'ар'ówка*; более широкое, чем в литературном языке, использование флексии *у* в родительном и предложном падежах единственного числа существительных мужского рода: *кòлá агн'у, сáду н'амá, в платкú, нò карабл'у, пр'и Д'ен'ик'ину*.

Распространение словоформ *дачка, мáтка*.

Широкое распространение окончания *-ы (-и)*, в именитель-

⁸ См. работы В. Н. Немченко, М. А. Новгородова.

⁹ См. перечень этих черт в кн.: «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 285.

¹⁰ Там же, стр. 244.

¹¹ Там же, стр. 288—300.

ном падеже множественного числа существительных мужского рода (*гла́зы, дамы́, браты́, сыны́, з'а́т'у́, ро́г'и, б'ир'аг'у́*).

Наличие *j* в основе в формах указательных местоимений (*той, та́йа, то́йе, т́ыйи*).

Наличие формы множественного числа определительного местоимения *вси* и образование форм косвенных падежей от этой основы: *вс'их, вс'им* и т. п.

Формы прилагательных предложного падежа единственного числа мужского рода с ударенным окончанием **-ым (-им)** (*в густы́м л'асу́, в сух'у́м маху́*).

Однако устойчивость изучаемых говоров наблюдается не только в тех случаях, когда соответствующие особенности имеются и в окружающих украинских говорах, но и тогда, когда в окружающей языковой среде такой поддержки не оказывается. Ср. сохранение таких черт, как сильное яканье, смычно-взрывное *г*, наличие в ряде слов «второго полногласия» (*стало́н, м'ялан'я́, чало́н* (лодка), *в'ар'о́х* (чердак)); несмотря на то что в окружающих украинских говорах наблюдается диспалатализация звука *р'*, в русских говорах Житомирщины *р — р'* различаются. Более того, в ряде случаев наблюдается расширение сферы употребления мягкого *р'* за счет твердого *р*: *ра́ма, кра́п'у́ва, ра́к'еты, скра́бная, са́хар', до́хтар', по́вар', Жыто́м'ир'* и т. п. Из грамматических явлений устойчиво сохраняется форма творительного падежа множественного числа, совпадающая с формой дательного падежа (*с нам, с рука́м, с ра́зным д'ала́м*); словоформа *ану (я́ну)* — винительный падеж единственного числа местоимения 3-го лица женского рода (*в'ид'ел я́ну*); употребление деепричастия в значении сказуемого (*го́ст'и пр'ий'ехат'у*), распространение конструкции «пойти в ягоды» с объектно-целевым значением и многие другие явления.

Особое положение русских говоров Житомирщины по сравнению с материковыми говорами определяет особенности их развития. Находясь длительное время в окружении говоров украинского языка, исследуемые говоры подверглись их влиянию. На территории Житомирской области распространены различные украинские говоры: среднеполесские, подольские и находящиеся между ними говоры, переходные к юго-западным¹². Исследуемые говоры распространены преимущественно

¹² Ф. Т. Жилко, Нариси з діалектології української мови, Київ, 1955, стор. 308 (карта говорів в українській мові).

в полосе среднеполюсских говоров и переходных к юго-западным. Различное диалектное окружение не могло не сказаться на особенностях изучаемых говоров. Несомненно, что некоторые различия, наблюдаемые в говорах, в определенной мере связаны с различиями в окружающей диалектной среде.

В силу исторически сложившихся обстоятельств система русского языка, которой владели русские переселенцы, пришла в тесное соприкосновение с системой украинского языка. Степень овладения системой украинского языка, особенности ее функционирования у разных групп носителей изучаемых говоров различны. Молодежь, прошедшая украинскую школу, некоторые сельские активисты пользуются русским или украинским языком в зависимости от ситуации, направленности речи и т. п. Но в подавляющем большинстве случаев носители изучаемых говоров не пользуются украинским языком, хотя хорошо понимают украинскую речь. Говоря об особенностях и разновидностях межславянского билингвизма, т. е. двуязычия, которое возникает в результате контактирования близкородственных славянских языков, проф. В. С. Ващенко обращал внимание на существование такого типа билингвизма, при котором носитель того или иного языка не говорит на двух языках, а только понимает второй язык. Общение при этом свободно осуществляется, взаимопонимание полностью достигается¹³. Именно такой тип билингвизма преобладает в исследуемых говорах. Во время совместных сельскохозяйственных работ русские женщины и украинки разговаривают друг с другом на родном языке: *Ан'ї (українці) па-сво́йему гаво́р'ут, а мы па-сво́йему. Но што ан'ї б́удут ѓвар'їт', то мы фс'о зна́им* (т. е. понимаем). Таким образом, системы двух языков — русского и украинского — носителями изучаемых говоров отчетливо осознаются и противопоставляются. В ряде случаев у представителей старшего поколения наблюдаем явление диалектного пуризма: *«Свой йазы́к н'и сплута́ла, хот' зуп н'амá»*. *«Свой йазы́к н'и кидáла»*.

Однако в результате длительного контактирования с носителями украинского языка в системе изучаемых говоров

¹³ В. С. Ващенко. Про особливості міжслов'янського білінгвізму, — В кн.: «Тези доповідей 6-й української славістичної конференції». Чернівці, 1964, стр. 5.

произошли значительные изменения. Эти изменения констатируются и местными жителями: «Скóл'ка у нас ужé атм'а-н'она рѣзгавóру, сафс'óm инáче стáл'и гавар'йт, как рáн'шы». Известно, что при межъязыковом контактировании степень проникновения элементов другого языка зависит от многих факторов, в том числе и от продолжительности контактирования. В селах, возникших в относительно позднее время, местные жители отмечают: *рúс'кэй рѣзгавóр, кадáшнэй, т'в'ор-дай*; *в Н'йт'ин'е т'в'ёрд'ейшы рѣзгавóр, как у нас, шч'е ч'ис-т'ей гавóр'ут*.

Степень влияния украинского языка на исследуемые говоры может быть установлена лишь на основе тщательного сопоставления особенностей данных говоров с материнскими псковскими говорами, с русскими говорами Литвы и Латвии. В языковом комплексе явлений, характеризующем псковские говоры и переселенческие говоры Литвы и Латвии наблюдается немало черт, общих с соответствующими чертами украинского языка и его говоров. В том случае можно говорить лишь о поддерживающем влиянии украинского языка, который, как уже отмечалось выше, способствовал сохранению в исследуемых говорах ранее присущих им особенностей.

Сопоставительный анализ русских говоров Житомирщины показывает, что проницаемость разных уровней системы изучаемых говоров различна. Влияние украинского языка в наибольшей степени ощутимо в лексике. Сами местные жители, отмечая изменения, происшедшие в говоре под влиянием украинского языка, определяют и характер этих изменений: «Мно́га слов паплúтана»; «У нас йазык пам'ёшана». Осознание тесного взаимодействия лексической системы русского и украинского языков наблюдаем в следующем высказывании: «У нас пълучáйетца так, што л'ес, л'ес па л'есн'ицы, а упал з драб'ины». Степень освоения отдельных украинских слов, функционирующих в речи носителей изучаемых говоров, не одинакова. Использование тех или иных элементов лексико-семантической системы украинского языка различно от индивидуума к индивидууму. Но можно выделить и общие, устоявшиеся элементы украинской лексики, например: *баняк* — чугун, *стеля* — потолок, *ломач* — хворост, *виделка* — вилка, *лѣх* — погреб, *лутка* — оконный косяк, *крѣквы* — стропила и т. п. Во многих случаях украинские заимствования не являются единым средством номинации, а употребляются парал-

тельно с русскими словами: *шукáт'* — *сачы́т'*, *дэпамóга* — *пó-мач*, *жагáва* — *стр'ак'íва* и т. п.

Вытеснение слов, исконно присущих исследуемым говорам, соответствующими украинскими словами также отмечается местными жителями:

б'ан'ák, *рáн'шы ч'игýн*; *крын'йца кл'уч'óm нэзывáл'и*, *т'а-п'эр' н'а кáжут*; *в'ылк'и рáн'шы ухвáты нэзывáл'и*; *рáн'шы матычка т'ап'эр' кэпан'йца*. Некоторые из таких слов перешли в пассивный словарный запас, их помнят только старики:

Маркóўка рáн'шы баркáн. *Мэладым скажы́т'ь*, *ан'й н'а бý-дут пан'имáт'* (не поймут).

Дальнейшее исследование лексики говором, составление словаря русских говором Житомирщины поможет установить, какие украинские слова полностью вошли в лексико-семантическую систему говором, вытеснили соответствующие русские эквиваленты этой системы и стали единственным средством номинации и какие слова активно функционируют наряду с исконно русскими словами.

В. И. Столбунова, рассматривая вопрос об украинских лексических заимствованиях в говоре русских переселенцев на Буковине, отмечала особую активность функционирования украинских наречий и служебных слов. Частое употребление украинских наречий она объясняет как особой активностью функционирования наречий вообще, так и стремлением в определенной ситуации придать речи экспрессивность, выразительность, местный колорит¹⁴. Наши материалы также свидетельствуют о большой активности украинских наречий. Но, думается, объяснение этому факту следует искать в особенностях их образования. Образование наречий происходит по определенным словообразовательным моделям, и во многих случаях из родственного языка заимствуется не отдельное наречие, а словообразовательная модель в целом. Носителями русского говора устанавливаются соответствия между моделями «вечером, ночью» и т. п. и «ввечері, вночі» и т. п. Факт заимствования модели словообразования доказывается тем, что в исследуемых говорах наряду с наречиями *внач'й*, *вв'е-ч'ер'и* и т. п., полностью соответствующими украинским

¹⁴ В. И. Столбунова. Развитие говора русских поселенцев на Буковине. Наукові записки Чернівецького державного університету, том 57, серія філологічних наук, выпуск 18, стр. 44.

наречиям, наблюдаем образования *вза́фтр'и, вў́тр'и* (утром) (ср. укр. *вранці*).

По образцу украинских моделей образовались следующие наречия:

гд'е-н'и-гд'е, куда-н'и-куда, када-н'и-када, напр.: *гд'е-н'и-гд'е адна́ с'ан'їна; када-н'и-када д'ат'ам в'їтан'им*.

Очень продуктивны образования со словом *што* (укр. *що*) в качестве первой составной части:

штодн'а, штонóчы, штогóду (ср. укр. *щороку*), *штоўтра* (ср. укр. *щоранку*) и т. п. Например: *штодн'а й'ед'ит дамóй; дав'али на пўду штом'ес'аца; штонóчы д'ажўр'ил, штоўтра найажд'аит; штогóду рóд'ит*. В некоторых наречиях наблюдается варьирование второй части: *штодн'а и штод'ен', штом'ес'аца и штом'ес'ьч'на* (ср. в белорусск. яз. *штомесячно*).

Широко представлены образования неопределенных наречий (а также местоимений) с помощью частицы *сь*:

кад'ас', кал'їс', куд'їс', дес', аткўдывас', к'акс'а. Напр., *зан'бс куд'їс'; парт'из'аны жьл'и д'ес' в л'ас'ах; к'акс'а бўд'им жьыт'*.

О. Н. Шулене отметила в русских говорах Зарасайского района Литовской ССР особые модели образования отрицательных наречий и местоимений: «нет + соответствующее наречие или местоимение»¹⁵. В других русских говорах образования по данной модели не обнаружены. В наших говорах отрицательные наречия и местоимения типа *нет где, нет куда, нет когда, нет каму, нет зачем* и т. п. обычны: *н'ет аткўда вз'ат'; рас вам н'ет кагда́, йа сам зд'елайу; н'ет гд'е з'рабóтат'; н'ет каму кас'їт'; н'ет ап ком н'еч'ал'итца*. Но наряду с ними начинают функционировать отрицательные наречия и местоимения, образованные по модели той же конструкции, но с несколько измененным обликом отрицательного слова: «н'ама + наречие (или местоимение)», а это полностью соответствует украинским образованиям с «нема». Напр.: *н'амá л'ист даст'ат' гд'е; н'амá камў р'ьсказ'ат; н'амá кагда́ в гр'иб'ї хад'їт'*. Ср. в украинском языке: *нема де* — негде; некуда; *нема кого, кому* и т. д. некого, некому и т. д. *Нема коли* — некогда. *Нема куды* — некуда и т. п.¹⁶. В данном случае под

¹⁵ О. Н. Шулене. Типы безличных предложений в русском говоре Зарасайского района Литовской ССР. Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР. Языковедение VI. Вильнюс, 1963, стр. 189.

¹⁶ Словарь украинского языка, под ред. Б. Д. Гринченко. Т. II, стр. 550.

влиянием украинского языка происходят некоторые изменения в той же самой модели.

Ф. Т. Жилко, перечисляя характерные особенности юго-западных диалектов украинского языка, указывает на широкое употребление префикса *за* — в сочетании с прилагательными и наречиями¹⁷. В этом случае префикс *за* вносит добавочное значение «слишком», «очень». Данная словообразовательная модель «*за* + наречие или прилагательное» обычна для исследуемых говоров: *запоздно, зарано, заскоро, замного, замало, зараньшы* (слишком рано, напр., *мама, зараньшы ты но́г'и памы́ла*), *задолгий, забольшой, закислый* и т. п. Эта модель характерна также для польского языка¹⁸. Возможно, что и в наших говорах она возникла до переселения предков носителей изучаемых говоров на Украину. Но на украинской почве под влиянием украинских говоров значительно расширился круг слов, образуемых по данной словообразовательной модели.

Что касается служебных слов — союзов, частиц — то в силу сравнительной малочисленности этой категории слов (по сравнению с предметной, глагольной и т. п. лексикой) легче устанавливаются соответствия между словами родного языка и близкородственного. Кроме того, и это главное, специфика этой категории слов заключается в том, что они не имеют номинативной функции. «В них «вещественное» содержание и грамматические функции совпадают. Их лексические значения тождественны с грамматическими»¹⁹. Поскольку связочные слова не заключают смыслового содержания высказывания, при коммуникации замена элементов одного языка элементами другого, близкородственного языка при тождестве функции этих элементов не приводит к нарушению взаимопонимания людей. Так, вопросительно-разделительная частица *ти*, свойственная русским говорам Житомирщины, вытесняется частицей *чи*. Например: *т'и аны́ уже́ екза́м'ены зда́ли?* *т'и вы с К'и́ива? вы н'а сп'и́т'и т'и сп'и́т'и?* *ч'и зна́ет'е вы Карап'у́нку и Шт'е́нс'ел'а? дъ с'ала́ дв'е ч'и тр'и в'арсты́.* В большинстве исследуемых сел частица *ти* употребляется лишь в речи стариков. Большая сохранность этой частицы наблюда-

¹⁷ Ф. Т. Жилко. Говори української мови, Київ, 1958, стр. 62.

¹⁸ Słownik rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. Część c' druga, pod redakcją M. F. Rozwadowskiej Warszawa, 1958, str. 705.

¹⁹ В. В. Виноградов. Русский язык. Учпедгиз, 1947, стр. 30.

ется в двух селах — Пятидубе и Рафаловке, в которых вообще более ошутимо белорусское влияние.

В функции противительного союза часто выступает украинский союз *проте*, нередко в сочетании с *але*, а: *йон ма́лый был, ал'е прато́ с им в л'ес й'езд'ил'и; н'и хат'ёл йес'т', ал'е прато́ сйел; йа с'йл'на н'и хат'ёла, штоп кал'ёка была́ жы́ла, а прато́ жив'от; гд'е н'и гд'е адна́ картóшына, п'яткап'аши бутта сафс'ом, а прато́ ана́ раст'от.*

Используются и другие украинские союзы и частицы, например *х'иба* (разве), модальные частицы *хай*, *н'ахай* и т. п.

Сложное взаимодействие двух систем наблюдается в области синтаксиса. Следует отметить, что и в области синтаксиса в русских говорах Житомирщины имеется немало таких особенностей, исконно свойственных данным говорам, которые находят соответствия в украинском языке и его говорах. Поэтому при установлении влияния украинского языка на изучаемые говоры принимается во внимание не только широкое распространение какой-либо конструкции в окружающих украинских говорах, но и отсутствие ее в других русских говорах, географически не соприкасающихся с украинским языком (в первую очередь в псковских говорах, в русских говорах Латвии и Литвы)²⁰.

Как отмечает Ф. Т. Жилко, характерной особенностью среднеполесских украинских говоров, распространенной также в юго-западных диалектах, является употребление конструкции типа *нас було трох; ішло двох по дорозі; двох нас му́лутило*.

Данная конструкция зафиксирована и в исследуемых говорах: *нас бы́ла тр'ох у маво́ атца́; двох их пр'ишло́; нас аста-лас' двох; двух х'рашб' уч'ыл'ис'а; нас бы́ла тр'ох сл'апых ч'и ч'итыр'ох; ско́л'к'и нас? двох? тр'ох?*

Е. Ф. Карский, говоря об особенностях выражения подлежащего в белорусском языке, отметил «редкий случай выражения подлежащего числительным с предлогом: *пришл'и́ у пяц'ох, зраб'ил'и у двох, жы́ли у шаси'ох*. Иногда предлог отсутствует: *ішло́ у но́чы двох с трыво́гай*»²¹. Сочетания с предлогом чрезвычайно распространены в наших говорах: *пашл'и́ уп'ит'аро́х; ад'ін св'ёт'ит, а вдвох, втр'ох пр'ад'ут; ад'ін в'ол,*

²⁰ Мы пользовались только печатными материалами.

²¹ Е. Ф. Карский. Русская диалектология. Л., 1924, стр. 114.

а в *двох зза́ду шл'и*. Но в данных случаях допустимо толкование указанных сочетаний как наречных образований. Эти конструкции в других русских говорах не отмечены и требуют дальнейшего изучения.

Как и в юго-западных диалектах украинского языка²², в русских говорах Житомирщины наблюдаются конструкции контаминированного двучленного типа с несогласованными элементами именительного и родительного падежей в группе подлежащего: *тых н'ётут'и и л'уд'ей н'икаво́, мы п'єрвых пр'ишл'и шес'т' ч'ьлав'єк; там майх тр'и зало́фк'и жив'о́т*.

Исследователь украинских говоров южной Житомирщины Л. П. Бова-Ковальчук отмечает употребление в названных говорах предложений (утвердительного и отрицательного типов) с простым сказуемым, выраженным личными формами глагола «мати»²³. Эта конструкция широко употребляется и в наших говорах: *вну́чка ма́йу; а́нэ ужэ р'аб'о́нка ма́йет; мно́га ма́йет'е грóшей; йа н'а ма́йу вр'єм'а пал'їт'; а́нэ н'а ма́ит н'икако́й с'їлы*. Ср. в украинских говорах: *ваш колгосп маэтри машини; я не маю часу*.

Ф. Т. Жилко отмечает, что обороты, в которых сказуемым является глагол «мати», обозначают обладание чем-нибудь, причем по сравнению с конструкциями «у меня есть» это обладание выражается в активной форме²⁴. Эта конструкция употребляется в изучаемых говорах и при указании на возраст: *81 гот ма́йу; пах'їл'їй в'єк ма́йу*.

Широкое распространение в исследуемых говорах получило употребление родительного падежа прямого объекта вместо конструкции с винительным падежом, характерной для литературного языка: *йа ваз'мў в'їлошн'ика; зь н'ад'єл'у рубл'а зьрабл'ал'и; тьпара́ п'ир'єв'алá; ка́мн'а т'єшыт; лóб'ика разб'їла; ст'їшкá нòв'ин'кэва наву́чут; жал'єйу саткá; засв'єч'ивай агн'á; хо́ладу т'єрпл'ў; ср. также в устойчивом сочетании: да́ла (-сделала) йей уко́ла; пэрас'атам уко́ла дава́т'*.

В древнерусском языке некоторые переходные глаголы «управляли родительным падежом как падежом не вполне

²² Ф. Т. Жилко, ук. соч., стр. 63.

²³ Л. П. Бова-Ковальчук. Сравнительно-историческое исследование говоров южной Житомирщины. АКД. Киев, 1953, стр. 16.

²⁴ Ф. Т. Жилко, ук. соч., стр. 103.

охваченного объекта»²⁵. В современном русском литературном языке некоторые глаголы также управляют родительным падежом как падежом «части», например *выпить воды, дать хлеба* и т. п. Кроме того, в разговорной речи употребительны сочетания глаголов *дать, одолжить* и некоторых других с родительным падежом существительных, обозначающих объект временного пользования, например *дай ножичка, одолжи карандашика*²⁶. Но в русском литературном языке круг переходных глаголов, которые могут сочетаться с родительным падежом прямого объекта, ограничен. Гораздо шире эта конструкция представлена в диалектах русского языка, а также в украинском и белорусском языке, причем в украинском и белорусском языках родительный прямого объекта «употребляется не только для обозначения временно охваченного действием предмета, но и без каких-либо смысловых признаков»²⁷. Конструкция типа «*я беру серпа*» — типична для среднеполюсских говоров²⁸, и это способствует интенсивному распространению ее в исследуемых говорах. В русских говорах Литвы отмечено употребление родительного количественного²⁹ (ср. и в наших говорах: *яа здайётца клáла лóжък там*), но родительный прямого объекта, не имеющий указанных смысловых оттенков, в русских говорах Литвы и Латвии не зафиксирован.

Влияние украинского языка сказалось и на употреблении предложных конструкций. Не останавливаясь на детальном анализе относящегося сюда материала, отметим лишь некоторые конструкции, возникшие под влиянием украинского языка. Прежде всего, следует выделить такие предложные словосочетания, в состав которых входят предлоги, заимствованные из украинского языка, например *проз, заради* и др.

²⁵ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. К., 1958, стр. 292.

²⁶ Грамматика русского языка. Изд. АН СССР, т. II, ч. I, стр. 124—125.

²⁷ П. А. Коробчинская. Культура русской речи на Украине. Про культуру мови, матеріали республіканської наукової конференції з питань культури української мови. К., 1964, стр. 40—41; Н. В. Бирилло. Говоры Краснослободского района Бобруйской области. Минск, АКД, 1953, стр. 14.

²⁸ Ф. Т. Жилко. Ук. соч., стр. 41.

²⁹ О. Н. Шулене. К вопросу о беспредложных сочетаниях в русском говоре Зарасайского района Литовской ССР. Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР, Языкознание, VIII. Вильнюс, 1963, стр. 19.

Предлог **проз** употребляется в сочетании с винительным падежом имени для обозначения пространственного значения «через, вдоль чего-нибудь, из конца в конец»: *Мы б'эглі прас фс'о с'алб; нэдъ прйт'ї прас ув'ес' л'ес*. Ср. в украинском языке: *їде... проз двір*³⁰. Характерно, что в русских говорах Литвы в данном случае употребляется предлог **про**, выступающий в соответствующей конструкции и в соседних говорах литовского языка³¹.

Для выражения причинных отношений наряду с предлогами **за, ради, с, от** и др. употребляется предлог **заради**: *сынóф н'и нашлá и сáма пам'брла зарáд'и их; зарáд'и д'авч'бнк'и хóчыт в'арнўтца; зарáд'и м'ашкá н'а вз'ала и н'ь куп'їла н'ьчавó; зарáд'и пр'ижáрк'и п'длаж'їла дроф; зарáд'и хл'еба хад'їла*. Ср. в украинском языке: *треба миритися заради дітей*³².

Следует отметить широкое распространение в исследуемых говорах конструкции «предлог **по** + существительное в предложном падеже множественного числа» для выражения пространственных, объектных и временных отношений: *п'э л'асáх; п'э садáх; п'э сл'адáх пашл'ї; п'э ст'эр'їкáх п'э так'їх хóд'ут п'эг'ман'їт', на п'áтн'їцах* и т. п. Эта конструкция отмечается во многих русских говорах, географически соприкасающихся с говорами украинского и белорусского языков³³. Но в исследуемых говорах наблюдается расширение сферы употребления конструкции «**по** + существительное в предложном падеже» для выражения пространственных отношений: в сочетании с предлогом **по** могут употребляться и существительные в единственном числе: *хад'їл'и п'э с'ал'е; п'э с'ал'е р'эск'їдал' ктó-та аф'їшк'и; мы вт'акл'ї на л'ес'и скрос'; б'эгáют на л'ес'и; на пóл'и н'айд'їт'ь, п'э за хáтам ид'їт'ь; хавá-лис'а на гóрад'и, л'уд'и пабывáют на св'ет'и, н'и хад'їт'и на жыт'и; на жыт'и паб'эк*.

³⁰ Словарь української мови. Під ред. Грінченка, том III. Київ, 1909, стр. 466.

³¹ А. П. Непокупний. Кілька випадків впливу литовської мови на синтаксис російських говірок Литовської РСР. Науковий щорічник Київського державного університету за 1957 рік. Київ, 1958, стр. 138.

³² Словарь української мови, під ред. Б. Грінченка, т. II, стр. 87.

³³ Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 182; В. И. Столбунова. Развитие говора русских поселений на Буковине. Наукові записки Чернівецького університету, том 57, серія філологічних наук, випуск 18, стр. 45 и другие работы.

В «Курсе современного украинского литературного языка» под ред. Л. А. Булаховского указывается, что характерной особенностью предлога **по** в украинском языке является то, что до сих пор при его употреблении наблюдается колебание между дательным и предложным падежом имени. Нормой украинского литературного языка считается употребление при предлоге **по** существительного в предложном падеже, если это существительное выступает в форме множественного числа. Если же существительное выступает в единственном числе, то типичным является употребление окончания **-у**, а не **-і** от существительных мужского и среднего рода (*по столу, по селу*, но не «*по селі*», «*по столі*»). Но здесь же отмечается, что в говорах значительной части Правобережья Украины (т. е. на территории распространения исследуемых говоров) в этой позиции последовательно используют форму предложного падежа. Ср. у писателей, представителей этих городов: «По двори ростуть здорові, ак дуби, груші та черешні» (Нечуй-Левицький); за тиждень Тишко налився, як червоне яблуко, так і качається по дворі (Вовчок, 34). Таким образом, в наших говорах рассматриваемая особенность появилась под влиянием соседних украинских говоров.

Влияние украинского языка может сказываться и на степени интенсивности употребления какой-либо конструкции. Так, по наблюдениям О. Н. Шулене, в русском говоре Зарасайского района Литовской ССР конструкции «до + родительный падеж имени», служащие для выражения пространственных и объектных отношений, единичны³⁵. В исследуемых говорах употребление этих конструкций представлено очень широко: *йанá да з'áт'а прийéхатч'и*; *пайдú да сына схажú*; *пáл дъ Тарáса у рúк'и*; *кур'ей н'и дъпускайт'и дъ йач'м'ен'ú*; *в Падлúбы пайд'от да шкóлы*; *пайéхал дъ Краснайáрска*.

Сложный исторический путь, пройденный носителями изучаемых говоров, межъязыковое и междиалектное контактирование способствовали тому, что в исследуемых говорах для выражения одних и тех же значений нередко употребляются две, а иногда и три диалектных конструкции. Так, в исследуемых говорах параллельно употребляются две кон-

³⁴ Курс сучасної української літературної мови. Під ред. Л. А. Булаховського. Том II. Синтаксис, Київ, 1951, стр. 94.

³⁵ О. Н. Шулене. Синтаксис русского говора Зарасайского района Литовской ССР. АКД. Вильнюс, 1965, стр. 11.

струкции, имеющие объектно-целевое значение «в + винительный падеж имени», «по + винительный падеж имени»; *пайд'ом в гр'ибы; хад'ил'и в йагъды; зал'ес в йаблѣк'и; пашл'и пѣ траву; ход'ут пѣ чарн'іку* и т. п.

Иногда в том же значении употребляется конструкция «на + вин. п. имени», распространенная в юго-западных диалектах украинского языка³⁶. Ср. параллельное употребление всех трех конструкций: *он л'уб'йт'ѣл' в рыбу хад'йт'*; *пашл'і в рыбу; фс'о с'алѣ пашл'і на рыбу; мѣжыт пайд'иш на рыбу?*; *йа саб'иралас' ит'іт' на рыбу.*

В меньшей степени влияние украинского языка сказалось на фонетико-морфологической системе говоров. Отметим некоторые явления.

Гласный *о* в безударном положении, главным образом во втором предударном слоге, подвергается лабиализации; *бурадатый, турап'ітца, пуласам'и, пѣвуражыла, бугурѣд'ица, пулл'итра* и т. п. Произношение *у* вместо *о* в безударном положении широко распространено в юго-западных говорах украинского языка и некоторых среднепопесских³⁷. Хотя некоторые случаи лабиализации звука *о* в указанном положении отмечены в русских говорах Латвии³⁸, считаем, что в наших говорах она связана с влиянием украинских говоров. Об этом свидетельствуют украинские заимствования, например: *тур'ішн'а к'ур'ица* (ср. в укр. литер. языке *торішній* — прошлогодний), *гулува пр'ийѣхал* (председатель, ср. в литер. языке — *голова*. Записано в с. Работище Емильчинского района).

Спорадически наблюдается появление звука *w* на месте *л* в глаголах прошедшего времени, мужского рода, единственного числа: *фпaw* (упал) *даw* (дал); *жaw* (жал) ср. в украинских словах *балакаw, буw* и т. п.

Спорадически отмечено произношение фрикативного *у*, главным образом в словах, заимствованных из украинского языка: *уладышка, улава* и т. п. Но чаще и украинские слова произносятся с *г* взрывным.

Из морфологических особенностей отметим широко

³⁶ Ф. Т. Жилко. Укр. соч., стр. 65.

³⁷ Там же, стр. 40, 51.

³⁸ М. А. Новгородов. Из наблюдений над фонетикой и морфологией говора русского старожильского населения Дагдского района Латвийской ССР, стр. 352.

представленное в говорах употребление частицы *но* в формах повелительного наклонения. Например:

прапо́й нѣ п'ес'енку; ид'и ны в по́гр'ип, нѣб'ар'и картошк'и; хад'и ны ка мн'е; ваз'м'и нѣ жмак с'ена; хад'и ны п'ес'н'и зъсп'авáим; гл'ад'и ны, штоп т'аб'е н'и было так с Тóл'кай. Эта частица употребляется в украинском языке для смягчения тона приказа и придает формам повелительного наклонения просторечно-фамильярный оттенок³⁹.

Предикативное прилагательное «рад» употребляется в полной форме — «ра́дый». Ср. в укр. языке: *Ввечері було прийде її москаль з роботи радий та веселий.* (Нечуй-Левицький). Полная форма наблюдается и в женском роде, и во множественном числе: *са́ма н'а ра́дайа, фс'е ра́дьи*⁴⁰.

Другие явления выступают менее последовательно, поэтому мы на них не останавливаемся.

Таким образом, длительное контактирование с родственным украинским языком нашло свое отражение во всех сторонах языковой структуры исследуемых говоров: лексике, синтаксисе, фонетике, морфологии. Но на разных уровнях языковой системы говоров проникновение отдельных элементов системы украинского языка характеризуется различной интенсивностью, неодинаковой последовательностью проявления, разной степенью закреплённости в системе говоров. Влияние украинского языка наиболее значительно в лексике и синтаксисе. Здесь с влиянием украинского языка связано появление таких лексем или конструкций, которые вошли в систему говора, стали неотъемлемой частью этой системы, вытеснив ее старые компоненты. (Ср. употребление слова «баняк» вместо «чугун» или конструкции с глаголом «мати»: «маю» вместо «у меня есть» и т. п.). Во многих случаях украинские элементы активно функционируют наряду с русскими. В фонетической и морфологической системе влияние украинского языка сказывается главным образом в сохранении тех особенностей, которые были свойственны говорам ранее.

Сопоставление русских говоров Житомирщины с материнскими псковскими говорами для уяснения внутренних процессов развития указанных говоров показывает, что в иссле-

³⁹ М. П. Івченко. Сучасна українська літературна мова, Київ, 1962, стр. 395.

⁴⁰ Словарь української мови, під ред. Б. Грінченка, том IV, стр. 2.

дуемых говорах исчезли или находятся в стадии исчезновения такие особенности, которые утрачиваются и в акающих псковских говорах. Так, в исследуемых говорах остались лишь реликты цоканья, цеканья и дзеканья, очень редко, лишь в лексикализованных случаях, наблюдается смешение свистящих и шипящих и т. п. Но в ряде случаев изолированное положение говоров способствует консервации некоторых архаических черт. Особенно это наблюдается в синтаксисе. Так, в наших говорах наблюдается сохранение таких архаических конструкций, как творительный причины (например: *н'и хат'ёл'и ум'ират' гóлздам*), родительный беспредложный при глаголах движения (*хад'ýла в кл'уч' вады; чавó ты ид'óш вады?; аш ит'ýt' у калхóс вады; рабóты н'е на́да ит'ýt'*) и т. п. Это говорит о том, что исследование островных говоров русского языка очень важно не только для изучения процессов межъязыкового контактирования, но и для изучения истории и диалектологии русского языка, для выяснения внутренних законов его развития.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИСТЕМЫ КОНСОНАНТИЗМА РУССКОГО ГОВОРА с. КРАСИЛОВКА ИВАНКОВСКОГО РАЙОНА КИЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Данная работа посвящена исследованию системы консонантизма русского говора с. Красиловки Иванковского района Киевской области, проводимого в лаборатории экспериментальной фонетики Киевского ордена Ленина Государственного университета имени Т. Г. Шевченко.

При изучении фонетической структуры языков и говоров в последнее время все более широкое распространение получают инструментальные приемы исследования, позволяющие получить более полную, более объективную характеристику звуков, чем при слуховом анализе речи. Целесообразность использования в подобных исследованиях экспериментально-фонетического метода общепризнана и убедительно доказана целым рядом работ по фонетике отдельных языков, выполненных как в лаборатории КГУ¹, так и в других фонетических лабораториях Советского Союза и за рубежом.

Однако в области русской диалектологии метод инструментального анализа речи до сих пор не получил должного распространения, хотя вопрос этот поднимался неоднократно.

Еще в 1959 году в статье «К очередным задачам русской диалектологии»² Р. И. Аванесов и В. Г. Орлова отмечали: «При описании говора, в особенности его фонетической системы, желательна широкая запись, которое обеспечит собирание материала как в количественном отношении, так и в качественном отношении, так как дает возможность многократного прослушивания записанного и проверки. Давно пора практически решить вопрос о применении

¹ Работы И. П. Сунцовой по фонетике немецкого языка; Н. И. Тоцкой и Л. И. Прокоповой по укр. языку; Л. Г. Скалозуб по русскому языку.

² МИД, 1959 г.

инструментальных методов при описании звуковой стороны говоров».

Данная работа и основана на 1) непосредственных наблюдениях автора над живой разговорной речью жителей Красиловки, 2) на данных, полученных в результате многократного прослушивания записи речи на ферропленке и 3) на материалах палатографического и осциллографического анализа речи.

Непосредственные наблюдения над речью проводились во время летних экспедиций в указанное село в течение 6 лет. В это же время были сделаны записи живой разговорной речи с помощью магнитофонов «Репортер-2» и «Маг-8».

Для исследования было привлечено 12 дикторов мужчин и женщин, разных по возрасту и по положению.

Прослушивание проводилось и индивидуально, т. е. только автором, и коллективно: несколькими аудиторами одновременно. К аудиторству привлекались специалисты-фонетисты и люди, не имеющие никакой фонетической подготовки. Учитывался также родной язык аудитора: в прослушивании участвовали носители русского, украинского и литовского языков.

Материалы, полученные при сравнении результатов наблюдения всех аудиторов, оказались чрезвычайно интересными, а порой и совершенно неожиданными.

Большой и очень важный материал для артикуляционной характеристики звуков, особенно согласных, может быть получен с помощью палатографирования.

В экспериментальной фонетике известно 2 метода палатографирования: 1) классическое и 2) прямое палатографирование.

Классическое палатографирование известно сравнительно давно, со второй половины XIX века. Оно довольно широко применялось в нашей отечественной науке³.

Принцип его заключается в следующем: наблюдение над артикуляцией звуков в ротовой полости осуществляется с помощью искусственного неба. Искусственное небо представляет собой тоненькую пластинку, которая должна абсолютно копировать форму неба диктора, чтобы не мешать произношению и сохранить естественность артикуляций. Искусственное небо посыпается тальком и вставляется в рот диктора.

³ Классическое палатографирование применяли в своих работах Л. В. Щерба, В. А. Богородицкий.

После произнесения звука исследователь может сфотографировать⁴ или срисовать отпечатки, образовавшиеся на месте контакта языка с искусственным небом.

Изучение палатограмм дает возможность довольно точно указать место и размер контакта языка с небом, возникающего при артикуляции того или иного звука, а следовательно, и более объективно определить степень поднятия языка к твердому небу.

Прием прямого палатографирования для исследования звуковых артикуляций впервые в Советском Союзе был применен в лабораториях экспериментальной фонетики Тбилисского⁵ и Киевского государственных университетов. Здесь в 1961—1962 г. был сконструирован палатограф — прибор, который позволяет получать палатограммы без искусственного неба (изготовление которого представляет собой очень трудоемкий и длительный процесс).

Палатограф состоит из двух основных частей: фотоаппарата со вспышкой и зеркала, закрепленных в строго определенном положении по отношению друг к другу. Для получения палатограмм небо с помощью пульверизатора равномерно покрывается эмульсией карболена. По окончании артикуляции отражение неба с контактами на нем, результат соприкосновения языка с небом, во введенном в рот зеркале фиксируется в момент электронной вспышки фотоаппаратом⁶.

Очень важно, что с помощью указанного прибора могут быть получены кроме палатограмм (отпечатки языка на твердом и мягком небе) лингвограммы (отпечатки, образующиеся на языке в результате контакта с небом), дентограммы (отпечатки кончика языка на внутренней поверхности нижних зубов) и альвеолограммы (отпечатки кончика языка на альвеолах).

Это дает возможность всесторонне исследовать артикуля-

---

⁴ Методика получения фотографий отпечатков на искусственном небе была разработана в 1955 г. в лаборатории экспериментальной фонетики КГУ.

⁵ С. Н. Жгенти. Некоторые новшества в научно-исследовательской лаборатории экспериментальной фонетики Тбилисского гос. университета. Труды Тбилисского университета, т. 93, 1960, стр. 399—412.

⁶ Подробно о методике прямого палатографирования см. Л. Н. Прокопова, В. О. Скворцов, Н. І. Тоцька, Пряме палатографування українських голосних і приголосних; «Питання історії та культури слов'ян», Изд. КГУ, ч. II, 1963, стр. 80—88.

цию звуков, определить взаимодействие различных частей ротовой полости при произношении.

Палатограф представляет собой удобный портативный прибор, который может быть широко использован во время диалектологических экспедиций. В полевых условиях питание прибора осуществляется с помощью аккумулятора или батарей.

Практикой работы лабораторий экспериментальной фонетики КГУ⁷ и ЛГУ⁸ установлена возможность изучения довольно большого круга вопросов, касающихся артикуляционно-акустической характеристики звуков, с помощью осциллографического анализа речи.

Так, в результате обработки осциллографических кривых может быть определена длительность звука, сила и высота основного тона для гласных и звонких согласных, интенсивность звуков речи⁹, оглушение и озвончение согласных, их аффрикатизация и аспирация, ассимилятивные явления и т. п.

Приступая к изучению речи жителей с. Красиловки, мы ставили перед собой цель определить качественно и количественно фонологический состав говора; выявить наличие или доказать отсутствие изменений в говоре, которые могут быть объяснены влиянием украинского языка окружающего населения, попытаться выяснить, «как осуществляется целостное языковое общение», обусловленное социальными потребностями нашей эпохи при наличии расхождений в фонетических системах разных диалектов...¹⁰» и какие изменения претерпевают эти системы в процессе общения.

Село Красиловка расположено в северной части Киевской области в 25 км от районного центра Иванков и в 30 км от Чернобыля.

Население Красиловки — потомки бывших русских раскольников-старообрядцев, бежавших в свое время из цент-

⁷ В. О. Скворцов. Про застосування шлейфового осциллографа в експериментальній фонетиці. Вісник КДУ — 1958, № 1, серія філології та журналістики, вып. I, стр. 175—179.

⁸ Л. В. Бондарко. Осциллографический анализ речи. ЛГУ, 1965.

⁹ В. А. Скворцов, А. К. Текорюс. О применении шлейфового осциллографа МПО-2 для исследования акустической интенсивности звуков речи. Калботуга, XIII. Вильнюс, Изд. «Минтис», 1965, стр. 187—192.

¹⁰ А. Н. Гвоздев. К вопросу о влиянии междиалектного общения на фонетические системы русских говоров. «Избранные работы по орфографии и фонетике». М., Изд. АПН РСФСР, 1963, стр. 203.

ральных губерний России от преследований царского правительства и официальной церкви.

Согласно преданию, бытующему среди стариков-красиловцев, их *д'ады и прэд'еды* лет триста назад, т. е. во второй половине XVII в. *вышетшы был'и из з'ам'эл' Калужс'кой и Бр'анс'кой губ'ерний* и направились на Ветку и в Стародуб, находившиеся в то время на территории Польши.

В течение последующих 100 лет эти районы, недоступные для Московского государства, были центром русского старообрядчества. Однако ко второй половине XVIII в. в связи с усилением влияния России в Европе Стародуб и Ветка оказались под властью русских царей, и тогда «старообрядцы... предводители коих: Илларион по прозванию Коровьи ножки, Никифор Ларионов и Павел Григорьев в 1775 году вышли из Стародуба, почитая там спасение души своей невозможным. К ним постепенно присоединились искавшие безопасного убежища, преследуемые русским правительством раскольники. Они появлялись как в самом Чернобыле, так и в слободах Красиловке, Замошье и других»¹¹.

Таким образом, появление первых поселенцев на этой территории относится ко второй половине XVIII столетия. Наблюдения над живой разговорной речью Красиловцев подтверждает мысль о генетической связи данного говора с южновеликорусскими говорами, распространенными на пограничной территории Калужской и Брянской областей. Крайняя замкнутость, продолжительная этническая обособленность, строжайшее соблюдение старообрядческих обычаев, очень ограниченный до 1930 года контакт с окружающим населением обусловили сравнительно прочную сохранность исконно русской фонетической и грамматической системы и особенно-стей материнских говоров.

Однако все же столь длительное пребывание на территории Украины, в окружении украинского населения, лингвоэтнический и экономический контакт с которым в последнее время стал довольно прочным, безусловно, не могло пройти бесследно и не отразиться на системе говора. Целый ряд явлений свидетельствует о довольно значительном влиянии на говор украинского языка окружающего населения.

¹¹ Л. Похилевич. Сказание о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864.

Обращает на себя внимание и тот факт, что влияние украинского языка неодинаково проявляется в речи представителей различных возрастных групп: в соответствии с каким-либо явлением в речи старшего поколения часто появляется в речи молодежи нечто качественно новое, возникшее в значительной мере под влиянием языка окружающего украинского населения.

Это влияние особенно проявляется в лексическом фонде говора и менее заметно в его фонологической системе, которая, в основном, по составу фонем и их артикуляционно-акустической характеристике соответствует русскому литературному языку и материнским говорам.

Системе фонем в говоре свойственны такие же противоположения, как и в литературном языке: по глухости, звонкости, мягкости, твердости, по способу и месту образования. Существенные фонетические особенности, обусловленные иноязычным окружением, проявляются, в основном, в количестве и качестве вариантов фонем и в некотором изменении сферы их употребления.

Цель данного сообщения, не останавливаясь на подробной характеристике, указать на отдельные, самые яркие особенности системы консонантизма говора с. Красиловки.

Система согласных фонем в говоре, как отмечалось выше, в основном соответствует русскому литературному языку, но системные отношения в нем несколько иные.

Значительные отклонения от литературного языка наблюдаются в системе губных согласных.

В положении конца слова губные согласные произносятся всегда твердо:

кrow, сын, с'ем, ѳблуп, руп (рубль).

Это явление последовательно и очень устойчиво. Отвердению губных согласных в данной позиции, которое наблюдается в значительной части и южновеликорусских и северновеликорусских говоров, в говоре Красиловки способствовало, безусловно, и влияние украинского языка, где такое произношение соответствует литературной норме.

Фонема *в* в говоре, как и в украинском языке, чаще выступает в своем губно-губном, или билабиальном, варианте *w*, т. е. преграда на пути струи выдыхаемого воздуха образуется сближением и смычкой верхней и нижней губ:

пpавда, д'ашéwл'е, л'асów, дварów. Но в некоторых пози-

циях в выступает и как губно-зубной звук. Как губно-губное в произносится в конце и в середине слова перед согласными.

Произношение губно-зубного в наблюдается лишь в положении перед гласными¹²:

в'ідна, савá, вар'єн'а, с'в'єт.

В разговорной речи, т. е. при довольно быстром темпе, в абсолютном начале слова перед согласным часто наблюдается замена **w** неслоговым **у** (**ў**):

ўрач, ўч'бра, ўп'ар'бт, ўнўч'ик. Это **у** неслоговое отличается по своей артикуляционно-акустической характеристике и от билабиального **в** (**w**), и от гласного **у** полного образования. При его образовании губы округляются и выпячиваются вперед больше, нежели при **w**, но не так сильно, как при слоговом **у**.

У неслоговое — более короткий звук, чем **у** обычное. Но при замедленном темпе речи довольно часто можно наблюдать случаи, когда **у** неслоговое в указанной позиции удлинится до степени обычного гласного **у** полного образования.

Параллельное употребление **у** полного образования и **у** неслогового обычно можно наблюдать у одного и того же лица.

Чередование билабиального **w** с **у** неслоговым и **у** полного образования и наоборот известно Калужским, Брянским и многим другим южновеликорусским говорам. Конечно, эта особенность является исконной в говоре, но можно с уверенностью сказать, что значительную роль в поддержке и сохранении указанной черты играет влияние украинского языка, где чередование **w** и **ў** является литературной нормой.

В фонетической системе говора сонорный **в** является непарным по глухости и звонкости, так как в положении конца слова и в середине перед последующим глухим он не чередуется с глухой согласной фонемой **ф** в отличие от всех остальных звонких фонем, которые в указанной позиции в говоре, как и в литературном языке, подвергаются оглушению.

Фонема **ф** до последнего времени была чужда говору, и сейчас ее употребление в речи очень ограничено. Она изредка встречается в речи сельской интеллигенции и учеников старших классов, которая, безусловно, испытывает значительное влияние русского литературного языка.

¹² Кроме вышеупомянутой позиции в окончании **-ого**.

Обычно в соответствии с этимологическим **ф** литературного языка произносится **х** или **хв**. Перед согласными — **х**, перед гласными **хв**:

хвона́р, кахв'е́йн'ица, ко́хта, хвам'и́л'ија, ахв'ице́р, ар'их-м'е́т'ика.

Причину замены фонемы **ф** звуками **х**, **хв** Р. И. Аванесов объясняет следующим образом:

«Говоры... не знавшие губно-зубной **в**, а имевшие в соответствии с ней **w** губно-губного образования или **ў** (у неслоговое), не могли освоить звука **ф**, так как губно-зубная артикуляция им вообще была чужда. Передача же этого чуждого говору звука через оглушенное губно-губное **w** (ф) или безгласное **у** (**ў**) была невозможна ввиду очень малой акустической выразительности (слабой слышимости) этих звуков без голоса. Учитывая двухфокусность артикуляций **w**, **ў** (губная артикуляция + заднеязычная) замену иноязычного **ф** через **х**, **хф**, **хв** можно понять как результат усиления заднеязычной артикуляции, увеличивающей акустическую выразительность»¹³.

Таким образом, объем употребления звука **х** в говоре значительно шире, чем в русском литературном языке. Как отмечалось выше, **х** может произноситься в соответствии с **г**, **к**, **ф**.

В системе переднеязычных согласных наибольший интерес представляют следующие явления.

Переднеязычный сонант **л** по своему качеству и по употреблению, в основном, соответствует литературному языку и так же, как и в литературном языке, образует со звуком **л** соотносительную пару по твердости и мягкости. Поэтому особый интерес представляют случаи чередования **л** с билабиальным **w** в положении конца слова и слога перед согласным. Это чередование носит, в основном, лексикализованный и морфологизованный характер и встречается в небольшом количестве слов: *пашо́w, кошбаса́, ўз'аш, спаш, став* и в некоторых других глаголах в форме прошедшего времени мужского рода.

В указанных словах **w** вместо **л** употребляется последовательно. Подобное явление очень редко встречается в южновеликорусских говорах, а в северновеликорусских говорах с **w**,

¹³ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. I. Учпедгиз, 1949, стр. 125.

как правило, чередуется «среднее» I, поэтому есть все основания считать, что замена I губно-губным w в указанных случаях является результатом влияния украинского языка, где произношение с w в данной позиции является литературной нормой.

В говоре последовательно различаются аффрикаты ц и ч, и употребление их соответствует литературному языку¹⁴.

В говорах Калужской области распространено произношение ш вместо ч. В речи жителей Красиловки указанная особенность не наблюдается.

Обращает на себя внимание качество звука ч. В положении перед и произносится обычное мягкое ч со взрывом, возникающим в результате прорыва струей выдыхаемого воздуха смычки, образованной кончиком языка у зубной части неба.

В других позициях эта аффриката несколько тверже, чем в литературном языке.

Некоторое отверждение аффрикаты ч может быть объяснено особенностями ее артикуляции. В говоре степень поднятия спинки языка при образовании ч несколько ниже, чем в литературном языке.

Экспериментальными исследованиями доказано, что мягкость согласных зависит от степени приближения при их образовании спинки языка к твердому небу.

Абсолютно твердое произношение ч известно отдельным северновеликорусским говорам и небольшой группе говоров, граничащих с белорусским языком, а в говорах Калужской, Брянской областей каких-либо изменений в качестве упомянутой аффрикаты исследователями не отмечалось. Поэтому можно предположить, что это изменение появилось в говоре в более позднее время и, вероятно, в значительной мере под влиянием украинского языка, в котором соответствующая аффриката ч относится к твердым согласным, непарным по твердости и мягкости, и произносится без приближения средней части языка к твердому небу¹⁵.

В говоре, как и в русском литературном языке, существует две фонемы р и р', противопоставленные по твердости и мягкости, но употребление значительно отличается.

¹⁴ Исключение представляет слово *тяжело*, где ч произносится вместо т литературного языка.

¹⁵ М. А. Жовтобрюх, Б. М. Кулик. Курс сучасної української літературної мови, ч. I, «Радянська школа», 1965, стр. 125.

В начале и середине слога перед гласными могут произноситься оба звука:

р'ис, дрoвá, пар'эзал. А в конце слога и слова наблюдается ярко выраженная тенденция к отвердению р: *с'икл'итар, хвонáр, то́кър, үбрк'иј, т'ап'эр.*

Последовательное отвердение р в конце слога характерно и для украинского языка.

Отвердение р в конце слога и слова в какой-то мере сужает объем употребления твердого р в говоре сравнительно с литературным языком. Но, с другой стороны, в ряде слов в корнях вместо р произносится р':

р'áмка, цэр'ков, в'ер'х, ч'атв'эр'х. Произношение мягкого р' в последних трех словах представляет сохранение архаической нормы.

В древнерусском языке звук р в сочетаниях согласный +е (из ь) + р+согласный (типа *tert*) смягчался под влиянием предшествующего гласного е. Эта особенность очень долго сохранялась в литературном русском языке¹⁶ и до сих пор наблюдается в целом ряде говоров, в том числе сохраняется и в указанных словах в речи красилковцев.

Говору известно произношение долгих шипящих $\bar{\text{ш}}$, $\bar{\text{ж}}$ на месте звуковых сочетаний *щ, жд, жч*:

ш́ука, дош́ (дождь), муш́ына, дрóжы.

На стыке морфем в соответствии с сочетаниями *tj, nj, lj* произносятся долгие $\bar{\text{T}}$, $\bar{\text{H}}$, $\bar{\text{L}}$:

плáт'а, св'ин'á, б'а л'ó, п'ач'э́н'а.

Среднеязычный согласный *j*, как и в литературном языке, чередуется с *и* неслоговым, но сфера употребления несколько иная. Сохраняется *j* в интервокальном положении в корнях слов и личных окончаниях глаголов в прилагательных. В местоимениях множественного числа *такие, всякие* наблюдается выпадение интервокального *j*: *так'и́, ўс'áк'и́.*

Названные местоимения имеют аналогичную форму в украинском языке: *усякі, такі.*

Следовательно, для данного говора выпадение *j* в интервокальном положении представляет лексикализованную особенность.

С другой стороны, сфера употребления фонемы *j* в говоре

¹⁶ Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. 1954, стр. 91.

значительно расширяется за счет наличия ее в качестве протетического согласного в обладающих очень большой употребительностью личных местоимениях:

јон, јонá, јаны, јанó.

В употреблении заднеязычных фонем в говоре также наблюдаются некоторые особенности.

Звук г в говоре фрикативного образования и по своей артикуляторно-акустической характеристике приближается к фарингальному г (h) украинского языка.

В окончании родительного падежа единственного числа прилагательных, местоимений и порядковых числительных в соответствии с литературным г часто произносится билабиальное w, но может сохраняться и фрикативное г (γ):

мъладбѡа, ташѡ, какѡша, з'ал'ѡнѡша, другѡша (второго) и т. д.

Установить какую-либо закономерность в употреблении w и γ в данной позиции невозможно: в речи одного и того же диктора в одних и тех же словах, сказанных в разное время, могут звучать разные звуки. В украинском языке в соответствующей форме в окончании произносится г фарингальное.

В слабой позиции, т. е. в конце слова и слога перед согласными γ чередуется в говоре с х:

лух, нѡхт'и, парѡх, д'ѣн'их, кѡхт'и.

Фонема к оказывается в системе консонантизма говора, в отличие от литературного языка, непарной в отношении глухости-звонкости. Употребляясь перед смычно-взрывными, заднеязычный смычный глухой к часто утрачивает затвор и заменяется х:

лѡхт'и, трáхтѣр, д'ар'ѣхтѣр, хто.

Указанное явление широко распространено и в украинском языке.

В результате происходит совпадение фонем к с γ в виде х в положении перед глухими смычно-взрывными согласными.

В речи жителей Красиловки наблюдаются некоторые отклонения в употреблении твердых и мягких согласных в сравнении с литературным языком.

В русском литературном языке и в абсолютном большинстве русских говоров перед е, т. е. в слабой позиции для парных по твердости и мягкости фонем, произносятся только

мягкие согласные. В данном же говоре могут произноситься твердые зубные согласные в положении перед гласным *е*, соответствующим фонеме *о* литературного языка.

Указанная особенность обычно наблюдается в окончаниях порядковых числительных и местоимений: в *аднеј*, *на теј* и т. д.

Исследования показывают, что, несмотря на большую устойчивость фонетической и особенно фонологической системы говора, и здесь влияние языка окружающего населения оказывается довольно значительным и проявляется, в основном, в изменении артикуляторно-акустической характеристики вариантов фонем и в некотором изменении сферы употребления фонем сопоставительно с русским литературным языком и материнскими говорами.

Инструментальное изучение фонетической системы говоров представляет несомненный научный интерес, так как дает возможность отметить целый ряд особенностей, которые не удастся уловить, ограничиваясь лишь слуховым анализом речи, и ответить на целый ряд актуальных вопросов о взаимодействии языков, диалектов, об изменчивости фонологической и фонетической системы языка и т. п.

**СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ЖЕНСКОГО РОДА НА -а,
ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
ЖЕНСКОГО И МУЖСКОГО РОДА С БЕЗУДАРНЫМ
ИЛИ НУЛЕВЫМ ОКОНЧАНИЕМ В ГОВОРЕ
д. ДЕУЛИНО РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Анализ грамматического явления в диалекте имеет свою специфику, поскольку в этом случае исследователь сталкивается с самостоятельной языковой системой, многие грамматические категории которой по сумме своих признаков не совпадают с подобными грамматическими категориями детально изученного литературного языка. Следовательно, возникает задача самостоятельной классификации того или иного класса слов, определения его места в грамматической системе диалекта.

Большая свобода слово- и формотворчества, отсутствие направляемой регламентируемой грамматической нормы, специфика грамматической системы диалекта в сопоставлении с литературным языком ставят перед исследователем задачу — разобраться в массе словоупотреблений, найти общие грамматические тенденции, не учитывая внешне сходных, но по существу иных грамматических явлений.

В исследуемом говоре несомненный интерес представляет группа имен существительных женского рода на -а, которая структурно выделяется в лексико-грамматический класс слов и отделяется от некоторых категорий существительных, внешне сходных, но по существу относящихся к иным лексико-грамматическим классам. Имеются в виду имена существительные типа: *пыля́, дождя́, комаря́, клопа́, вша́, таракана́, дыма́, гнида́, муха́, гриба́, черва́, позора́* и некоторые другие. Существительным этого словообразовательного класса обязательно соответствуют однокоренные существительные, которые в подавляющем большинстве случаев и по форме, и по значению полностью совпадают с соответствующими существительными литературного языка. Например:

¹ Статья построена на материале, собранном в течение ряда лет во время экспедиций в д. Деулино при работе над словарем говора.

пыль — пыля́; вошь — вша́; гнида — гнида́; му́ха — муха́ или:

дождь — дождя́; дым — дыма́; клоп — клопа́; таракан — таракана́; гриб — гриба́; вор — вора́. Как видно из примеров, соответствующие производные существительные могут быть как женского (в первом случае), так и мужского (во втором случае) рода, но производные существительные с ударенным окончанием -á относятся только к женскому роду. На это ясно указывают формы слов, согласуемых с существительными на -á:

Н'ич'аво́ н'ет, а пыл'а́ п'эдн'алас'. И стра́шнъ [на пожаре], дыма́ н'исас'в'этнъйь... Этъ р'ан'шъ у нас фша́ была́ н'инъка-з'анъйь... работ'ъл'и, дыхат' была́ н'екада. Ан'и́ [желуди] ш'ш'ас пада́йут', как'и́и ч'ар'ва́ пайе́ла... Аказ'алъс' сара́ [сорная трава], аур'абна́йь, ска́жу: пайд'ем пр'ашк'и две па́д'ор'уаимс'и, л'ьб'ада́ стаи́т' как к'знап'и... А как рас-йе́хал'и, да́ж'ж'а́ была́ пр'ъл'ивна́йь, до́ж'ж'ик был...

Передавая определенную экспрессию (о чем подробнее будет сказано ниже), данные существительные, как правило, выступают в номинативной форме, но редкие случаи употребления данного класса слов в косвенных падежах также свидетельствуют об их принадлежности к женскому роду:

А у н'ей н'и в'ид'ат' у́лавы, дъ фшы́ бо́знат' ско́къ... Ты што апалау́м'илъ, да́ж'ж'у́ так'и́у-тъ... [собралась оку-чивать картошку]. Ба́ба нап'и́оца ста́райа, п'эза́ры н'и аб'и-р'о́с'с'и.

Итак, существительным женского рода на -а в говоре обязательно соответствуют существительные мужского или женского рода с нулевым или безударным окончанием в литературном языке. Структурная и смысловая соотнесенность вышеупомянутых пар имен существительных в данном говоре подтверждается частым употреблением их в одном и том же речевом отрезке: *Ой кака́йь дыма́ ид'о́т'... үд'ен'ит' растр'еск'ицицъ п'еч'къ — дым, ска́жут': кака́йь дыма́ ид'е́т'... мно́га́ дыму. Фс'о з'эм'и́ж'ен'илъ, з'амл'а́... вр'од'и сор. сара́ ат'и́нулъ ф по́л'и, нъ үар'од'и л'и. Пыл'-та-ой! Пыл'-а-та в'и́з'д'е. Му́х'и, аур'ибны́и, то к'мар'а, м'шкар'а, то му́ха н'ынъказ'аннъйь фс'а в'асна́. Вара́ н'исас'в'этнъйь, дъ ч'ао́ ш, — вор, үд'е-н'иүд'е́ фс'о адно́ св'и́сн'ит'.*

Такой параллелизм форм позволяет отделить вышеназванные существительные женского рода на -á от внешне с

ними сходных диалектных существительных женского рода на -á, но для данного говора не являющихся производными, то есть не имеющих соответствующего однокоренного существительного. Это существительные *выюга́, буря́, сукá* и некоторые другие такие же единичные образования. В исследуемом говоре можно отметить и ряд существительных женского рода на -á, относящихся к определенному лексико-грамматическому классу слов; это отглагольные существительные со значением действия: *галда́* (от глагола *галди́ть*), *тома́* (от глагола *томи́ть*) и некоторые другие. Например, *Тамá, тамá, там'ила с'иводн'и, п'ьр'идавал'и — дбж'ж'ик на Маскóсской област'и* [был душный день].

Эти существительные также структурно отделяются от исследуемой группы существительных по тому же признаку — отсутствию соотносительности с однокоренным существительным с нулевым или безударным окончанием. Итак, наличие однокоренного и, как правило, производного существительного является структурным признаком данного лексико-грамматического класса слов.

К данному словообразовательному классу по внешней форме примыкает многочисленный класс слов, имеющих в именительно-винительном падеже множественного числа окончание -а. Именительно-винительный падеж множественного числа на -а в говоре д. Деулино образуют существительные как мужского и среднего, так и женского рода: *В л'асу́ так'ици пт'ица́ үес'т'; Пч'ала́ на звук пъл'ит'ел'и; Йесл'и д'ир'ивн'á н'а б́удут' прад́уцыйу вываз'ит'...; Йет'и уст'иá, үд'е ч'ууны́ стáв'ат' — там затон; Ман'уша́ фч'арá далүá рэзна-с'илэ́, с шéи далүá сн'алá; Па пълтары́ [тысячи] пълуч'ал'и пълтн'ика́; Нам балта́йут' пус'т'акá и т. д.*

От данной категории слов описываемый класс существительных легко отчленяется в контексте, в котором форма числа существительных проверяется формами согласуемых с ними прилагательных. Например: *Мухá н'исказáннэ́й, стр'эскаль мухá...* Кроме того, в сознании носителей говора описываемая категория существительных женского рода на -а отделяется от многочисленной и неоднородной категории существительных множественного числа, имеющих именительно-винительный падеж на -а, прежде всего тем, что для многих существительных данной лексико-грамматической группы формы именительно-винительного падежа множе-

ственного числа не совпадают с однокоренными существительными женского рода на -а.

Сравните:

Единственное число	Множественное число	Форма женского рода
грыб	грибы́ или грибы́я	грыба́
му́ха	му́хи	муха́
тарака́н	тарака́нья	тарака́на
вошь	вши	вша́
дождь	дожди́	дождя́

Например: *Яа п'атна́йу тэрака́н'йф, ап'ат' случ'йлэс' тарэка-на́ н'исказа́нн'йь; Што така́йа-та муха́? У сва́х'и-та йес'т' му́х'и, ай пам'ён'и на́шэва?; Аур'абныйи фшы, йётэ ана́ йиш'ш'о н'ь бал'ёлэ, а фша́ была́ н'инэказанн'йь дэ үн'ида́.*

Итак, данный класс существительных по ряду признаков выделяется в самостоятельный словообразовательный тип. Задача дальнейшего изложения — определить грамматическую природу этой категории существительных. При описании данного словообразовательного класса существительных рассматривалась только их грамматическая характеристика, выявлялись объективно существующие в языке структурные признаки, объединяющие довольно разнородные по семантике существительные в один словообразовательный класс. Теперь обратимся к рассмотрению лексических значений существительных, входящих в данный словообразовательный класс. Прежде всего вычлениаются существительные, обозначающие совокупность однородных предметов: *муха́, комаря́, таракана́, грыба́, черва́* и т. п. Выражая в форме единственного числа лексическое значение совокупной множественности, образуясь от конкретных имен существительных, обозначающих единичные предметы (чаще одушевленные), данная группа слов могла бы быть определена как собирательные существительные с грамматически выраженным значением собирательности. Но данный грамматический класс включает в себя также и существительные, образованные от слов с непредметным значением и поэтому не могущие обозначать совокупную множественность предметов. См. в вышеприведенных примерах употребление

существительных *ветра́* [при *вѣтер*], *дождя́* [при *дождь*], *пыля́* [при *пыль*], *сорá* [при *сор* — сорная трава], *шумá* [при шум] и некоторые другие.

Несмотря на явную лексическую неоднородность этих и им подобных существительных с существительными, обозначающими совокупную множественность, кажется вполне оправданным объединение их в один лексико-грамматический класс, поскольку их структурная общность — наличие соответствующих производных существительных с безударным или нулевым окончанием предопределяет и их функциональную общность — выступать в предложении в качестве экспрессивных эквивалентов соответствующих нейтральных слов. Обязательная экспрессивная окраска данного класса диалектных существительных сближает лексически неоднородные, но грамматически объединенные разряды диалектных слов. Экспрессивная «нагрузка» данного класса слов создается не только потенциальным наличием однокоренного нейтрального существительного, но и тем, что существительные данного грамматического класса, как правило, употребляются с экспрессивными прилагательными: *непривѣднѣй*, *огребнѣй*, *ненаказáнный*, *несосвѣтнѣй* и подобными. Все эти прилагательные относятся к одному синонимическому ряду. Употребляясь с одним и тем же кругом экспрессивных существительных, они способствуют внутреннему объединению данного класса существительных в один грамматический тип, с одной и той же экспрессивной функцией, например:

И стра́шнѣ, дыма́ н'исас'в'ѣтнѣй [на пожаре]. *Даж'ж'á* была́ прѣл'ивнáй, *цѣлый ч'ас даж'ж'á* шла, *вот была́ даж'ж'á* н'иууас'имнѣй, и *фч'арá* был *дóж'ж'ик*. *Ой, анá в уул'е хват'ила* урáматку [бумажку], а там *клапá иур'абнáйя*. *Дѣ у с'ей д'ир'ѣвн'и* *клапá н'исас'в'ѣтнѣй*. *Ф Трибух'ин'е* и *клапá и* *фша аур'абнáйя*. Там *уалдá-та*, *шумá-та* была́ *н'исас'в'ѣтнѣйá*, *нѣ лууу* [при дележе покоса]. *Етѣ рáн'шѣ у нас* *фша* была́ *нѣнѣказáннѣй*. ... *работ'л'и*, *дыхат'* была́ *н'екада*. *Абл'а-п'илъ* *мухá н'инѣказáннѣй* и *д'е* *такáй* *мухá* — как *рой*. Он *варá н'исас'в'ѣтнѣй*, *уд'е-н'ит'* *штó-н'ит'* *здѣит'* — он *варá н'исас'в'ѣтнѣй*. *Ет'и д'ѣфк'и* *фс'е* *прамóкл'и*, *даж'ж'á* *дѣ* *какáй*... *Ой, какáй* *дыма́ ид'от'*... *уд'е-н'ит'* *растр'ѣскицицѣ* *п'ечкѣ* — *дым*, *скáжут'*: *какáй* *дыма́ ид'ет'*... *мноуѣ* *дыму*.

Если в одном и том же речевом отрезке наряду с существительным женского рода на -á встречается и соответствующий

щее однокоренное существительное, обычно в форме множественного числа и при каждом из этих существительных употреблено экспрессивное прилагательное, то эмоционально-нейтральная форма, а именно форма существительного во множественном числе, как правило, характеризуется прилагательным с меньшей экспрессивной «нагрузкой». Например: *Мѹх'и аур'абнѹи, то кѣмар'а, мѣшкара, то мух'а н'ѣн'казаннѹй фс'а в'асна. Аур'абнѹи фшы, ѳѣтѣ ана ѳиш'ш'о н'ѣ бал'ѣлѣ, а фша была н'ин'казаннѹй дѣ ѳн'ида.*

При отсутствии соответствующих прилагательных дополнительная экспрессивная характеристика сообщается контекстом, словесным окружением²: *Ан'ѹ събрал'ѹс' ѳѣхат', даж'ж'а, ѳрат. . . Картошк'и и н'он'и плах'ѹи: то жар'а, а то даж'ж'а вз'ала. . . Т'ип'ѣр' ѳѣс'л'и дѣж'ж'ач'ѣк пайд'ѣт', ѳрыба ак'ѹн'ит' ой-ой-ѳой. Мух'а, дайт' н'ил'з'а.*

Существительные описываемого класса на -а, обладая одной и той же грамматической характеристикой, выступают в предложении с одной и той же экспрессивной окраской и обладают, несмотря на кажущееся противоречие, общим для всего класса слов значением: передают избыточную, необычную множественность однородных предметов, представленных как **совокупное множество**, или подчеркивают чрезмерность, необычную **интенсивность** какого-либо явления или действия. Данный класс слов, обладающий в грамматической системе диалекта вполне определенными функциями, представляет собой группу, которая с точки зрения грамматических представлений литературного языка не вполне укладывается в известные разряды. Подведение данного класса существительных под разряд собирательных существительных требует некоторого расширения понятия грамматически выраженной собирательности, поскольку в данный класс включаются существительные с непредметным значением основ. Такое расширение понятия собирательности для грамматической системы диалекта представляется вполне оправданным.

Даже беглый анализ некоторых грамматических категорий говора показывает, что в данной грамматической системе непредметные существительные имеют свои характерные особенности. Прежде всего, обращает внимание более широкое

² В нижеприведенных примерах подчеркнуты слова, косвенно указывающие на интенсивность явлений, характеризующихся существительными в исследуемой форме.

по сравнению с литературным языком употребление некоторых существительных с непередметным значением в форме множественного числа. Например:

Лáнка [лампа] с пузыр'ом, а б'ис пузур'а што ф т'имнатáх у'в'ид'иш. А йа вышла в у'лашэйк'и [род рубашки], скар'ей ф т'имнатáх ид'ивáццэ. Нэ п'эталк'е к'ур'ицэ н'аслáс' ф т'имнатáх, Или: Б'ыл'и уар'á, б'ыл'и уар'á, ну фс'о н'и так'ийи . . . и размóлат' н'е с к'им и рэз'у'вар'йт' н'е с к'им. Скóкэ уар'ей мат' пр'ин'алá — нас шес'т' д'эвак б'ыла. Мн'е уар'á-та б'ыл'и, б'ыл'и, а вот жив'у, б'ис см'ерт'и н'и умр'эш.

Сравним употребление в единственном числе:

В у'лазáх т'амнó, т'имнатá пашлá. Ат эт'их з'нав'есак т'имнат'ина, хот' п'эсн'имáт' их, стáрин'к'иш ад'эт'. Какáйя т'имнат'ина-тэ н'ич'авó н'а в'идна.

Или:

Вдáлс'и в уóр'у, вдáлс'и в уóр'у — н'идахвáтк'и вот и уóр'а. Ч'о-н'ит' падóхн'ит' [из скотины] — и уóр'а.

К характерным особенностям существительных с непередметным значением основ относится также более свободное образование уменьшительных существительных. Например: *у'вар'áт', мáла нон'и вад'ы, ур'асцó аднá [на покосе]. Зайд'и в балóтэ — с'уха, ур'асцó й'ес'т', а с'уха. Ш'ш'ас фс'о изм'ан'и'лас', н'икакóй з'ил'анцы н'ет [на деревенских улицах]. . . трэ'хтарá л'и. . . так фс'о пасóхлэ. Падав'йт', у н'ей ант'эл' др'анцó ид'от'. . . Л'иска, знат' нэ'рывáит' пáл'ац. . .*

Очевидно, тенденция к более конкретному осмыслению так называемых отвлеченных существительных способствует употреблению в собирательном значении многих существительных с непередметным значением основ. Поэтому представляется допустимым отнести анализируемый класс существительных к собирательным существительным с ярко выраженной экспрессивной окраской. Но, безусловно, только тщательный анализ многих языковых категорий диалекта в их взаимодействии поможет окончательно установить подлинное место существительных женского рода на -á в грамматической системе диалекта.

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509051111